

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 44 ОКТЯБРЬ 1981

ПОДВИГУ ЗАЩИТНИКОВ СТОЛИЦЫ-
УДАРНЫЙ ТРУД МОСКВИЧЕЙ!

Бригадир комсомольско-молодежной бригады С. Карпачев.

Цветы героям. Н. Колосов и свердловщица З. Шакирова у заводского монумента Славы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 44 (2833)

31 ОКТЯБРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1981

Виталий ЗАСЕЕВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

— В те дни, чтобы не останавливать производство «катюш», рабочие многих цехов поочередно спали не более двух-трех часов в сутки. Фронтовые комсомольско-молодежные бригады неделями не уходили с завода, давая по пять—семь норм ежедневно. Так рождалась наша реактивная артиллерия, которая не последнее слово сказала в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой в 1941-м...

Рассказчик, пожилой человек с белой головой, умолкает, а я украдкой разглядываю притихших слушателей — молодых рабочих столичного завода «Компрессор», которые собрались на встречу с

Фрезеровщик А. Крупенин — лучший наставник молодежи.

ветераном производства Сергеем Ильичом Яшинным, недавно отметившим полувековой юбилей работы на этом предприятии. В глазах ребят легко читается неподдельный интерес, глубокое уважение к своему почетному гостю и гордость за родной завод, который первым в грозные дни войны дал защитникам Родины боевые БМ-13, прозванные в народе «катюшами».

А Яшинин продолжает:

— Когда гитлеровцы рвались к Москве, компрессоровцы продолжали собирать реактивные установки и незамедлительно отправлять их на передовую. Ни один из нас не сомневался, что враг будет разбит и отброшен от священных границ Москвы. Настолько крепкой была вера людей в нашу армию, наш народ...

Закончился обеденный перерыв, и вновь загудели станки, ожил

ПАМЯТЬ ВАХТА

Во время беседы.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ Й. РАУ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял 21 октября в Кремле премьер-министра земли ФРГ Северный Рейн — Вестфалия, члена Президиума Социал-демократической партии Германии Йоханнеса Рау, находившегося в Советском Союзе по приглашению Совета Министров РСФСР.

Состоявшаяся беседа была посвящена актуальным вопросам советско-западногерманских отношений и современного международного положения.

Участники беседы единодушно высказались за дальнейшее развитие плодотворного, взаимовыгодного советско-западногерманского сотрудничества в различных сферах на основе московского договора 1970 года, других соглашений и договоренностей, достигнутых между обеими странами, и прежде всего на высшем уровне.

Было выражено единое мнение, что такой курс отвечает жизненным интересам народов обеих стран.

Л. И. Брежнев и Й. Рау отметили огромное значение в современных

условиях поддержания широкого диалога между государствами в целях преодоления разногласий и напряженности, укрепления основ мира. Значительную роль в этом плане, по убеждению участников беседы, может сыграть предстоящий визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии и его переговоры с Федеральным канцлером Г. Шмидтом и другими руководящими деятелями ФРГ.

Беседа прошла в открытой, дружелюбной обстановке. В ней приняли участие кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, временный поверенный в делах ФРГ в СССР Х. Хубер и статс-секретарь правительства земли Северный Рейн — Вестфалия Р. Крумзик.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

кран, забегали вдоль прохода юркие электрокары. И хотя бригада Сергея Карпачева, пригласившая в гости С. Яшину, сразу принялась за работу, я заметил, что в глазах ребят все еще живет отсвет тех незабываемых дней, о которых вспоминал ветеран.

— Я часто задумываюсь над истоками подвигов наших отцов, — отрываясь от работы и как бы продолжая внутренний монолог, говорит мне Сергей Карпачев, взглядом провожая С. Яшину, неторопливо идущего вдоль длинного ряда компрессоров. — И знаете, все чаще прихожу к мысли, что, кроме идейной убежденности и негибаемой воли, у наших «старичков» было еще одно качество: они всегда судили себя по самому строгому счету. Вот чему следует нам учиться у них.

— А разве у ребят вашей бригады нет требовательности к себе и своим обязанностям? — спрашиваю я бригадира. — Рядом стоят Женя Плешаков и Миша Зеренков. Мне сказали, что они работают так же ударно, как и их сверстники в ту осень сорок первого года.

Сергей улыбается. По всему видно, что ему радостно за своих товарищей, которые, подхватив призыв комсомольцев страны «Одиннадцатой пятилетке — ударный труд, знания, инициативу и творчество молодых!», уже в начале сентября выполнили задание первого года новой пятилетки и трудятся в счет будущего года. Но улыбка быстро гаснет на лице бригадира, ког-

да он начинает размышлять о том, что мешает им сегодня трудиться еще лучше, выпускать продукции больше, а главное — качественней.

— Поршневые компрессоры для промышленных холодильников, которые мы собираем, конечно, не «катюши», — говорит С. Карпачев. — Но ведь и их с нетерпением ждут на заводах и судах дальнего плавания, в сельском хозяйстве и на крупнейших новостройках страны. А работаем мы порой с простоями и с авралами. И организация труда у нас не всегда на должном уровне, и поставки смежников хромают на обе ноги. Значит, где-то, кто-то не предъявляет к себе строгого счета...

Сергей Карпачев вправе огорчаться недостатками. Его бригада, одна из лучших в механосборочном цехе, давно научилась работать с опережением времени и, что самое главное, не допускать брака. Не зря о таких ее членах, как В. Рогоцкий, М. Зеренков, Е. Плешаков, А. Агеенко, и других в цехе говорят, что они не умеют работать плохо.

Немало времени провел я на дважды орденоносном «Компрессоре», коллектив которого воспитан на славных революционных традициях и который сейчас достойно несет особую вахту — вахту памяти в честь героических защитников столицы. Здесь с гордостью вспоминают, как выступал перед рабочими завода, тогда еще «Котлоаппарата», Владимир Маяковский, читавший свою поэму «Хорошо!». Как Ми-

хаил Иванович Калинин вручал группе компрессоровцев ордена и медали за обеспечение фронта реактивной артиллерией. Навсегда запомнится рассказ старшего инженера завода Виктора Владимировича Габеля, который в тяжелые дни битвы под Москвой, рискуя жизнью, не раз прокладывал телефонные кабели, обеспечивая тем самым надежную связь штаба армии с частями на передовой. Модельщик Николай Дмитриевич Колосов и в создании «катюш» принимал участие, и за Москву дрался, и Берлин брал. Орден Славы, медаль «За отвагу» и еще добрый десяток правительственных наград украшают грудь ветерана, более сорока пяти лет, без единого опоздания, переступающего порог заводской проходной. Сосредоточенный в деле и скромный в общении, отзывчивый на чужую боль и веселый, когда всем вокруг хорошо, Николай Дмитриевич Колосов сумел, говоря словами Николая Островского, «наполнить жизнь... содержанием, необходимым для оправдания самой жизни». Его пример помогает сегодня заводской комсомолке точно определять для себя жизненные ориентиры и строго идти выбранным курсом.

— Общественный коммунистический субботник, посвященный сороковой годовщине разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, станет для нас настоящим трудовым праздником, — говорит Колосов. — Рабочие всех цехов в честь этого знаменательного события берут повышенные обязательства.

Встреча на аэродроме.

Фото А. Гостева

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 26 октября в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Президент Йеменской Арабской Республики Али Абдалла Салех.

На Внуковском аэродроме А. А. Салеха встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Гро-

мыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, другие официальные лица.

Среди встречавших находились посол ИАР в СССР С. А. аль-Ашваль, главы дипломатических представительств ряда зарубежных

стран, аккредитованные в СССР, студенты из ИАР, обучающиеся в советских вузах, представители трудящихся Москвы.

ПЕРЕГОВОРЫ В КРЕМЛЕ.

мическим связям С. А. Скачков; с северийеменской стороны — Президент Йеменской Арабской Республики А. А. Салех.

На переговорах, проходивших в дружественной обстановке, были всесторонне рассмотрены вопросы отношений между СССР и ИАР в политической, экономической, культурной и других областях, а также актуальные международные проблемы, прежде всего связанные с положением на Ближнем Востоке.

Л. И. Брежнев и А. А. Салех выразили удовлетворение успешным развитием отношений между двумя странами, прочной основой которых является Договор о дружбе 1964 года, и высказались за их дальнейшее укрепление и расширение на благо народов СССР и ИАР.

При обсуждении международных проблем была обоюдно выражена озабоченность ростом напряженности в мире и подчеркнута необходимость активных действий всех миролюбивых сил, направленных на обуздание гонки вооружений, на устранение угрозы ядерной войны и упрочение мира.

Особое внимание участники переговоров уделили положению на Ближнем Востоке. Было отмечено, что происходящее здесь дальнейшее обострение обстановки является результатом агрессивной политики Израиля и покровительства ему империалистических сил. В этой связи была подчеркнута необходимость скорейшего достижения всеобъемлющего ближневосточного урегулирования, реальный путь к которому открыл

бы созыв международной конференции по Ближнему Востоку с участием всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины, являющуюся единственным законным представителем палестинского народа.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что у Советского Союза не было и нет недобрых замыслов в отношении государств района Ближнего Востока, равно как и других районов мира. Советский Союз — искренний, последовательный и бескорыстный друг всех арабских народов, он не домогается военных баз на территории арабских стран. Советский Союз желает лишь одного — прочного мира на соседнем с ним Ближнем Востоке и добрых отношений со всеми без исключения государствами этого района.

27 октября в Кремле состоялись советско-северийеменские переговоры.

Переговоры вели: с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, председатель Государственного комитета СССР по внешним эконо-

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

ТЕМП — СИБИРСКИЙ!

В самый канун праздника 64-й годовщины Великого Октября страна узнала о большом трудовом достижении тюменских нефтяников: они добыли двухмиллиардную тонну нефти менее чем за 18 лет с начала освоения богатейшей подземной кладовой. Примечательно, что второй миллиард был получен немногим более чем за три года, тогда как на добычу первого ушло четырнадцать лет.

В день трудовой победы.
Телефото И. Сапожкова (ТАСС)

НАХОДКА

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЛОЦМАН

Десятки морских кораблей под флагами разных стран днем и ночью, в шторм и затишье, в снегопад и ливень входят в воды бухты Находка. Каждое судно, подошедшее сюда, должно принять и провести к причалу или к месту якорной стоянки лоцманская служба Дальневосточного морского пароходства. Капитан судна по радио приглашает на свой борт лоцмана. Опытный, хорошо знающий прибрежную акваторию судоводитель-лоцман специальным катером прибывает на корабль и ведет его в нужную точку. Это сложившаяся веками традиция, правила морского судоходства. Но сегодня в Находке вековая традиция нарушена...

...Еще при входе в это здание, выстроенное на восьмидесятиметровой отметке над уровнем моря, нас попросили сменить обувь. Таков закон помещений с электронными установками. В просторных залах — царство современной радиоэлектронной и вычислительной техники. В операторской на круглых экранах радары рисуют зеленоватой нитью линию берега, чуть в сторонке — яркие точки стоящих на якорях кораблей. Электронное око зорко просматривает всю огромную акваторию, разбитую на квадраты и треугольники, между которыми тянутся ровные коридоры — фарватеры. И все это смонтировано на большом панно индикаторной схемой, прямо перед глазами операторов. Как только судно пересекает границу залива, оно тут же попадает в зону действия береговой радиолокационной системы. Капитан ве-

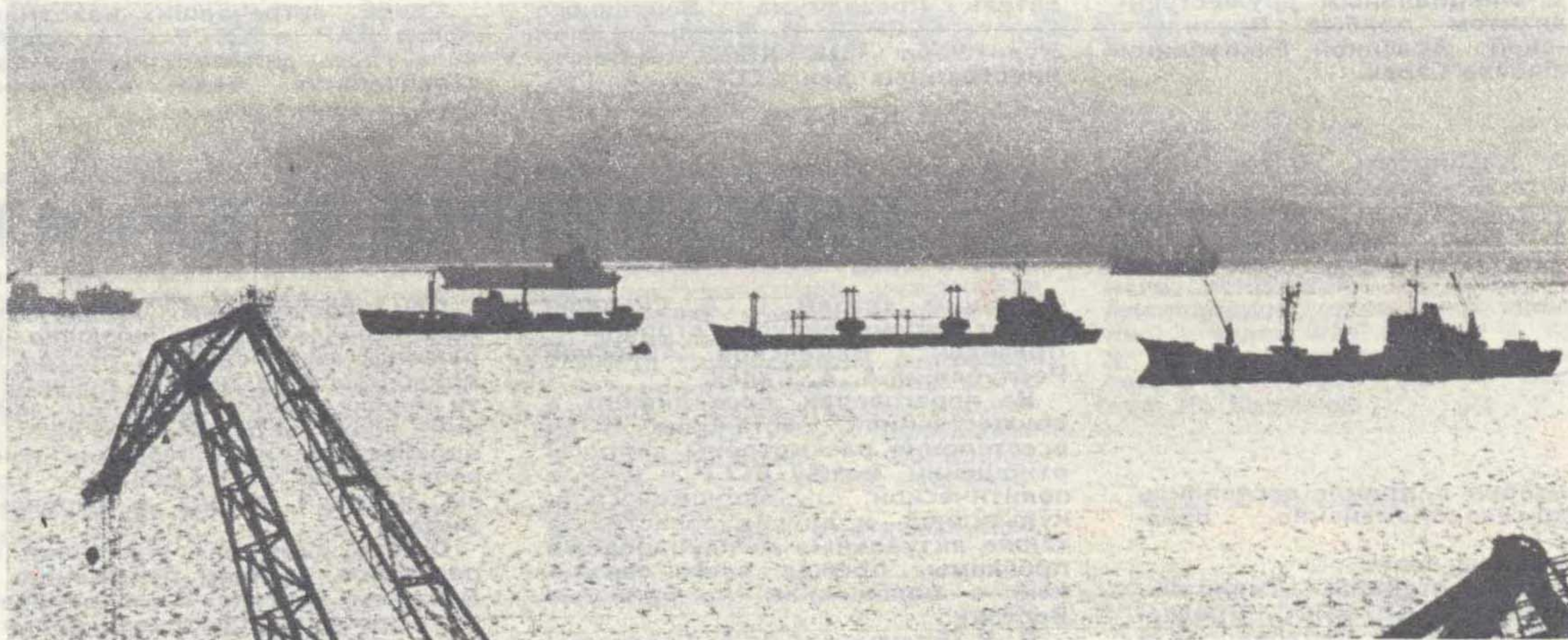
дет диалог с электронным лоцманом. Машина моментально обрабатывает полученные с судна данные об осадке, грузе, тоннаже, размерах и тут же выдает решение на экране дисплея. Оператор, наблюдая объект, зная его скорость, расстояние до берега и место постановки корабля на якорь, ведет его по рекомендованному машинной коридору. При малейшем отклонении, возможности возникновения аварийной ситуации электроника мгновенно подает сигнал тревоги, и тут же принимаются меры безопасности. Таким образом, аварии при проводке судов по заливу

электронным лоцманом полностью исключаются. Вся проводка — от ее начала и до конца — фиксируется специальными приборами и записывается на ленте.

— Бесспорно, диапазон возможностей береговой станции радиолокационной проводки куда больше человеческих, — говорит начальник станции Олег Дмитриевич Баранов. — Электроника может регулировать судоходство по всему заливу. Аналоги подобных станций имеются в мировой практике судоходства, но это первая в мире станция, которая охватывает и держит под контролем вы-

числительного комплекса такую огромную акваторию. Работающие здесь операторы — высококвалифицированные специалисты, на их плечах лежит большая ответственность. Весь коллектив в короткий срок освоил сложную технику и уверенно ее эксплуатирует. В будущем, когда вступит в строй вторая очередь Восточного порта, нагрузка на станцию значительно возрастет. Порт будет принимать многотонные суда с большой осадкой.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора

Суда в бухте Находка.

ПРОВОЗВЕСТИК ЭНЕРГЕТИКИ БУДУЩЕГО

МОСКВА

Во время конференции проходила выставка новейшего электронного оборудования. Зарубежные фирмы демонстрировали приборы для наблюдения за плазмой.

Фото автора

Человечество сейчас, как никогда раньше, заинтересовано в новых источниках энергии. Эту проблему, по мнению ученых, может помочь решить четвертое состояние вещества — плазма. Вопрос в том, чтобы научиться управлять термоядерным синтезом, то есть заставить реакцию синтеза легких ядер отдавать свою энергию медленно и в строго контролируемых условиях.

Этой большой проблеме была посвящена X Европейская конференция по управляемому термоядерному синтезу и физике плазмы. В работе конференции, кроме советских ученых, приняли участие около двухсот зарубежных из 28 стран. Европейское физическое общество уже второй раз проводит подобную конференцию в Москве. Физики всего мира охотно едут в СССР: основное направление исследований по удержанию плазмы ведется на установках, получивших название ТОКАМАК, — изобретении, сделанном в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова.

— Трудности термоядерного синтеза, — считает председатель оргкомитета конференции, вице-президент АН СССР, академик Е. П. Велюхов, — в необходимости научиться получать и поддерживать в земных условиях температуру, в 3—5 раз превышающую температуру в центре Солнца, то есть порядка 70—100 миллионов градусов. Сегодня мы практически достигли этого, хотя еще и далеки в техническом плане от создания первой термоядерной электростанции.

Как показала прошедшая конференция, на имеющейся экспериментальной базе в СССР, США, странах Европы и Японии накоплена весомая информация, достаточная для перехода к следующему шагу — разработке и созданию первого экспериментального реактора.

— Продолжая традиции сотрудничества, советские ученые в 1978 году предложили создать международный термоядерный реактор — его назвали ИНТОР. На конференции в Москве был заслушан доклад профессора Гюнтера Григера (ФРГ) о первых этапах его разработки, проводимой совместной группой ученых из СССР, стран Европы, США и Японии, — отмечает Евгений Павлович.

Термоядерный реактор — провозвестник энергетики будущего. И конференция еще раз доказала, что совместная работа ученых разных стран над этой проблемой способствует также смягчению международного климата, содействует делу мира и разрядки.

Многим делегатам конференции я задавал вопрос: «Ну, а когда же все-таки будет построена термоядерная электростанция?». Об этом можно будет говорить, когда в институтских установках энергия, выделявшаяся при термоядерном синтезе, превысит затраты на нагревание исходных веществ плазмы. Ученые уже не сомневаются, что с помощью управляемого синтеза к концу нашего столетия будет создан неисчерпаемый источник энергии.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Из многих хозяйств республики на элеваторы поступало зерно сверх плана. На снимке: колонна КамАЗов с хлебом совхоза «Ленинский» Северо-Казахстанской области.

Фото И. Будневича (ТАСС)

ЩЕДРОЕ ПОЛЕ КАЗАХСТАНА

Большим хлебом вновь порадовали Родину земледельцы Казахстана — одной из главных житниц страны. В закрома государства ими засыпано 15 миллионов 734 тысячи тонн добротного зерна — более 960 миллионов пудов.

В сложных погодных условиях достигнута эта трудовая победа. С ней тепло и сердечно поздравил всех трудящихся республики Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Целинная страда первого года одиннадцатой пятилетки завершена. Земледельцы республики создают прочный задел под будущий урожай.

• НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ •

НОВОСЕЛЬЕ

ОДЕССА

ОДЕССКОЙ ОПЕРЕТТЫ

— Одесский театр музыкальной комедии открыл сезон в новом прекрасном здании театра, построенном по проекту архитектора Г. В. Топуза, — сообщил нам народный артист СССР, художественный руководитель театра Михаил Григорьевич Водяной.

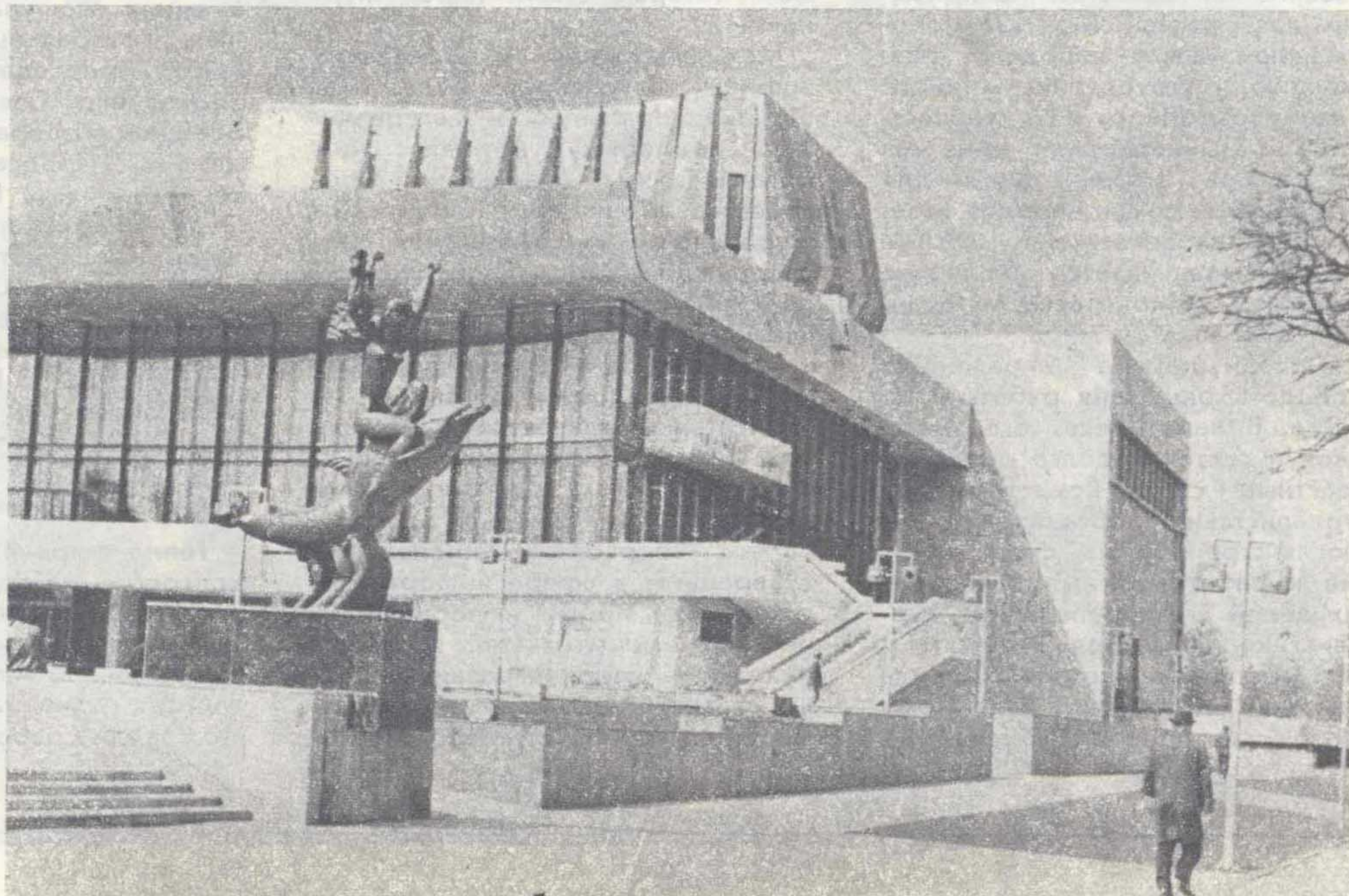
Существует мнение, что наш знаменитый Одесский театр оперы и балета — второй в Европе, надемся, что о новом театре музыкальной комедии будут говорить: «Второго такого в Европе нет!»

В зале на 1350 мест пойдут спектакли основного репертуара. В малом зале на 300 мест мы будем показывать работы, созданные театром в порядке творческого эксперимента.

Зрителей гостеприимно встретят три фойе, над интерьерами которых работали лучшие художники Москвы, Украины, Молдавии, Грузии и прибалтийских республик.

Сценическое оборудование нового театра отвечает лучшим образцам отечественной театральной техники. Электронная и телевизионная аппаратура обеспечит четкую работу всего сложного театрального хозяйства. Открывающийся в театре музей расскажет зрителю о 35-летней истории нашего коллектива.

Здание нового театра является первым уникальным архитектурным элементом в генеральном плане реконструкции города-героя Одессы.

ПРАЗДНИК БОЛГАРСКОГО НАРОДА

Выступает глава советской делегации В. В. Кузнецов.

Телефото БТА—ТАСС

20 октября Болгария отмечала «День болгарского государства» — один из 13 юбилейных дней в рамках чествования 1300-летия образования болгарского государства. Этому событию было посвящено

состоявшееся в Софии торжественное заседание ЦК БКП, Народного собрания, Государственного совета и Совета Министров НРБ, Управительного совета БЗНС, Национального совета Отечествен-

ного фронта, ЦСБПС, ЦК ДКСМ и Всенародного юбилейного комитета по чествованию 1300-летия образования болгарского государства.

В нем приняли участие также

делегации и представители более чем 100 стран, ряда международных организаций. Присутствовала делегация СССР во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецовым.

С докладом выступил Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков.

Затем с речью выступил В. В. Кузнецов, тепло встреченный участниками заседания. Он передал сердечный привет и пожелания новых успехов в строительстве развитого социалистического общества на древней болгарской земле от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева.

22 октября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецовым — главой делегации СССР на торжествах, посвященных 1300-летию болгарского государства.

За заслуги и вклад в развитие и углубление сотрудничества и сближения между СССР и НРБ, советским и болгарским народами В. В. Кузнецов награжден орденом Георгия Димитрова.

П Р И З Ы В К М И Р У

«Коллеги!

Мы призываем всех вас писать и говорить правду и вместе с нами встать на защиту мира, на сторону тех, кто борется за предотвращение ядерной войны, за спасение человечества. Мы призываем вас содействовать взаимопониманию между народами, расширению и углублению мирного и взаимовыгодного сотрудничества, которое необходимо ныне как для каждой страны, так и для всей великой семьи народов, именуемой человечеством». Этими словами заканчивается обращение участников IX конгресса МОЖ ко всем журналистам мира.

...Позади четыре напряженных и плодотворных дня работы конгресса. В памяти всех его участников и гостей надолго останутся страстные слова представителей журналистских организаций из многих стран мира — слова, зовущие к работе во имя благородных целей демократической журналистики. Останется в памяти и сама обстановка, которая царила в эти дни в Колонном зале Дома союзов, где проходил конгресс,—

деловая обстановка серьезного, ответственного рабочего совещания: каждый участник конгресса стремился поделиться своими мыслями с коллегами из других стран, выслушать их мнение по проблемам, которые ставит перед журналистами сама жизнь.

Международная организация журналистов и впредь будет оказывать моральную и материальную поддержку журналистским организациям, отдельным прогрессивным и демократическим журналистам, подвергшимся преследованиям империалистической реакции. Это находит свое конкретное выражение в поддержке и солидарности с журналистами Чили, Сальвадора и других стран.

Участники конгресса обсудили ряд вопросов, связанных с новым международным информационным порядком, основная идея которого — борьба за национальный суверенитет в сфере информации и культуры, против империалистического вмешательства в духовную жизнь народов развивающихся стран. Отмечалась необходимость покончить с информацион-

ным терроризмом, дезинформацией.

Работа IX конгресса МОЖ привлекла большое внимание мировой демократической общественности. С приветственными посланиями к его участникам обратились Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер, Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Ф. Кастро, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, президент ЧССР Г. Гусак, президент Сирийской Арабской Республики Х. Асад, а также ряд международных и региональных журналистских организаций.

Тепло встреченный участниками конгресса, на одном из заседаний выступил Председатель Исполкома Организации освобождения Палестины Я. Арафат.

Форум журналистов отметил, что среди работников буржуаз-

ных средств массовой информации растет понимание того, что эти средства при капитализме служат совершенно определенным классовым интересам и поэтому не могут быть независимыми.

Забота о мире... Эти слова звучали в выступлениях всех участников конгресса. Они стали его символом, потому что долг всех журналистов, всех людей доброй воли — не допустить, чтобы гонка вооружений, подхлестываемая измышлениями о мнимой «советской угрозе», была доведена с помощью этой лжи до ядерной катастрофы.

Делегаты конгресса избрали новые составы президиума и исполнительного комитета МОЖ.

Президентом МОЖ избран К. Норденстренг (Финляндия), генеральным секретарем — И. Кубка (ЧССР). С советской стороны вице-президентом Международной организации журналистов избран председатель правления Союза журналистов СССР В. Г. Афанасьев.

ГРЕЦИЯ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Владимир ВЕРНИКОВ

Убедительная победа социалистов — таково единодушное мнение всех политических наблюдателей, в самых разных странах с интересом ожидавших результатов парламентских выборов в Греции. Действительно, партия Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) получила почти 48 процентов голосов избирателей и, располагая абсолютным большинством депутатских мандатов в парламенте (174 из 300), сформировала свое правительство — первое левое, демократическое правительство Греции за время после освобождения страны от фашизма. Но если быть более точным, то победу одержала вся левая оппозиция — ведь третьей по влиянию силой зарекомендовала себя Коммунистическая партия Греции — 13 депутатских мандатов говорят о ее авторитете у народа, голосовавшего за перемены, за новый путь развития.

Каков же он, этот новый путь, в чем конкретно должен проявиться? Ответ дают не только предвыборные программы ПАСОК и КПГ. Находившаяся в течение многих лет у власти партия «Новая демократия» проводила антинародный курс подчинения страны интересам многонациональных монополий и НАТО, что не могло не сказаться на ее экономическом положении: Греция в течение трех последних лет занимает одно из первых мест в Западной Европе по темпам роста инфляции и дороговизны, а это вызывало законное недовольство народа.

Но особенно показательным фактором этой антинациональной политики стало решение о возвращении Греции в октябре 1980 года в военную организацию НАТО и начавшийся с 1 января нынешнего года процесс интеграции с ЕЭС, за вступление в которое Афины заплатили отменой государственного контроля над ценами, предоставлением права иностранным банкам беспрепятственно вывозить и ввозить капиталы, ограничением торговых сделок с партнерами — нечленами «Общего рынка». Резко негативное отношение греческой общественности к присутствию американских военных баз на территории страны, к решению правительства Г. Раллиса поддержать размещение новых американских ядерных ракет в Европе, его «лояльное» отношение к нейтронному оружию убеждали греков в том, что «Новая демократия» ведет Грецию по опасному пути.

Отрицание этой политики и лежало в основе предвыборной платформы ПАСОК и ее лидера А. Папандреу, учитывавших настроения широких народных масс. В области внутренней политики А. Папандреу, по свидетельству агентства ЮПИ, наметил три цели: восстановить экономику путем поддержки мелких и средних предприятий; «обобществить» (как он называет свою форму национализации) банки, страховые компании и некоторые предприятия; произвести реформу системы просвещения и социального обеспечения. Он также планирует поддержать попытки крестьян продавать свою продукцию через кооперативы.

Обещание осуществить «демократические перемены при поддержке народа», пересмотреть условия участия Греции в НАТО и вывести ее из военной организации блока, очистить территорию страны от американского ядерного оружия и военных баз, а также добиться ряда внутривнутриполитических реформ и привели партию к победе. Сам Андреас Папандреу стал премьер-министром страны, получив тем самым мандат на претворение своих обещаний в жизнь. Правда, уже сейчас многие наблюдатели отмечают, что трудности на этом пути встретятся немалые — как внутри страны, так и во внешнеполитическом плане и что не исключена переоценка им самим первоначальных обещаний в сторону «большей умеренности».

Действительно, приход к власти греческих социалистов не на шутку напугал и нынешнюю вашингтонскую администрацию и руководителей НАТО, усмотревших в программе нового правительства не только «угрозу ослабления южного фланга» блока, но и всем другим милитаристским планам. У них вызвала тревогу и «социализация» Европы. В успехе левых сил Греции они услышали эхо недавних выборов во Франции — опасной, с точки зрения атлантических стратегов, тенденции в развитии политической жизни некоторых европейских капиталистических стран.

И потому против Греции сразу же началась шумная пропагандистская кампания, включая нажим и шантаж, угрозы и вмешательство во внутренние дела. Посыпались предостерегающие заявления, недвусмысленные намеки на возможность военного переворота и т. д. Одновременно с этим был приведен в действие и шестой американский флот, начавший незапланированные маневры у берегов Греции.

Знакомый почерк, знакомые приемы! Как видим, самовольно присвоенное себе Вашингтоном право совать нос в чужие дела и указывать народам, как они должны жить, проявилось вновь, на этот раз в еще более агрессивной форме. Однако Вашингтон получил достойный отпор. А. Папандреу недвусмысленно заявил, что Греция намерена обеспечить отныне «свою национальную независимость и суверенитет», несмотря на любое давление извне.

Опыт показывает, что в сложных политических и экономических условиях жизни капиталистических стран приход к власти левых партий и демократической оппозиции является закономерным ответом широких трудящихся масс на антисоциальный характер предыдущих правительств. Однако ясно, что, какими бы притягательными ни были предвыборные программы победителей, осуществить их они смогут лишь при широкой поддержке всех слоев населения и левых демократических сил, в первую очередь коммунистов. Греция не исключение, и потому важное значение для ПАСОК имеет заявление Генерального секретаря ЦК КПГ Х. Флоракиса о готовности компартии внести свой вклад в борьбу за демократические перемены в стране.

СОРВАТЬ ПРЕСТУПНЫЕ ПЛАНЫ

По инициативе ООН и Всемирного Совета Мира народы планеты проводят Неделю действий за разоружение, заявляя о решимости отстоять дело мира, сохранить и упрочить разрядку, сорвать планы размещения в Европе новых американских ракет средней дальности, массового производства нейтронного оружия.

В рамках Недели в Лондоне состоялась массовая манифестация сторонников мира. В ней приняли участие более 250 тысяч человек. В течение нескольких часов продолжалось это величественное шествие. Рабочие и студенты, либералы, коммунисты и беспартийные пацифисты выразили свой решительный протест против опасных ядерных планов натовской военищины.

За последние годы Лондон не видел такой грандиозной манифестации. Она закончилась массовым митингом в Гайд-парке. Многочисленные ораторы требовали остановить гонку вооружений, заявляли о том, что, как бы ни были сильны правящие круги ведущих капиталистических держав, народы в состоянии сорвать их преступные планы.

На снимке: демонстранты на улицах Лондона.

ГДЕ ГОЛУБЫЕ ТАЙМЕНИ

Сергей МАРКОВ

Фото И. ГАВРИЛОВА

...В иллюминатор тянет свежим ветерком, мягко шелестит вода под бортом. Наш «Геолог Рожков» отходит на рассвете, которого почти незаметно — к августу едва размыкается здесь долгий день. Мотор ревет, кашляет, икает мощно — и скрываются за елями на высокой песчаной отмели последние домики Якутска. День и ночь идем без остановки. Высокие коренные берега сменяются заливыми островками, разделяющими Лену с протоками; приземистые густые ивы, синие ели, торчащие корни бурелома... На фарватере вода крутая, холодная, мутно-бурая. Угадывается под ней вечная мерзлота. Тридцать тонн — водоизмещение нашего катера — расходятся из-под кормы к берегам прямыми, как стрелки огромных часов, седыми волнами.

...Зимой с председателем президиума Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, членом-корреспондентом АН СССР Николаем Васильевичем Черским мы много говорили о Лене, о предполагаемом в низовьях реки строительстве гигантской ГЭС. С одной стороны — сравнительно дешевая, огромная, мощностью двадцать миллионов киловатт электростанция, способная отапливать и освещать десятки, сотни городов и поселков, фабрики и заводы, способная помочь людям вести буровые работы, добывать золото, алмазы, олово, железную руду, газ, уголь...

...Первая остановка — поселок Сангар. Из него летим в Арытта, чтобы увидеть знаменитое озеро Неджели.

— Рождением своим Неджели обязано семидесятипятилетнему старику Григорию Иннокентьевичу Ноговицыну, моему однофамильцу, — рассказывает председатель сельсовета Афанасий Степанович. — Удивительный был старик, легенда! Он один, без всякой помощи прокопал пятнадцатикометровый канал, соединивший пересыхающее озеро Чинзке с небольшим, ничем не примечательным озерцом, которое даже называния-то не имело. Что побудило старика взяться за этот почти сизифов труд? Теперь уже никто точно не знает. Одни говорят, что старик осушал свои угодья, другие — что последние годы жизни был не в себе... Так или иначе, но вскоре это неизвестное раньше озеро — Неджели — стало уникальным. Длинной больше тридцати километров, шириной до десяти, оно удивительно для этого края теплое, чистое, личинки и водоросли гораздо питательней, чем в других якутских озерах, утка и рыба — жирней. В год оно способно дарить шестьсот тонн солнечно-золотистого караса, которому, пожалуй, в стране у нас нет равных по вкусу да и по весу...

Из Арыттаха выбираемся на вертолете, потому что погода резко ухудшается. В вертолете кто-то разворачивает карту. Отметка воды в водохранилище, необходимом предполагаемой Нижне-Ленской ГЭС, — 95 метров. Это на три метра выше уровня озера Неджели.

«Водоохранилище для электростанции должно быть гигантское, площадь вдвое превышающее

Байкал, — говорил мне Н. В. Черский. — В длину — больше полутора тысяч километров. Даже в Якутске уровень воды поднимется. Будут затоплены огромные территории лесов (в Якутии в основном растет ценнейшая даурская лиственница!), месторождения природного и твердого газа, нефти, только угля — больше пятидесяти миллиардов тонн».

Первая ГЭС, построенная в условиях вечной мерзлоты — Вилюйская, — многое показала и многому научила. После строительства водохранилища река уже не помещается в русло между своим ложем и льдом. Деваться воде некуда — по бокам она выходит на поверхность льда и начинает замерзать. Лед покрывает своеобразная каша слоем до полуметра и больше. На Севере замерзшие реки давно уже привыкли использовать в качестве дорог для автомашин — это несравненно выгодней, чем прокладывать шоссе через тайгу. Сейчас же на реке Вилюй, на участке огромной протяженности — до тысячи трехсот километров, фактически до самого устья — наледи. Не то что в качестве дороги реку использовать, — невозможно даже перебраться с одной на другую сторону.

На водохранилище лед, на который не действуют ни течение реки, ни общее взаимодействие вскрытия, сохраняется гораздо дольше и бывает прочнее — в результате весной образуются затопы. Судходство сокращается на целый месяц.

...В Сангаре из-за разбушевавшегося ночью шторма стоим четверо суток. А за Жиганском, говорят, таймень уже начал спускаться по горным речушкам в Лену, а речушки мелкие, прозрачные — нам снятся темно-серебристые спины с длинными ярко-оранжевыми плавниками, тяжелые, зеленоватого оттенка головы; снасти уже давно готовы.

Остров, возле которого капитан решает бросить якорь, километров пять в длину, три в ширину. Метров восемьсот до густых, напоминающих тростниковые, зарослей ивы — седые песчаные плесы. Берем ружья и погружаемся в заросли. Встречный восточный ветер нам на руку: он согнал куропаток на нашу сторону, и приближаться к птицам можно совершенно неслышно. За час мы снимаем четырех крупных куропаток и крикву. Обогнув карьер, выходим на небольшую поляну. Справа от нас бурелом, слышится сухой треск, хруст, мы продираемся сквозь заросли на берег протоки — мокрая синяя спина и шея сохатого блещет уже далеко, у противоположного берега, но выстрелить мы все же успеваем — из фоторужья.

На ночь ставим в проливе закидушки. Утром одну из них уносит или засыпает песком, но на двух — жирные, отливающие сталью осетры.

...В прибрежной полосе водохранилища меняется климат. На огромной территории вокруг Вилюйского водохранилища (нам приходилось говорить со многими жителями тех мест) весной и летом стало холоднее, усилился и стал порывистым ветер. Осенью, наоборот, теплей, но ветры прямо-таки штормовые. Волны на водохранилище, ничем не отличающиеся от морских, перерабатывают береговую линию, валят лес, «глотают»

берега; ни одному зданию, построенному в относительной близости от воды, нет гарантии.

Нижне Вилюйского водохранилища не стало весеннего половодья. А это почти убийственно влияет на почву, луга, заготовка сена резко упала.

Изменение климата заметно влияет на животный мир. Ученые Института физтехпроблем Севера сравнивали данные прошлого года с данными, полученными в 1970 году. Резко уменьшилось количество лугостепных и водоболотных птиц, вообще изменились виды птиц в этом районе, гораздо меньше стало белок. Испокон веков недалеко от реки Вилюй вили свои гнезда черные журавли, внесенные в Красную книгу. Осталось их на земле всего около двух тысяч. На лето журавли прилетали на берега Вилюя с Японских островов. После того как места гнездования были затоплены водохранилищем, журавлей там не видели.

...Зазвенело, завывало в ушах, снег окрасился лиловым, заискрился, поплыл куда-то. Снова захотелось Анне Васильевне присесть, перевести дыхание; в тот шестидесятиградусный день от морозной пелены и вблизи ничего нельзя было разобрать, воздух был особенно разреженным, каждые пять — десять шагов сдавливали грудь, перехватывало горло и душил, рвал на части кашель. Нельзя было уходить от нарт без лыж — стучало в висок, не найти уже соболя, думала Анна Васильевна, прислонившись к теплому телу вековой лиственницы. Хотя и отчетливо видны следы, хоть и ранил его капкан, а все же ушел соболя, не найти, десять километров уже...

— И тогда вспомнилась мне телевизионная передача, — лучисто улыбается Анна Васильевна Иванова, знаменитая жиганская охотница. — Передача об Африке, о больших длинноногих птицах и львах, о носорогах и жирафах... Стояла я, прислонившись к мягкому стволу, и все теплей мне делалось, все уютней, и солнце жаркое такое, белое...

Но хватило сил у Анны Васильевны разлепить глаза, сделать шаг, еще шаг, пойти дальше по следу соболя и найти зверька, а потом в мертвой уже таежной черноте вернуться к оленям, которые сами нашли дорогу домой.

...Мы сидим в доме Анны Васильевны, в Жиганске, пьем чай с пирогами и голубичным вареньем, разглядываем громадные, покрытые серебряной краской олени рога, прибитые к стене, чучела куропатки, глухаря, гагары, белок, расставленные по полкам и подоконникам, расклеенные по стенам фотографии модниц из «Работницы» и «Крестьянки», покрытые лаком дощечки, на которых выжжены охотничьи сцены Якутии и Северной Америки.

— У меня две дочки и сынок, — прикуривает десятую уже, наверное, «казбечину» Анна Васильевна.

на, вместе с нами глядя на стены. — Сынок мой Семен бредил одно время американскими индейцами. Он художником мечтает стать. Сейчас в Ленинграде, в училище поступает.

Совсем недавно она была на Всероссийском совещании охотников в Москве. Выступление ее запомнилось всем. Анна Васильевна рассказывала о своей работе, о якутских охотниках, прямо говорила о том, что мешает промысловикам: никуда не годны капканы «новой» конструкции с тугими и ломкими пружинами и незакрепленным «язычком», слишком слабы мелкокалиберные винтовки; плох материал для палаток, не пропускающий воздух, быстро покрывающийся льдом...

Слова ее звучали в Москве весело, потому что обеспечены запасом мягкого золота — шкурки соболя, белки, горностая, песца, красной лисицы, которых сдает она государству больше самых удачливых и умелых охотников-мужчин. Когда зимой ребята в республиканской газете рассказывали мне об Анне Васильевне, я представлял себе этакую... «вожу» — проводницу, которых давали русским землепроходцам местные племена. И странно теперь и очень как-то по-человечески трогательно слушать эту маленькую женщину с большими лучисто-кариыми глазами, просто рассказывающую о вещах, которые, думаю, не снислись самым знаменитым охотникам.

— Анна Васильевна, а Москва понравилась?

— Да, очень. Мы ее вечером с Останкинской башни, с «Седьмого неба» видели, замечательная красота!

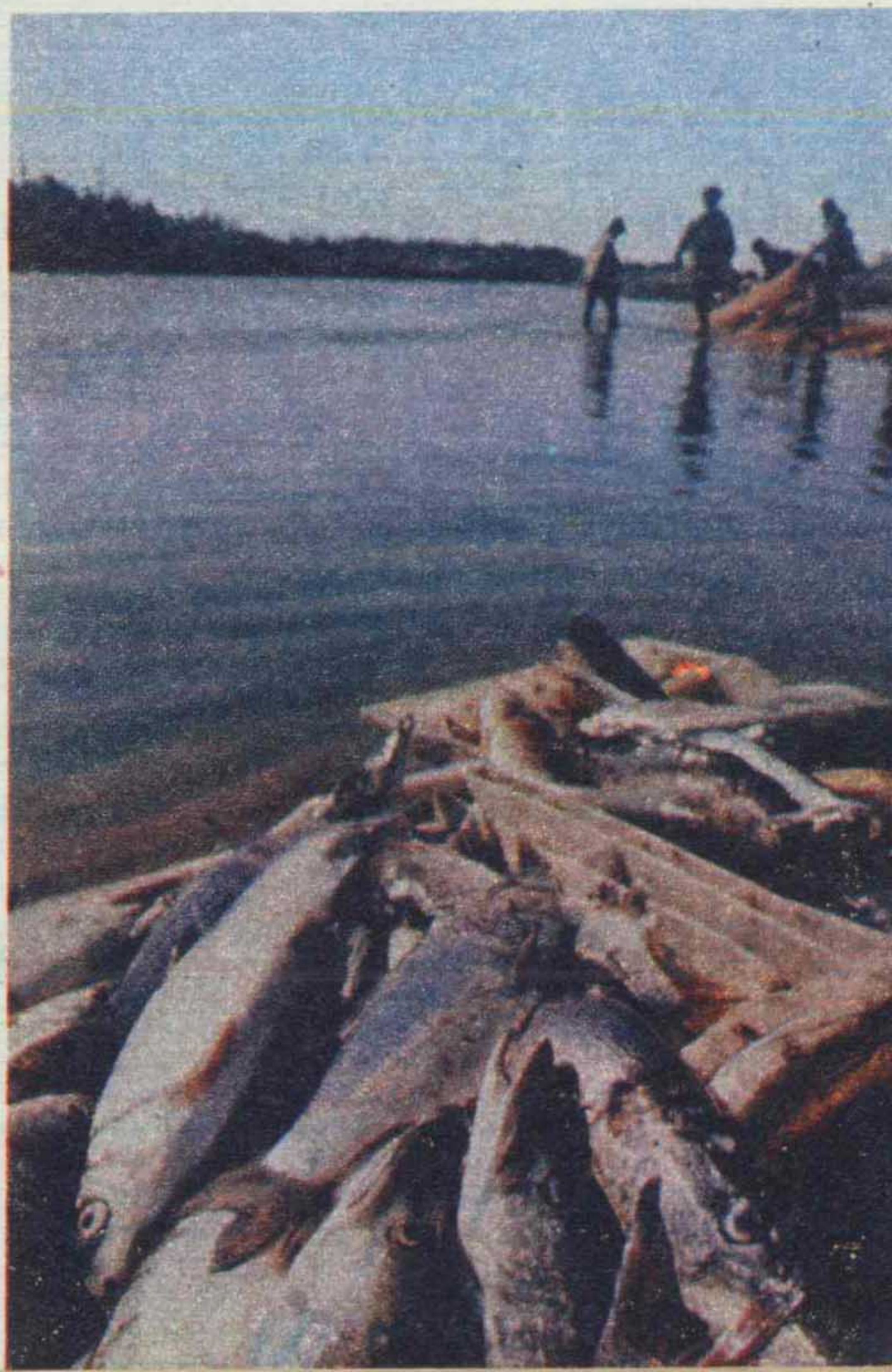
— Интересно, а жить вы смогли бы у нас?

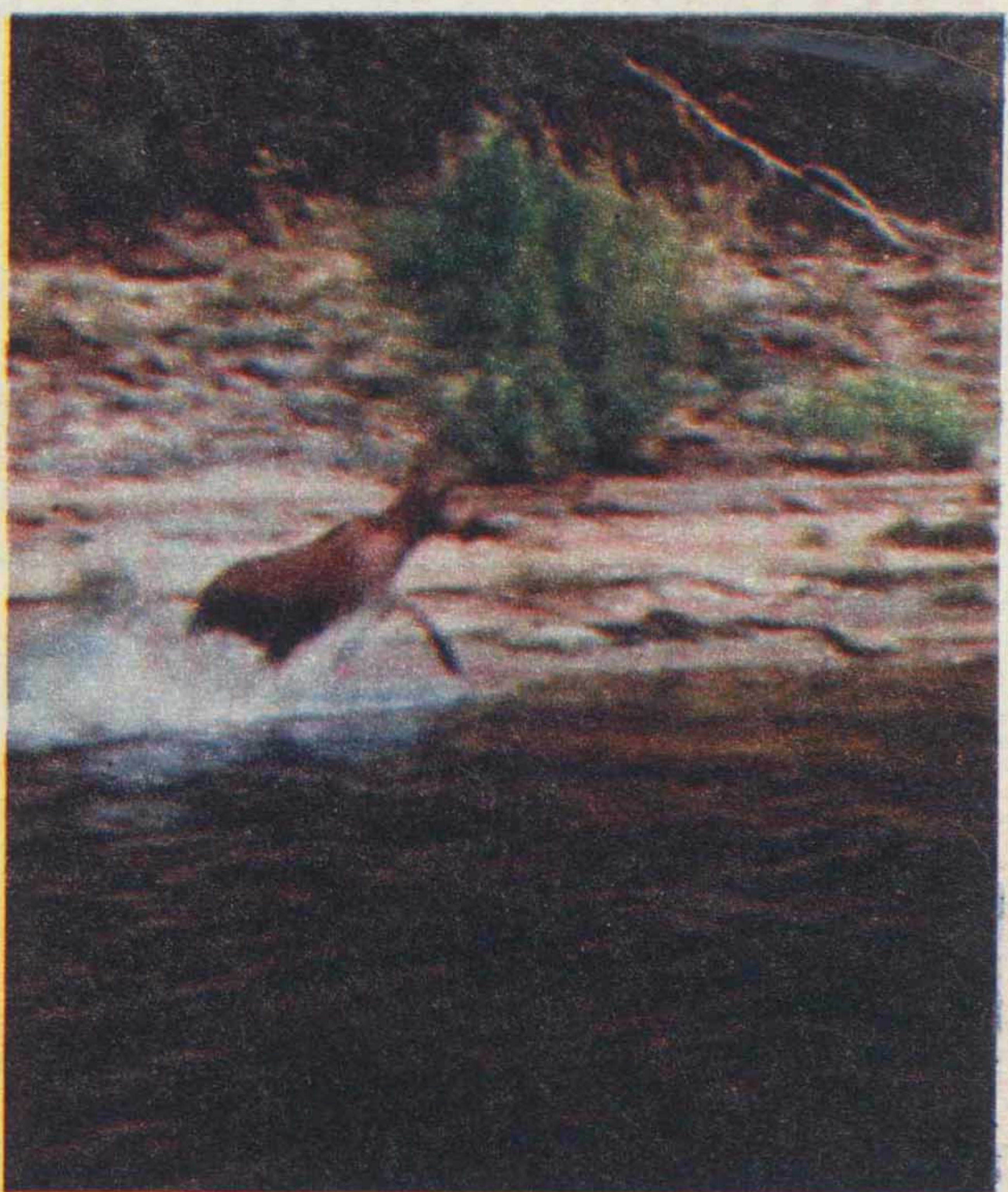
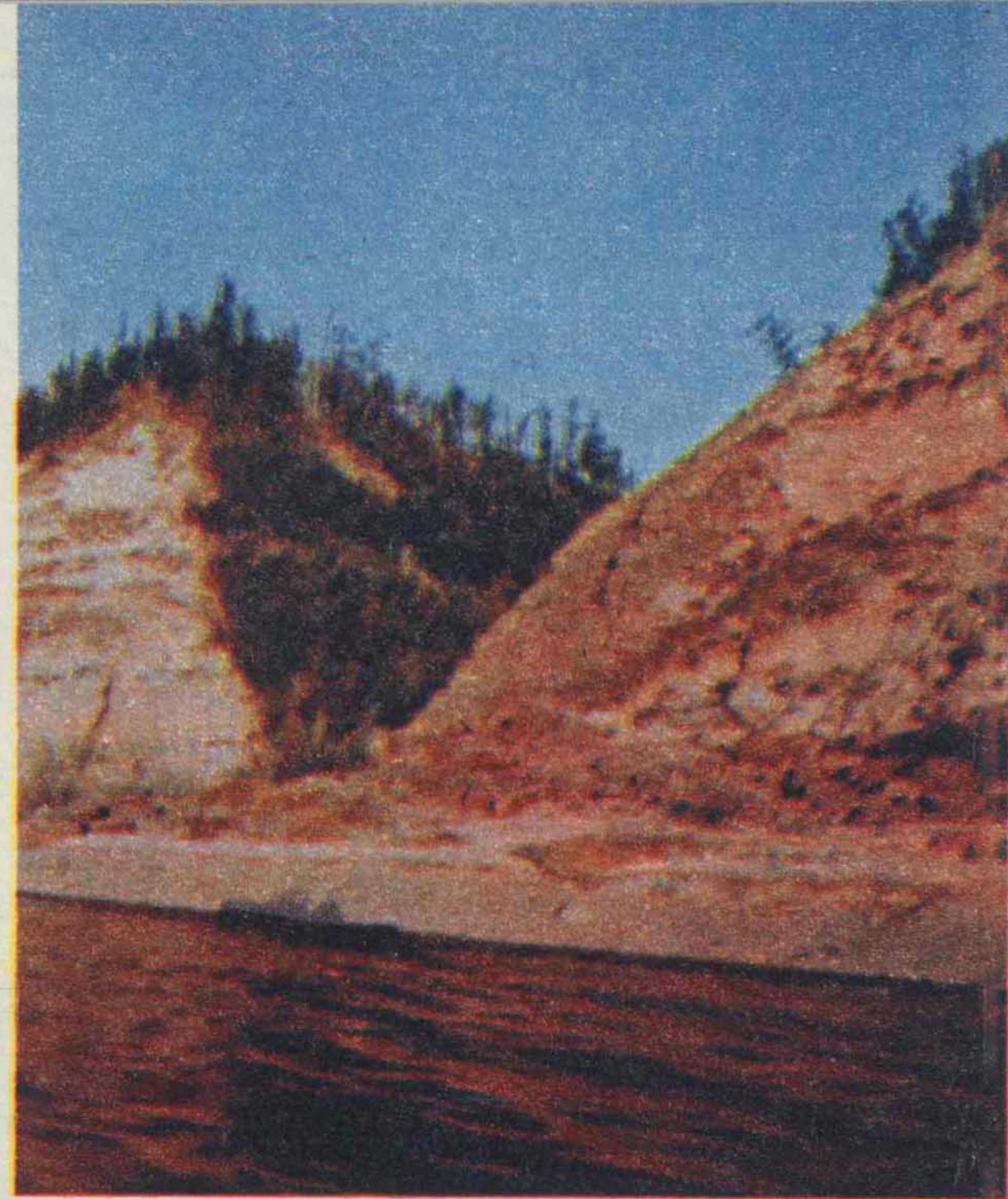
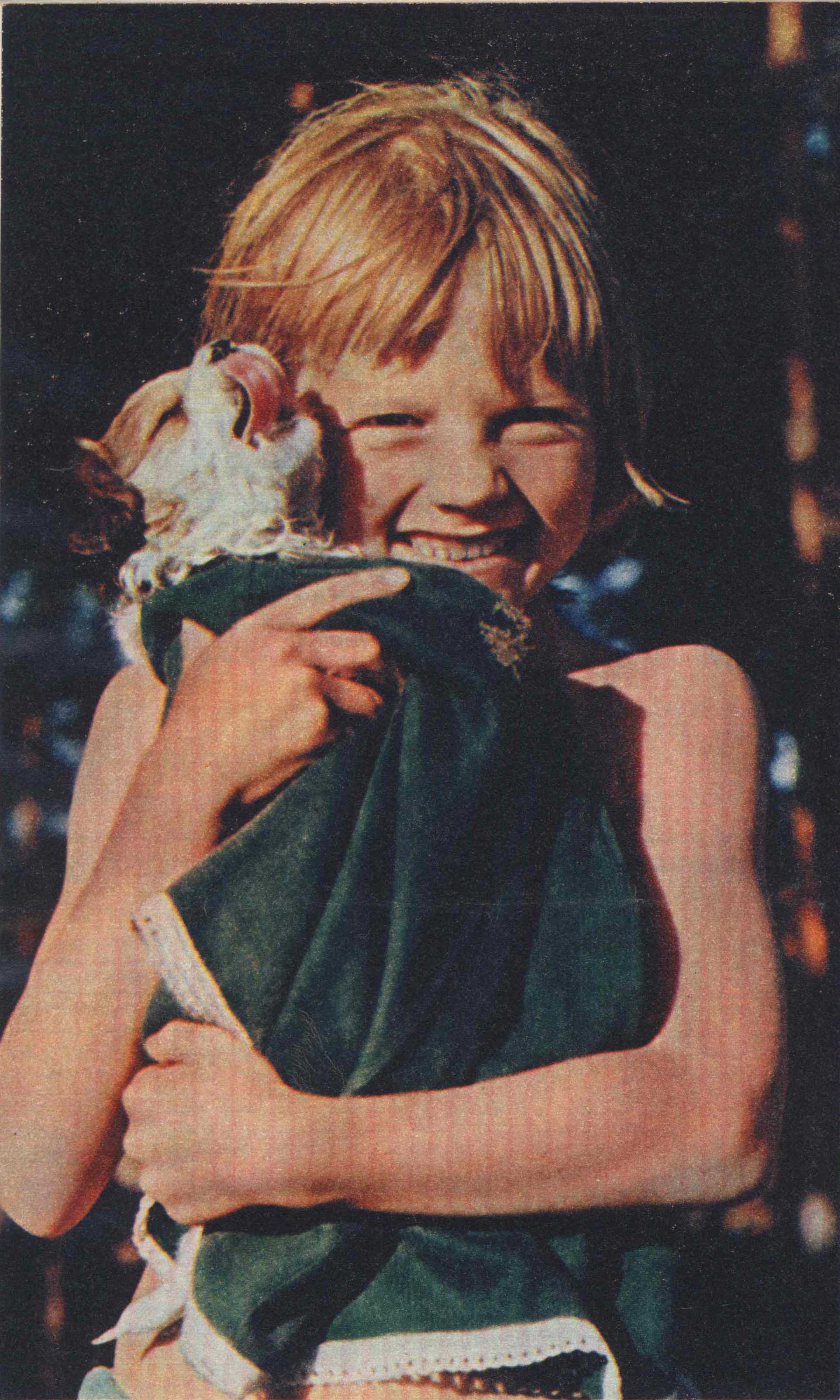
— Я? — смотрит на нас чуткими глазами Анна Васильевна, старательно закуривая. — Нет, — отвечает. — Есть старики якуты, которые даже в малюсеньком доме в Жиганске не могут жить, разбивают в огороде палатку — и спят себе с удовольствием. Разве может что-нибудь сравниться с запахом таежного мороза? Очень жаль мне было смотреть в Московском зоопарке на оленек наших северных: шерсть жиденькая, рожки коротенькие, глазки мутные, больные совсем.

Здесь, в Жиганске, готова, кажется, осуществиться наша заветная мечта: летчики приглашают с собой «на таймена».

Часа два рассеем носами «Прогрессов» волны, брызги хлещут по ветровому стеклу и в лицо, «Вихри» воют то угрожающе, то жалобно. Закат впереди громадный, сперва изумрудно-бирюзовый, гладкий, позже бугристый, розовый. У самой воды валуны песчаника, выплывающие рекой бревна. Сверху мрачно темнеют ели и лиственницы. В устье горной речушки Соболю-Маян входим почти в темноте. Вода кажется мяг-

Капитан паром В. Полянский. * Молодой оленевод. * Озеро Неджели. * Испытание. * Улица в Тикси. * Инженер-аэролог А. Некрасов. * Последний заход.

кой, чистой, прислушиваешься сквозь моторы: вдруг жажнут где таймень хвостом по черному зеркала или ленок смачно плеснется в камышах...

Самые темные часа два — два с половиной переживаем у костра — светает, «вперед и вверх, а там — ведь это наши горы, они помогут нам...». На первом же перекате садимся, винт вязнет в гальке, шпонку мотора срубает. Раскатываем болотные сапоги, прыгаем в воду и, подняв «Вихрь», тащим лодку против бурлящего течения. Метров через двести снова кромсает береговую тишину мотор, только бы не завязнуть, только бы не засесть... Один из нас ложится грудью на нос и по-лоцмански вглядывается вниз, не мелькнет ли дно. «Левей, левей! Прямо! Стоп! Право руля! Назад, старина, суши винт!» Через километр снова садимся на перекате, еще одну шпонку спиливает как масляную, снова мы ухаем с лодки и, черпая воду голенищами, карабкаемся по гальке вверх, против течения, которое все убывает, становится тверже. До полудня преодолеваем восемнадцать перекатов. Нужно было бы еще подняться километров на десять — не хватает сил, падаем на берегу на оленьи шкуры и стараемся уснуть хоть ненадолго. Но разве уснешь на берегу реки, кишасей тайменями! Глаза закроешь — и выплывает на тебя тупая зеленая морда с выпученными глазами... Я беру из лодки коротенький спиннинг — рапиру с миллиметровой леской и «мышом» вместо блесны, достаю из коробочки запасной якорек, кладу в карман кусок черного хлеба с луковичей и ухожу по солнечной стороне Соболах-Маяна вверх, за излучину. Ближе к противоположному берегу вода кипит, пенится, она необычного изумрудного цвета, и уверенность в удаче растет. Я захожу в воду по колено, оттягивая решающий момент, разглядываю по-морскому обточенные камешки, коричневого жучка, севшего на одиночную травинку... Размахиваюсь и забрасываю «мыш» в бурлящий лазоревый поток. «Мыш» сухой и идет по поверхности. Смачиваю его, подтягиваю к кончику удильца, снова размахиваюсь — р-раз!.. «Мыш» уходит под воду, катушку вращаю медленно, чтобы таймень наверняка заметил... И кто-то резко дергает, заглатывает «мыш», и всплеск, я знаю, что таймень сперва глушит добычу хвостом, да, это, несомненно, он, а кто же еще, меня бросает в пот, сердце пропускает несколько ударов, срывается вдруг как бешеное...

Но это обычный зацеп, дело на горных речках частое. Ни у кого из нас за весь день ни одной поклевки. Одни объясняют это тем, что таймень еще не успел спуститься с гор, другие — что он уже в Лене. Дым тянется к стеариновому беззвездному небу, искры, как снежинки, застревают в пушистых лапах лиственницы, от костра пахнет смолой, рыбой, почему-то арбузом. Тройная уха из щуки, окуня и ленка, пойманного в небольшую сетку, давно уже кипит. На расстеленном полотенце — деревянные ложки, хлеб, соль, влажные от росы помидоры... Противоположная «Тайга» — все-таки одно из величайших изобретений человечества. Ненадолго ее, правда, хватает. Но если после ужина, когда в стаканах еще осталось по донышке, укутаться плащ-палаткой, капюшон опустить на глаза и упрятать кисти рук в рукава, то хорошо говорить на вечные после рыбалки темы, и эскадрильи мощи, взлетающие одна за одной со своих аэродромов, не мешают. Спит в палатке крепко. Перед рассветом вода сиреневая, как морс из голубики.

...Снова вспоминается мне зимний разговор с Н. В. Черским. Многие ученые и в Сибири и в Москве с тревогой говорят о возможном влиянии огромного водохранилища на ценнейшие породы рыб: муксун, чир, омуль, нельма, осетр, сиг, ленок, таймень... Опыт крупных водохранилищ — Братского, Красноярского, Усть-Илимского — говорит о том, что затопленный и сгнивший на дне лес — а очищать ложе от леса считается нерента-

бельным — резко увеличивает содержание в воде сероводорода, образуются бескислородные, мертвые зоны. Кроме того, неминуемо переключаются извечные места нереста рыбы, вода меняет цвет, делается мутно-бурой... Попытки в искусственных условиях из икринок выращивать мальков пока ощутимых результатов не дают.

Из Жиганска на Тикси летим самолетом. Есть несколько вариантов одной легенды. По одной бог, пролетая над Якутией, обморозил руку и просыпал здесь почти все свои сокровища. Согласно другой, пролетая над Якутией, бог решил посмотреть в зеркало и случайно разбил его. У иллюминатора самолета вспоминается вторая. Озера, петляющие речушки, пруды, канавки, полные воды, лужицы, роса, блестящая на солнце. Малюсенькая тень нашего «Яка» упрямо пробирается сквозь окошки зеркала, не боясь пораниться. Справа — Верхоянский хребет в золотых снегах, слева — Лена, и все вокруг голубое-голубое. Постепенно тайга редет, линяет, цвет из хрома-кобальта переходит в окись хрома, потом — в охру.

Дверь открывается, из кабины выходит стюардесса... Но почему в форме пилота? На наши вопросительно поднятые подбородки она улыбается и розовеет смущенно. «Первый пилот! — шепчет на ухо сосед. — Член Якутского горкома партии, депутат горсовета...» Летать приходилось много, но никогда не видел девушку в роли командира такого крупного самолета, как «Як-40». Ждем ее возвращения, знакомимся, чувствуя по осуждающим взглядам пассажиров, что со стороны это выглядит довольно пошло. Набираемся наглости, просимся в кабину. В кресле первого пилота Мария Яровая выглядит солидней, но от фальшивых интонаций, которые всегда появлялись в общении с красивой девушкой, так и не удается избавиться.

— Маша, а домой, в Тульскую область, не тянет?

— Как вам сказать. — Нежная улыбка не совсем вяжется с четкими приказами второму пилоту, жилистыми руками на штурвале. — Привыкла уже... Вон там — видите, полоска впереди — это уже море, Ледовитый океан. А под нами сейчас как раз остров Столб, с которого начинается устье Лены. Мы летаем от самого ее истока до Тикси. Удивительная, чудесная река, хоть и говорят, что любит она только мужчин. Ни разу не повторилась в цвете, постоянно протоки свои меняет, островки, с берегами что хочет, то и делает, — сверху здорово видно. Вот это я понимаю, женщина!

Времени для разговора полчаса.

— Главная трудность в работе? — Общение с подчиненными мужчинами.

— Самое сильное впечатление в жизни?

— Полукапот на «АН-2». При взлете одно шасси зарылось в песок и перед самым отрывом самолет воткнулся лопастями винта в грунт. Никогда больше я не слышала такой тишины.

— Свободное время?

— В отряде сказали, что необходимо научиться хотя бы одному женскому делу — научилась вязать. А вообще мы с мужем — Володя тоже летчик, летает на «АН-26» — любим рыбалку на спиннинг. Есть у меня замечательное охотничье ружье — пятизарядный полуавтомат МЦ-21.

— Хватает времени на чтение?

— Очень люблю Астафьева, «Русский лес» Леонова... А Пушкина читаю чуть ли не каждый день. Он и научил меня любить

осень. Вы знаете, какая осень в Якутии! Особенно с небольшого «АН-2» видно. Калина пылает, травы, листья тысяч цветов и оттенков, воздух — синий-синий, и лебеди, лебеди... Позавчера белила дома потолок, и вдруг за стеной заиграли «Октябрь» из «Времен года» Чайковского — я кисточку выронила, стою на табуретке и не понимаю, что происходит со мной: сладкое такое чувство, какая-то неземная прелесть переполняет, и слезы...

Самолет идет на снижение. Достигает высоты круга, выпускает шасси, закрылки, выходит на прямую, на высоте десять метров начинает выравниваться, затем добывает посадочное положение и плавно, осторожно прикасается к бетонке основными колесами. У трапа Маша отводит меня чуть в сторону, чтобы не слышал экипаж. Мило и смущенно улыбается.

— Вы спросили, хочется ли домой, в Новомосковск? Когда болею, очень хочется. Чтобы включен был телевизор и торшер, чтобы папа газету читал, а мама накладывала мне ложкой мед в чашку с чаем...

Чуть ли не штампом уже стало начинать очерк о туманном Лондоне ярким солнцем. Рассказа о Тикси солнцем, кажется, еще никто не начинал. Бухта серебрится, морские чайки восторженно вопят, размахивая огромными, блестящими на солнце крыльями. Небо не по-морскому высокое и чистое. Я вспоминаю зимние рассказы о ветре — тридцать метров в секунду, — о летящих по улицам Тикси камнях. А теперь чем не курорт? Но следующим утром выпал снег, который, правда, часам к десяти растаял. «Борта», то есть самолета или вертолета, на остров Столб уже нет. И вообще никуда нет. Низкая облачность. Говорят, кто-то из нашего брата-журналиста просидел вместе с вертолетом два месяца на каком-то недалеком острове. А прилетел на час, щелкнуть пяток черно-белых снимков. Нет, все-таки это не Рио-де-Жанейро. Зато везе-ходы есть.

Едем к оленеводам. Лязг, визг, грохот — перекур. Тундра дышит влагой и холодом. По бурным сопкам клубится жидкий туман. Ни деревца. Вдали меж сопками поблескивает вода. Это озеро Копчик. Там в красных скалах гнездятся ястребы, бакланы... Воздух висит, кисло-сладкий, тугой. Кое-где краснеют побитые ночным морозом листья волчьей ягоды, виднеются желтые головки полярного мана и седые — пушицы, их ужасно жаль жевать гусеницами, но что поделаешь, если и кожу тундры, защитный ее покров, мох, сдирает вездеход, оставляя за собой лужи, раны неизлечимые.

...Много лет ученые МГУ изучают устье Лены. В Тикси мы встретились с руководителем одной из научно-исследовательских экспедиций Московского университета, доктором географических наук Романом Сергеевичем Чаловым.

— Последствия сооружения гигантской ГЭС здесь, в условиях вечной мерзлоты, могут быть самыми неожиданными. Из-за уменьшения стока вод подводные и надводные части устья Лены будут под угрозой быстрого размыва. Обычно водохранилища не оказывают серьезного влияния на нижележащие слои земной коры. Но особенно крупные... В начале шестидесятих годов в Африке на реке Замбези было создано огромное водохранилище площадью шесть с половиной тысяч квадратных километров. Под водохранилищем и вблизи него на глубине десяти — двадцати километров начали возникать умеренной силы землетрясения. Прогибание земной коры и усиление сейсмической активности наблюдались при заполнении крупнейших водохра-

нилищ на реке Колорадо в США, на западе Индии, у нас в стране — в районе Братского и Красноярского водохранилищ. А в предполагаемом районе строительства Нижне-Ленской ГЭС теоретически возможны и десятибалльные землетрясения.

...Кажется, покрытый брезентом конический остов тордоха из жердей — рядом, но до него километров восемь. Встречает нас высокий, худой старик якут Егор Иванович Стручков.

— Доробо, здравствуйте, милые гости! — пожимает он нам руки. — Диала кайдагы? Как дела у вас? Проходите, пожалуйста...

Лицо у Егора Ивановича сухое, блестящее, на скулах и остром подбородке редкие седые кустики, шея и светящиеся кисти рук покрыты пятнышками старческой гречки; чувствуется в теле его жилистая сила, не разжалась еще пружина до конца.

Вскоре сын Егора Ивановича, Николай, пригоняет к тордоху стадо в тысячу двести голов и с помощью одного помощника закольцовывает, укладывает оленей на землю. Николаю тридцать три года, он уже несколько лет бригадир. Среднего роста, туго сбитый, черноволосый и черноглазый, охотно улыбается, показывая крупные зубы. В небольшой палатке, куда мы уходим от пронизывающего ветра, чтобы поговорить, Николай заботливо расстилает отцу две оленьи шкуры, взбивает подушку под локоть, укрывает ноги старика. Слушает он отца завороченно, совсем по-детски распахнув широко расставленные глаза. Егор Иванович рассказывает о своем дедушке — оленеводе Гавриле Христовиче, который подарил ему шестьдесят девять лет назад свой тайх — длинную палку для управления оленями; об уроках деда, касающихся выпаса, гона и отела оленей, ухода за самцами — хорами, спиливания рогов... Вспоминает Егор Иванович голодные военные годы, вспоминает поездку в Москву, на ВДНХ, куда командировали его в 1963 году как передовика производства... Но особенно вдохновенно — и услуги переводчика не нужны — говорит старик о тундре. Он уверен, что каждый оленевод в душе поэт. Морские приливы, туманы, сопки, тишина, запахи, а главное — синева свободы не могут не родить поэта.

Вечер холодный, синий, прозрачный. Из палатки выносят нам в подарок огромные рога. Провожают всей бригадой. Жмем друг другу руки, со стариком, гордо позвякивающим медалью ветерана труда и значком победителя социалистического соревнования на пиджаке, и с Николаем обнимаемся.

Проект строительства Нижне-Ленской ГЭС родился примерно в одно время с проектами Нижне-Волжской и Нижне-Обской гидроэлектростанций. В Москве уже прочитал я мемуары академика Михаила Алексеевича Лаврентьева — ученого, которому многим обязана сибирская земля: «...Активное участие Совет по науке принял в решении вопроса о целесообразности создания Нижне-Обской ГЭС. Была большая борьба. Плотина в низовьях Оби создала бы огромное водохранилище размером примерно с Каспийское море, затопило бы многие территории, перспективные на нефть. На изыскание был потрачен не один миллион... Сибирское отделение провело совещание по проблемам строительства Нижне-Обской ГЭС. Абсолютное большинство ученых отнеслось к проекту отрицательно. Огромное водохранилище угрожало лучшим лесам, расположенным вдоль берегов Оби, привело бы к заболачиванию больших площадей, изменило бы к худшему климат Западной Сибири. СО АН резко выступило против проекта. В итоге от сооружения Нижне-Обской ГЭС отказались».

Якутск — Тикси — Москва.

Друзья. * Ленские берега. * В тайге. * Сохатый. * Шиповник. * Угожье. * Закат.

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Вечером Алиев и Ерофеев возвращались в отряд. Колхозники нагнали сани продуктами — запрягли в них крепких лошадей, дали в провожатые деда Еронима. В Лебяжье они вошли ночью, но Млынский, несмотря на поздний час, еще не спал. Он сидел за столом у карты.

— Ну, как там? — Живо поднялся он навстречу Алиеву и Ерофееву. — Как живут люди? Неужели сохранили хозяйство?

— Великолепно! Это же настоящие герои! Под носом у немцев живут так, как будто у себя дома. Ведут хозяйство, снабжают партизан и подпольщиков продуктами и одеждой, выхаживают раненых и, конечно, ждут освобождения. Нужно только, Иван Петрович, подумать, как им помочь уберечься от немцев.

— Да, вопрос серьезный и очень трудный.

— Но решать его надо, Иван Петрович!

— Ну, давай вместе обмозгуем это дело. Мы ведь должны двигаться на основную базу. Пока вы ходили, я тут проложил к ней маршрут и подсчитал расстояние. Оказалось, что нам с вами нужно еще пройти около двухсот километров. Это потребует немалого напряжения и отличной конспирации. Так что возвращаться нам не с руки. А с основной базы мы в случае необходимости доберемся к ним не успеем.

— Как же быть? — спросил комиссар.

Млынский задумался, почесал в затылке.

— Думаю, надо радировать Деду, чтоб он силами своих партизан взял под защиту этот колхоз. Потом имейте в виду, что Красная Армия наступает. Сейчас линия фронта проходит всего в семидесяти двух километрах от Лебяжьего. Если наступление будет развиваться и дальше, то к весне, а может, и раньше эти места будут от немцев освобождены. Так что готовьте радиogramму, Гасан Алиевич.

— Что ж, прекрасно. Это выход из положения.

Алиев направился к выходу. Млынский снова склонился над картой.

Ерофеев, выждав, когда Млынский закончит работу, хитровато сказал:

— Иван Петрович! А вы помните, какой сегодня день?

— Какой? Кажется, среда.

— Среда! Канун Нового года сегодня, тридцать первое декабря!

— Ну и что?

— Как ну и что? Встретить надо! Колхозники дали нам двух кабанчиков, килограммов по сто, несколько мешков хлеба, картошку и бочонок спирта литров на пятьдесят. Разрешите все это раздать по подразделениям?

— Молодец, сержант. Надо ребятам устроить праздник. Только раздай все поровну, чтоб никого не обидеть. А спирт, Ерофеич, выдай командирам рот лично, из расчета пятьдесят граммов на человека. Остатки передать в медсанроту.

— Ну что такое пятьдесят граммов для наших молодцов, Иван Петрович, особенно для

разведчиков, это только губы намочить, — довольно сказал Ерофеев. — Новый год все-таки!

— Им сколько ни дай, все равно мало, — улыбнулся Млынский. — А ты хорош адвокат! Надо и о раненых подумать. Драться будем, а не сидеть сложа руки. Так что действуй, Ерофеич, и скажи, чтоб ко мне явился Бондаренко.

— Есть! — отчеканил сержант.

Не успел Ерофеев выйти, как в дом, стряхивая с себя снег, вошел комиссар, а следом за ним такой же заснеженный Бондаренко.

— Ну, легки на помине, раздевайтесь и садитесь, есть дело.

— Я тоже пришел с делом, — ответил старший лейтенант.

— Докладывай, что у тебя, — сказал Млынский.

Бондаренко разделся, сел на табуретку.

— Дело вот какое, Иван Петрович. На дворе погода такая, в которую хороший хозяин собаку из дома не выгонит. Зато для разведчиков лучшего и желать нечего. — Он замолчал.

— Вот-вот, и я о том же пришел сказать, — произнес Алиев. — Разведчики поработают, а людям можно денька два отдохнуть. Дед Ероним говорит, что раз метель разыгралась в Будницких лесах, значит, охватит всю область.

— Отлично, — ответил Млынский. — Надо попытаться раздобыть «языка». Кто пойдет? — обратился он к Бондаренко.

— Я, Иван Петрович.

— Нет, пошли-ка на этот раз своего заместителя. Он человек боевой, трезвого ума и отличной выдержки. Уверен, что он успешно проведет поиск. Как, Гасан Алиевич?

— Не возражаю. Гаркавенко — примерный замкомроты. К тому же вчера я ему вручил партийный билет. Сам просится на задание. Думаю, что его просьбу следует удовлетворить.

— Тогда я с вашего разрешения пошел готовить группу, — поднялся Бондаренко.

— Семен, подожди! С учетом такой погоды удвойте посты вокруг Лебяжьего и пустите подвижные посты в самом поселке.

— Будет исполнено, — отчеканил Бондаренко.

Млынский подошел к комиссару, положил ему на плечи руки:

— Ну, Гасан Алиевич, каким-то будет для нас новый, сорок второй?

— Думаю, что трудным. Воевать придется упорно. Но после разгрома немцев под Москвой наглости у них, по-моему, поубавится, — сказал Алиев. — Хорошо бы собрать личный состав и поздравить их с наступающим Новым годом.

Спустя два часа дверь распахнулась. Ерофеев торжественно прошествовал к столу и водрузил на него кастрюлю с фантастически пахнущим жареным мясом и картошкой. Затем выложил буханку черного хлеба, две головки чеснока, кусок сала, баночку маринованных огурцов. Вытащил из кармана полшубку бутылку спирта, взглянул на часы и, улыбаясь во весь рот, произнес:

— До Нового года осталось тридцать пять минут, прошу за стол.

— Ерофеич! Ты у нас просто кудесник! Это не Лебяжье, а ресторан «Метрополь»! — Млынский взял в руки бутылку. — А здесь не многовато?

— Не многовато, Иван Петрович! Там и моя порция. А потом вас, возможно, приедет поздравить Анфиса с колхозной делегацией, надо и их угостить.

— Мудрая ты голова, Ерофеич, все рассчитал!

— Моя мама дураков не рожала, — ответил сержант, расставляя тарелки на столе.

— Иван Петрович! Посмотри-ка быстренько

радиogramму Деду, пока Новый год не наступил. Я подготовил. Может, успеем передать?

Млынский надел очки, стал читать:

Командиру партизанского отряда имени Чапаева — Деду. В Будницких лесах, в пятнадцати километрах северо-западнее поселка Лебяжье, скрывается от немецких захватчиков население колхоза имени Ленина. Колхозники ведут коллективное хозяйство, оказывают помощь продуктами и одеждой партизанам и подпольщикам, выхаживают раненых. Просим принять меры по защите их от фашистов до прихода Красной Армии.

Поздравляем отряд с Новым годом. Желаем вам и всему личному составу крепкого здоровья и новых успехов в боях с врагами нашей Родины. С боевым приветом!

31 декабря 1941 года. Млынский, Алиев.

Млынский подписал радиogramму, протянул сержанту, сказал:

— Ерофеич! Бегом к Наташе, пусть срочно передаст, только смотри не опоздай к Новому году.

Сержант посмотрел на часы: оставалось 20 минут.

— Разливайте спирт, а я мигом.

Ерофеев вернулся быстро, и с Наташей. Млынский налил им разбавленного спирта.

— С Новым годом, друзья, с новым счастьем! — Звякнули кружки. Выпили.

Наташа, глотнув, поперхнулась, слезы выкатились из ее больших голубых глаз. Алиев протянул ей кружку воды. Она отпила несколько глотков, прокашлялась, рассмеялась.

— Этот напиток не для женщин. Не пойму, чего это некоторые мужчины обивают пороги в санчасти за этой гадостью.

Ерофеев утер рукавом усы, сказал:

— Это мужской секрет. А тебя, Наташка, мы после победы одним шампанским поить будем, сейчас уж не обессудь: чем богаты — тем и рады.

— Спасибо, Ерофеич! Воюем же мы, женщины, не хуже вас, авось, и это дело освоим, — пошутила радистка.

— Этому учиться женщине не обязательно, — строго ответил Млынский.

— Не буду, — покраснела Наташа. И взялась за папку, которую с собой принесла. — Вот, Иван Петрович, радиogramмы. — Она протянула Млынскому несколько бланков. — Новогоднее послание советскому народу Михаила Ивановича Калинина, приняла с трудом, были очень большие помехи.

Млынский надел очки, покачал головой:

— Ну и почерк! Прочитай-ка сама.

— Это я спешила, волновалась, как бы чего не пропустить, поэтому так нацарапала.

— Ничего, главное, что приняла, — сказал Алиев.

Наташа стала читать, все, затаив дыхание, слушали.

«...Новый год начинается при хороших перспективах, — звонким голосом читала Наташа. — На значительной части фронта теснимый Красной Армией враг отступает, а во многих случаях в беспорядке бежит, оставляя в наших руках танки, пушки, пулеметы и прочее военное имущество, счет которого все увеличивается...»

...Красная Армия 20 дней назад перешла на ряде участков фронта от активной обороны к наступлению на вражеские войска. И за это время героической Красной Армией освобождены от немецко-фашистских оккупантов Ростов-на-Дону, Тихвин, Елец, Рогачев, Клин, Яхрома, Солнечногорск, Истра, Венев, Сталиногорск, Михайлов, Епифань, Ливны, Ефремов, Верховье, Дубна, Богородицк, Калинин, Высоковский, Волово, Алексин, Щекино, Руза, Таруса, Волоколамск, Плавск, Будогощь, Черепеть, Одоёво, Наро-Фоминск, Белев, Лихвин, Высокиничи, Новосиль, Тим, Козельск, Угодский завод, Керчь, Феодосия, Калуга и другие города.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—43.

Я думаю, недалеки те дни, когда и другие оккупированные немцами советские города будут навсегда освобождены от немецкого ига!

Наши силы в борьбе с врагом растут. Мы уверены в победе. Мы знаем, что ни один советский человек не успокоится до тех пор, пока хотя бы один гитлеровец будет топтать священную советскую землю, пока гитлеризм не будет выжжен каленым железом...

Наташа закончила читать. Минуту стояло молчание. Потом заговорили все разом:

— Молодец, Наташа, что приняла, это для нас сейчас документ исключительной важности.

— Иван Петрович! Я думаю, что его следует быстро размножить на машинке, направить в колхоз имени Ленина и распространить среди местных жителей по маршруту нашего движения.

— Отличное предложение, ведь здесь, в тылу врага, народ почти ничего не знает о положении на фронтах. Этот документ будет укреплять веру в нашу победу.

— Иван Петрович! Тогда я пойду, организую перепечатку и отправку, — проговорил комиссар.

— Добро, Гасан Алиевич! Это крайне необходимо, — одобрил Млынский. И Алиев вместе с Наташей вышел на улицу.

Разведывательно-поисковая группа старшего лейтенанта Гаркавенко на рассвете первого дня нового года подошла к шоссе и залегла за кустарниками. Дорога была пустыня. Около 9 часов утра на ней показались три снегоочистителя под охраной гитлеровских автоматчиков.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите

брать «языка»! — обратился к командиру сержант.

— Ни в коем случае. Раз чистят дорогу, будет рыба покрупней.

И действительно, минут через тридцать, лязгая гусеницами, на дороге показался бронетранспортер, за которым следовал «оппель-адмирал». Старший лейтенант командовал:

— Всем внимание! Автоматчиков, бронетранспортер уничтожаем, «языка» берем с легковушки. По фашистам огонь!

Застрочил пулемет, вторя ему, затрещали автоматы. Водитель транспортера дал газ, пытаясь удрать, но сержант, изловчившись, бросил в него противотанковую гранату. Бронетранспортер остановился и загорелся. Из легковой машины выскочили полковник и два капитана. Отстреливаясь, они побежали по дороге назад. «Хальт! Хенде хох!» — что есть силы крикнул Гаркавенко. Те продолжали бежать. Гаркавенко выстрелил, капитан упал. Второй бросил оружие, поднял руки. Полковник выстрелил в него в упор, затем приложил дуло пистолета к виску. Нажал курок.

— Черт побери! — ругнулся Гаркавенко. Сержант подбежал к капитану, подстреленному Гаркавенко. Он был ранен в плечо и ногу. Разведчик быстро обезоружил его, приподнял голову — немец испуганно моргнул.

На следующий день раненого капитана доставили к Млынскому. Он уже пришел в себя, раны его были перевязаны.

Млынский посмотрел документы пленного, доставленные Гаркавенко.

— Капитан Циммерман, — проговорил он. — Ну что же, будем разговаривать?

Капитан кивнул головой.

— Тогда рассказывайте, чем вы здесь занимались.

— Командующий ударной армией генерал-полковник фон Хорн, — охотно начал пленный, — приказал командиру пехотной дивизии полковнику Штробе вместе с приданными ему двумя отрядами СС и авиационным полком провести карательную операцию против партизан и просочившихся в его тылы частей Красной Армии и надежно обеспечить охрану ведущих к фронту коммуникаций. Операция должна начаться, как только прекратится метель, — чтоб могла вступить в действие авиация, но не позднее 3 января 1942 года.

— А если до 3 января метель не прекратится? — с улыбкой спросил Млынский.

— Полковник Штробе на совещании в штабе дивизии сказал, что после 3 января мы начнем проводить операцию, невзирая ни на какую погоду.

— На какое время назначена операция?

— На 7.00 утра.

— Как вы думаете, почему полковник Штробе застрелился?

Капитан Циммерман, пожав плечами, ответил:

— Возможно, потому, что боялся кары. Он и раньше проводил карательные операции в Польше и Белоруссии.

— А вы лично принимали участие в уничтожении советских граждан? — спросил Алиев.

— Нет, не принимал. Я служил при штабе, вел дневник боевых операций дивизии.

— Значит, все злодеяния вы отражали в дневнике?

— Да, я записывал все. Названия уничтоженных деревень, количество уничтоженных жителей и партизан.

— У вас дети есть? — снова спросил комиссар.

— Да, двое.

— Как же вы, отец семейства, могли спо-

койно смотреть, как уничтожают женщин, стариков и детей?

— Фюрер сказал: «У солдат не должно быть жалости. Убивайте, убивайте всех русских, всех советских. Это низшая раса, она не должна осквернять нашу землю». Я зольдат, дал присягу и выполняй приказ. — Последнюю фразу капитан произнес на ломаном русском.

— Вы говорите по-русски?

— Немного. Меня до войны готовили для работы в аппарате военного атташе в Москве, а когда началась война, нашу группу расформировали и послали на фронт переводчиками. Как видите, переводчик из меня был плохой, но иногда по ночам я слушал ваши передачи, я знал, что вы пленным не убиваете. Вы же меня не убьете? Правда? У меня двое детей.

Млынский вызвал Бондаренко, сказал:

— Уведите задержанного, подробно опросите его и срочно доложите мне. После опроса немца отправьте в медсанроту.

— Слушаюсь! — Бондаренко подтолкнул капитана к выходу. Тот, оборачиваясь, суетливо бормотал: «Данке шен! Данке шен!..»

— Так. До начала карательной операции у нас есть сутки. — Он повернулся к Алиеву: — Думаю, что нам не следует прохладиться. Обогрелись, отдохнули, подремонтировались — пора в путь. До базы далеко. Тем более, что нам еще нужно завернуть в Капришские леса, соединиться с группой Карпова. Там у него в обозе находится около 40 палаток. Думаю, что с палатками мы сможем двинуться на запад при любой погоде. Гасан Алиевич, если не возражаешь, назначим отход из Лебяжьего на 6.00.

— Согласен, нужно только предупредить командиров рот — пусть готовятся.

— Это сделает Ерофеич. А нам, не теряя времени, следует предупредить Деда о предстоящей карательной операции. Займись-ка этим, а я тем временем разберусь с документами, которые раздобыл Гаркавенко.

Млынский разложил на столе документы, стал их внимательно рассматривать. Обнаружил несколько приказов генерал-фельдмаршала фон Бока, два приказа генерал-полковника фон Хорна, распоряжение по дивизии, топографическую карту с нанесенной на ней оперативной обстановкой в полосе обороны ударной армии, список частей, привлекаемых для участия в карательной операции, и личные документы. Его внимание привлек документ, напечатанный на глянцево-бумаге. «Новогоднее обращение фюрера к солдатам и эсэсовцам (текст сокращенный). 1942 г.». «Интересно», — проговорил Млынский и стал читать:

«В прошлом году, когда я выступал с обращением к вам, на Востоке наступила зима, подобная катастрофе в природе. Только благодаря своей силе, храбрости и мужеству мы избежали судьбы Наполеона и спасли Европу. Пока вы так упорно сражались на фронте, в тылу ковалось новое оружие.

В прошлом году был очищен Крым, мы захватили Харьков, в наши руки окончательно перешли остатки Украины и донецкие угольные районы.

Пусть борьба в грядущем году будет трудна, пусть моментами вам будет казаться, что чаша весов победы склоняется на сторону врага — в конечном счете победит великая Германия. Этой зимой мы развернули серийное производство нового оружия. В грядущих боях вы будете иметь лучшее оружие в мире и в том количестве, которое потребуется.

Вы, мои солдаты на Восточном фронте, понесли в боях кровавые жертвы, но и на других фронтах наши солдаты также с честью выполняли свой долг.

Вы перенесли арены боев за тысячи километров от германской границы и твердо стоите там. Этим вы защищаете не только Европу, но и Германию — вашу родину.

Наш морской флот в прошлом году также нанес врагу тяжелые, невосполнимые потери.

Противник уготовил нам стерилизацию всех годных к военной службе мужчин и осквернение немецкого народа.

Немецкий народ не имел ненависти ни к Франции, ни к Англии, ни к Америке. У нас было единственное желание — жить в мире с этими странами. Но развалины наших старин-

ных соборов, разрушенные лазареты и многочисленные жертвы среди женщин и детей — результат террористических воздушных атак — изменили наше настроение.

Черчилль и Рузвельт научили немецкий народ ненавидеть.

Мои солдаты! В ваших руках судьба нашего отечества. Без всяких компромиссов мы доведем борьбу до конца, чтобы на ближайшие сто лет отбить у любого противника охоту на нас нападать.

Предстоящий год будет тяжелым, но не тяжелее прошедшего. Вы своей борьбой и жертвами добились нации продовольственные и сырьевые источники, без которых не может существовать культурный народ. Ваши жертвы не напрасны. И наши потомки в будущем будут с благоговейной благодарностью склоняться перед могилами павших героев.

Пусть бог даст нам благословение и на грядущий год!

Млынский отложил текст в сторону, снял очки, протер платком глаза, улыбнулся:

— Здорово мы им врезали, раз даже Гитлер считает, что они чудом избежали судьбы Наполеона. Но он этой судьбы не избежит.

К НОВЫМ БОЯМ

К вечеру седьмых суток батальон Млынско-го, преодолев свыше ста пятидесяти километров, подошел к бывшему леспромхозу, расположенному в лесочке, неподалеку от железнодорожного разъезда Галкино. Погода стояла ненастная, люди устали от многодневного перехода, поэтому, посоветовавшись с комиссаром, Млынский послал сержанта Михайлова с небольшой группой разведать, нет ли поблизости опасного соседства. Если данные разведки окажутся спокойными, батальону можно будет денька три отдохнуть. За это время следовало бы установить связь с местным населением.

Михайлов вернулся из разведки ночью. Не став дожидаться утра, он постучался к майору.

— Ну, сержант, докладывай, где были и что видели. На какую глубину провели разведку? — Млынский не спал, работал.

Михайлов расстегнул маскхалат, вынул из кармана блокнотик, подошел к карте.

— Мы провели разведку разъезда Галкино и в северо-западном направлении от него на глубину двадцать — двадцать пять километров. Визуальным наблюдением и опросом местных жителей установлено: на разъезде Галкино со вчерашнего дня стоят два немецких эшелона — один с боеприпасами, а второй с горючим; оба эшелона двигались из Смоленска в сторону фронта. Партизанская диверсионная группа взорвала мост на реке Сардань и преградила им путь на восток. Они пытались обойти взорванный мост юго-западнее Галкино окольной железной дорогой, но партизаны взорвали выходные стрелки и разрушили железнодорожное полотно. Таким образом, эшелоны оказались в ловушке, их охраняет взвод автоматчиков. Второй взвод немецких солдат и полицейские сегодня утром согнали местное население из окрестных сел, усиленно ведут работы по восстановлению пути. Мост пока не восстанавливают. Северо-западнее Галкина немецких воинских частей не выявлено. Только на окраине большого села Рошукое выявлено до двух рот полицейских, вооруженных карабинами, которые под командой немецких офицеров занимались строевой и боевой подготовкой.

— Откуда ты узнал, что это полицейские?

— Опрошенные нами случайно встретившиеся в пути жители рассказали, что месяц назад в их село стали прибывать из других районов группы завербованных и поступивших на службу к немцам полицейских. Они сначала жили в домах местных жителей, а когда их набралось уже значительное количество, в село приехали несколько немецких офицеров во главе с полковником под охраной двух танков. Они почти всех полицейских перевели на казарменное положение в здание бывшего дома отдыха учителей, сформировали из них две роты. Командовать ими полковник поручил немецким офицерам, а сам под охраной танков уехал. Теперь полицейские днем занимаются, а по вечерам патрулируют село Рошукое и выезжают охранять складские помещения, расположенные в райцентре Духовщина. Все

полицейские вооружены карабинами, гранатами и на каждую роту имеют по два немецких ручных пулемета. Полицейские в селе похваляются, что, как только пройдут курс боевой подготовки, они без помощи немцев очистят окрестные леса от партизан и красноармейцев, выходящих из окружения.

— Почему партизаны, загнав два немецких эшелона в ловушку, не уничтожили их?

— Местные жители нам говорили, что партизаны действуют небольшими группами. По всей вероятности, у них не было сил, чтобы атаковать два взвода немецких автоматчиков, охранявших эшелоны.

— Сколько немцам потребуется времени, чтобы закончить восстановление пути и вывести эшелоны с разъезда Галкино?

— Думаю, не меньше суток.

— Так... — Млынский прошелся по комнате, потом сказал Михайлову: — Сержант, разыщи-ка мне срочно Бондаренко, Бейсамбаева и Калашникова.

— Есть, товарищ майор!

Когда в штаб вошли командиры разведывательной и саперной рот и взвода подрывников, а вместе с ними комиссар, Млынский, приглашая их сесть, весело сказал:

— Товарищи! Есть горячее дельце. На разъезде Галкино партизаны загнали в ловушку два немецких эшелона, но взорвать не смогли. Надо помочь им. Что скажете?

— Иван Петрович! Горячее дельце нам всегда по душе, — улыбнулся Бондаренко.

— Это точно, Семен. Без тебя ни один пожар не обходится! — Все засмеялись.

— Значит, если согласны, обсудим план. На все прочее есть у нас сутки, не больше. Ты, Семен, вместе с Михайловым еще раз разведать обстановку, не возражай. — Млынский посадил поднявшегося было Бондаренко. — Повторение — мать учения, операцию начнем в 5.00. К 4.00 вы должны быть здесь.

— Вас понял, товарищ майор. Разрешите исполнять!

— Исполняйте. А с вами обговорим детали, когда вернутся разведчики, — обратился Млын-ский к Калашникову и Бейсамбаеву. — Идите, готовьте роты к операции.

Когда командиры вышли, Алиев сказал:

— Иван Петрович! А я уже направил пять политработников в села, лежащие вдоль нашего маршрута для проведения разъяснительной работы среди местных жителей. Воспользовался вашим советом — дал им небольшую охрану.

— Это хорошо, Гасан Алиевич, только в Рошукое не нужно посылать, там дислоцируются две полицейские роты.

Алиев изменился в лице.

— Беда, я туда направил нашего лучшего политрука, Селезнева.

— Нужно вернуть.

— Поздно! Они вышли часа четыре назад. Думаю, что они уже в селе.

— Что же, будем ждать. Если завтра к вечеру не вернутся, придется идти на выручку. Правда, Селезнев — человек опытный, боевой, сопровождают его тоже бывалые солдаты, возможно, все еще обойдется благополучно, — попытался успокоить комиссара Млын-ский.

А Селезнев в это время подходил к заснеженному дому на окраине Рошукое, тихонько постучав в окно, он услышал тревожный женский голос:

— Кто там?

— Свои. Разрешите обогреться.

— К нам нельзя, у нас на постое полицейские. — В ту же минуту раздался выстрел, другой, третий. Два автоматчика упали замертво. Дверь распахнулась, выбежала женщина.

— Родимые! Уходите! Я его зарубила топором, я с вами. Скорее — в селе полно полицейских!

Не успела она это проговорить, как возле дома остановился грузовик.

— Партизаны, сдавайтесь! — Двор окружали немцы и полицейские. Селезнев подтолкнул женщину:

— Мать, скорее уходи, мы тебя прикроем. — И резанул вокруг длинной очередью. Несколько полицейских, выронив карабины, упали, другие остановились. Из-за машины выскочил немецкий офицер и выкрикнул:

— Русс свинья, сдавайся, иначе капут! Селезнев отстреливался, число его товари-

щей поредело. Три автоматчика вбежали в дом и оттуда открыли шквальный огонь по нападавшим. Немецкий офицер, не добрав до дома, срезанный автоматной очередью Селезнева, упал лицом в снег, кто-то из немцев бросил несколько гранат. Раздался оглушительный взрыв. Селезнев упал. Немцы бросились к Селезневу, схватили женщину, притащили их к грузовику.

Очнувшись Селезнев в комендатуре. Немецкий врач перевязывал ему раны, рядом стоял комендант. На ломаном русском, стараясь быть вежливым, он сказал:

— Если вы есть русский офицер, расскажите подробно все: дислокация части, номер, вооружение. Я подарю вам жизнь. Не давай показания — повешу.

— Ничего я тебе не скажу, фашистская сволочь.

— Зачем ругайся? Надо быть благоразумным, давай показания.

Селезнев стиснул зубы.

— Будешь молчать? — Офицер подошел к Селезневу вплотную, посмотрел ему прямо в глаза, не увидев в них страха — одну только ненависть. Размахнувшись, ударил его по щеке. Селезнев покачался. Тихо сказал:

— Мои товарищи отплатят тебе за это.

Офицер рассмеялся, прошелся по комнате, снова подошел к Селезневу и снова ударил его — по другой щеке.

— Будешь давай показания?

— Нет! — твердо ответил политрук.

— Ганс! — крикнул унтерштурмфюрер. Появился солдат.

— Ганс, на ушанку этот офицер ест звездочка. Сделай ему такую, только побольше на грудь и спина. Может, он после этого заговорит.

Ганс подошел к Селезневу, резанул бритвой по спине, содрал гимнастерку.

Селезнев сжал кулаки. Ганс ловко полосовал ему спину. Острая боль вошла в сердце, потом разлилась по всему телу, затошнило, голова закружилась, политрук рухнул на пол и потерял сознание.

— Ганс, приведите его в сознание и смотрите, чтоб он не подох, он мне нужен живой. — Унтерштурмфюрер вышел из комнаты.

Ганс принес ведро холодной воды, вылил на голову Селезнева, затем, вызвав двух солдат, распорядился:

— Бросьте в третью камеру и не спускайте с него глаз.

Селезнева подхватили за ноги и за руки, потащили в подвал. Он услышал, как гремит о замок ключ.

Унтерштурмфюрер вызвал к себе начальника полиции:

— Сегодня на площади будем вешать русского офицера и его сообщницу. Согнать на площадь всех жителей, пусть знают, как помогать партизанам.

— Слушаюсь, господин комендант.

— Сегодня были убиты восемнадцать полицейских и семь немцев во главе с инструктором нашей роты Крамером. Жаль, очень жаль, прекрасный был человек и талантливый офицер. — Подойдя вплотную к начальнику полиции, комендант злобно прошипел: — В гилбелли Крамера виноваты вы! Как могло случиться, что при наличии в селе двухсот полицейских вы пропустили партизан?

— Господин начальник! Мои люди еще не обстреляны, плохо знают службу, но я думаю, что они с помощью ваших инструкторов быстро пройдут курс боевой подготовки и будут отличными солдатами. Все они люди, обиженные Советской властью, патологически ненавидят коммунизм.

— Это прекрасно, но, помимо ненависти, нужно уметь воевать.

— Будем стараться, господин унтерштурмфюрер! — вытянулся начальник полиции.

— Ладно. Я знаю вашу преданность фатерланду. Но учтите, вашу боевую подготовку я буду проверять не в классе, а в боях с партизанами!

— Не дрогнем, не подведем, господин комендант!

Унтерштурмфюрер улыбнулся, уже более спокойно сказал:

— Господин Зимбрих, я ценю вашу службу. Идите, и чтоб на площади все было готово к 16.45...

Окончание следует.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ТАЛСАХ?

В «Огоньке» уже рассказывалось об опыте Талсинского района Латвийской ССР (№ 47, 1979 г.) по созданию РАПО — районного агропромышленного объединения. Удалось ли талсинцам с тех пор продвинуться в своем поиске дальше? Что сдерживает развитие обнадеживающего эксперимента? Об этом — публикуемый очерк.

Николай БЫКОВ

1.

От Лайозес-озера до сосновых боров, что возле самого моря, тянутся земли колхоза имени Ленина. Дело тут поставлено хорошо, давно уже хорошо. Оттого-то и едут сюда многочисленные экскурсии: за мощью этого колхоза видится гостям будущее всего района. Прекрасный центральный поселок, удобная и насыщенная радиоаппаратурой центральная диспетчерская, образцовый двор и мастерские, городского типа автозаправочная станция с подземными бензохранилищами, добротные, с колоссальной кубатурой зерновой элеватор и хранилища для картофеля, капусты, переработанных овощей и яблок... Имант Брауэрс, председатель колхоза, — гостеприимный хозяин, но не в смысле обязательного застолья по поводу или без оного, а в смысле постоянной готовности рассказать приезжим, как колхоз ведет свое дело, каковы взаимоотношения с партнерами по РАПО — новому делу — районному агропромышленному объединению.

Имант Брауэрс, отличный агроном, остроумный человек и предприимчивый руководитель, романтик, поднявший своих комсомольцев и немалые юные творческие силы Риги на реставрацию дворца в лесу и костела семнадцатого века в Игене, где теперь нередко вернисажи и концерты...

Любопытно все же: колхоз имени Ленина за собственные деньги при долевом участии совхоза «Окте» где-то под самыми сосновыми борами Упесгивы реставрирует усадьбу некоего барона. Конечно, едем туда. За лесами, за долами хранит былое величие прекрасный парк, на берегу истекшего озера — белоколонное здание с широченной, местами выщербленной лестницей. Дворец крыт новенькой кровлей, опутан свежеспиленными лесами; внутри пропахшая сыростью, плесенью анфилада комнат с семью каминными. Работают реставраторы — весьма живописные парни из Риги. Председатель колхоза Имант Брауэрс дотошно выспрашивает что-то у художников.

На обратном пути разговор наш перешел на кооперирование, на возможность создавать «копилки» — разные фонды, если хозяйства района, охваченные единым мыслем, станут любую проблему развития жизни разрешать сообща. Начало такой активной жизни здесь положено, когда в Латвии, в Талсинском районе в 1976 году было создано кооперативное содружество — РАПО.

Я всю обратную дорогу добивался от Иманта Брауэrsa и от бывшего тут же в «Ниве» главного экономиста РАПО Викторса Бирксаниса: «А что потом?» На XXVI съезде КПСС речь шла о программе, призванной соединить воедино вопросы развития сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей промышленно-

сти, заготовок, хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции, вопросы развития пищевой индустрии и торговли... Этот аграрно-промышленный комплекс отныне должен планироваться, и финансироваться, и управляться как единое целое, обеспечивая высокие конечные результаты. Начало положено в Эстонии и в Латвии. Но как дело с отработкой интересной модели, призванной сыграть столь большую роль в выполнении продовольственной программы?

Викторс Бирксанис сказал: «Знаю одно, топтаться на месте нельзя. А топчемся потому, что жизнь района во многом зависит от республиканских и даже союзных ведомств, которые с подобным новшеством, с экономической самостоятельностью колхозов, совхозов и РАПО в целом примириться просто пока не в состоянии».

Еще в Риге я узнал из местного журнала, что пятилетний опыт создания и жизни РАПО показал: наиболее важные для него вопросы можно решить только после организационно-хозяйственного оформления аграрно-промышленного комплекса в масштабе всей республики. В Институте экономики Академии наук Латвийской ССР разработаны принципы организации республиканского аграрно-промышленного комплекса — РеАПК. Это, по-видимому, будет единое хозяйство республики с отработанными производственно-технологическими связями между селом и городом, полем и заводами, полем и прилавком, столом потребителей...

Но по порядку. Что произошло в Талсах за минувшие два года? Каковы уроки РАПО?

2.

Курземе, приморская низинная часть Латвии. Зеленая — до самого снега — земля моренных холмов. Бory, дубравы. И нет числа озерам.

Стояла та пора года, когда ветры с Балтики и зачистившие дожди постепенно охладили пыл уборочной страды; когда уже сняты, как звезды с неба, яблоки; а пчелы, предчувствуя заморозки, гудящей тучей возвращались домой. Вересковый мед — последний!

Старый Висвальдес Аузукалис («завпчелофермой» — так он отрекомендовался) резал соты и, мешая русские и латышские слова, излагал уроки пчелиного бытия: — Поверьте, это очень старая школа жизни. Жизнь в труде — раз, подчинение всех интересам семьи — два, целесообразность поведения каждого и всех вместе — три. Так, так! И цель — конечный продукт! — Старик явно только что придумал последнее.

Бодрый, хотя ему далеко за семьдесят, Висвальдес Аузукалис смеется, он надеется, что образ жизни пчел механически, просто по ходу нашей беседы я приспособлю к миру человеческих отношений. Но жизнь пчел — только повод для неизменного восхищения именно пчелами, — так было всегда и со всеми, кто когда-либо заглядывал на летнюю пасеку. И все же слова лунавого Висвальдеса легли на душу именно в том порядке, как он их произнес, и запали в сознание с тем же смыслом, который старый пчелиный «профессор» им придал шутя: трудовая семья, ее жизнь в желан-

ном труде от весны до осени, сочетание интересов каждого с интересом содружества, потрясающая людское воображение целесобразность «коллективного» поведения, запрограммированного на конечный результат...

Да, лучшие умы давно ищут модель общности для человечества. Однако у нас был разговор о жизни всего лишь одного административного района. Мои собеседники: все тот же экономист с университетским образованием Викторс Бирсанис, директор совхоза Имантс Фрейлибс и мудрый Висвалдес Аузукалис. Мы так и этот рассматривали жизнь районного города и других малых городов, десятков строящихся поселков, ветхих хуторов, пятнадцати очень разных по достатку и назначению хозяйств, да и вообще всего населения, — казалось бы, ни в какие берега этот живой разлив не заключить. Но берега есть. Это границы административного района. В этих границах и отрабатывается новый механизм экономической и социально-культурной жизни района. Два года назад РАПО звучало непривычно. Теперь эта аббревиатура у всех на слуху, вывеска РАПО прижилась. А собственно идея жить единой районной семьей?

3.

Итак, Талсы через два года. Пожарная осень, те же люди в руководстве района и РАПО: первый секретарь Талсинского райкома партии Карл Рутенбергс и председатель правления районного объединения Вилнис Клейнбергс; те же сто двадцать пять тысяч гектаров земли, из которых лишь сорок шесть тысяч занимает пашня. Средняя оценка земли почти сохранилась — чуть выше тридцати четырех баллов, то бишь почвы дерновые слабо- и средне-подзолистые, много торфяников, есть поймы с песком как «наполнителем». Одна из причин создания РАПО — попытка быстрее повысить мощность и отдачу земли, повысить плодородие полей, лугов и пастбищ, дабы не уходили большие средства буквально в песок.

Но заметное повышение плодородия — лишь одна из многих болевых проблем района. Не менее важно пропорционально развивать многоотраслевое хозяйство района в целом, ибо сегодня особенно ощутима разница между достатком одних — привычно передовых — хозяйств и хронической немощью остальных, умудрившихся за последние лет десять закрепитоваться так, как только шалый телок исхитрится запутаться в долгой привязи. Временами начинает уже казаться, будто одним самой природой или стечением обстоятельств дано подняться на социально-экономические вершины, а другим — бедовать и бедовать на заколдованном месте, на котором, как известно, не вытанцовывается. Но в Талсах пятнадцать хозяйств для того и объединились, вышагнув из-за ведомственных перегородок, чтобы не было неудачников, примирившихся с собственным отставанием; чтобы так или иначе все население зажило интересами района; чтобы каждый колхоз или совхоз занялся делом по душе, а такое дело, как правило, еще и прибыльно и, значит, сулит улучшение качества жизни.

И еще важно напомнить: в отличие от других талсинская модель предполагает, что все входящие в районное объединение предприятия и организации сохраняют свою хозяйственную само-

стоятельность, а также все юридические права. В Талсинском районе упразднили старые формы организации не для того, чтобы передовики поглотили менее расторопных. Тем более не для того, чтобы к постройкам типа «Сельхозтехники» или агрохимической службы добавить новые. В Талсах каждому члену-пайщику районного многоотраслевого кооператива предоставлена относительно большая хозяйственная свобода. Пожелания и нужды каждого хозяйства, а также реальные возможности взвешиваются на совете объединения. Люди не пчелы, людей вдохновляет только осознанный труд.

4.

Разговор с Карлом Рутенбергсом начался примерно с того же, с чего и два года назад: об опасности провозглашения панацеи от всех бед, которых в сельских районах — и не только латвийских — накопилось немало. Таких звеньев, ухватившись за которые хотят вытянуть всю цепь проблем, уже немало: строительство новых и новых скотомест; чрезмерные дозы минеральных удобрений — до перекорма растений; безотвальная пахота; даже возвращение колхозной техники под районную крышу, а колхозных механизаторов — в штаты новообразованных учреждений... Вот и в Талсах устремляется множество желающих перенять модель районного аграрно-промышленного комплекса. Ищущие панацею прежде всего берут на заметку два факта: ликвидацию сельскохозяйственного управления при райисполкоме и высвобождение от чрезмерной в иных местах подчиненности хозяйств множеству ведомств. Ну, высвобождение от «инстанций» до некоторой степени кажущееся. Остальные же детали в конструкции модели РАПО приезжие как-то упускают из виду.

Так вот, как и два года назад, Карл Рутенбергс повторяет: «Все еще не изжито стремление заполучить рецепт. Наша модель предложена отделением аграрных проблем Института экономики республиканской Академии наук, которое возглавляет Арнис Калныньш; нет, это не очередная реорганизация, это, мы полагаем, новый, следующий этап развития ленинского плана кооперации.

Так сложилось, что в сельском районе уже много лет сосуществуют не только две формы социальной собственности, но и разные государственные предприятия с разными организационными структурами, задачами и связями. У нас делается попытка эти межхозяйственные и межведомственные связи укрепить. Укрепить настолько, чтобы они способны были функционировать надведомственно!»

Между тем сейчас чаще всего каждое предприятие зависит от далеко расположенных (в городах), неимоверно разбухших и достаточно неповоротливых аппаратов, которые, в свою очередь, не в силах да часто и не уполномочены решать практические, сугубо экономические, повседневные задачи «внизу», на местах. Сверху пускают планы, лимиты, ука-

зания, сверху финансируют, не ведая подчас подлинных нужд, спускают штатные расписания и фонд зарплаты, нормы премирования. Люди в районе живут практически одной семьей, особенно старожилы, так называемые «районщики», но они очень редко садятся за один стол для обсуждения насущных проблем жизни и потому редко действуют супрягой, то бишь сообща... А вот талсинская модель уже теперь ослабила зависимость производителей сельхозпродукции от дотаций, капризов и диктата бюджета, дала возможность более правильно формировать и использовать прибыль. Общее дело оживило жизнь населения в сельском районе. Шанс выиграть и перспектива развития — это ли не лучшая экономическая стимуляция!

Как же конкретно сработала модель за минувшие годы, если иметь в виду, что не все из них были для земледелия, в частности для зернового хозяйства и для кормопроизводства, благоприятны (так, 1978 год «персонально» вычеркнут из всех форм отчетности)?

На сто гектаров угодий в Талсинском РАПО в год производят более шестисот центнеров молока — это на сто центнеров больше, чем в среднем по республике. Мяса здесь производят почти сто пятьдесят центнеров на ту же стогектарку, что также превышает средний показатель по Латвии. Да и уровень использования основных производственных ресурсов в РАПО сейчас выше почти на пятнадцать процентов, чем в среднем по хозяйствам республики. И еще интересный, чисто финансовый показатель: валовой доход по республике в целом за 1979 год был почти на три процента ниже, чем в 1976 году, а в Талсинском РАПО, напротив, выше на семь с лишним процентов.

Все эти проценты, на сторонний взгляд незначительные, безусловно, свидетельствуют о том, что эффективность ведения хозяйства РАПО выше, чем в среднем по республике. Благотворно для оживления экономики сказались именно внутрирайонная специализация, новизна принципов управления хозяйством района, кооперационные связи.

— Приведены в действие рычаги сугубо экономические, — пояснил источник обретенного движения Карл Рутенбергс, первый секретарь райкома. — Взаимовыручка — большое дело! Никто не боится проиграть, участвуя в реконструкции районного хозяйства. РАПО постепенно формирует экономический облик района, постоянно углубляя специализацию хозяйств. Анализ давно показал, что там, где любят и умеют заниматься семеноводством, там хозяйство в любой неблагоприятный год все равно будет с семенами. Кто любит и умеет заниматься цветами, тот в любой год не прогадает. Кто любит пчеловодство, тот даже в дождливое и холодное лето получит прибыль, и если меда будет мало, то сохранит пчел, получит пыльцу и другие дорогостоящие пчелопродукты, переработает их на месте...

Мысль проста и мне симпатична: дать свободно развиваться в каждом хозяйстве те отрасли, которые традиционны и выбраны,

может быть, прадедами. Главное, что пока произошло в Талсах, — концентрация в каждом хозяйстве производства той конечной продукции, которую там задолго до РАПО научились приумножать. Это могут быть элитные семена пшениц, картофеля, или тюльпаны, или хмель, или зеленый горошек, а могут быть молоко, говядина, а может быть свинина, да еще копченая. Спускаемые же планы обычно ни реальных возможностей, ни демографии, ни тем более чьей-то любви к пшенице, клеверу, тюльпанам, кобылам, свиноткам не учитывают. Планы «верстают» по принципу — от достигнутого уровня. Это застарелый порок, о котором говорилось на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС. Прежде единоборство с такими планами каждый в районе вел в одиночку под возгласы болельщиков из разных ведомств: «Давай-давай». Как правило, хозяйства проигрывали. А теперь?

5.

Жизнь вообще неоднозначна; таковой она и осталась, у каждого хозяйства — своя. Но теперь — и я в этом убедился — в Талсах спасение утопающих перестало быть делом самих утопающих. Себя за волосы, даже экономические, не вытащишь — эта «технология» противостоит естественной. Уже на что нынешний год тяжел, а все-таки талсинцы переживают его без уныния, деятельно; и уже не они едут за соломой для кормления коров, а к ним приехали... За два года РАПО созданы в пяти районах республики. Более того, отделение аграрных проблем Института экономики Академии наук Латвийской ССР проанализировало экономическое состояние еще двенадцати районов республики, и точный диагноз показал: рекомендовать всем двенадцати ту же модель РАПО — талсинскую. Она несет в себе смелое развитие хозяйства, кооперирования — единственный путь выравнивания экономики всех хозяйств в сельских районах, да и экономики районов в целом. Нет двух одинаковых полей, двух одинаковых буренок, наконец, двух одинаковых человеческих натур — трактористов, доярков, агрономов... Но есть отработанные технологии, есть сорта, оправдавшие замысел селекционера, есть проверенные рычаги экономики... И у всех один путь к достатку: быстрее овладение новыми, еще более прогрессивными технологиями! То есть работать даже в аппарате, в правлении РАПО не по «щучьему велению», не по чьему-то хотению, а по законам социалистической кооперации, которая получает у нас благодаря преимуществам нашего государственного строя совершенно исключительное значение. Грубо говоря, служит не бесчисленным «формам отчетности», но «районному колхозу». Казалось бы, так просто и благородно...

6.

Заместитель председателя Талсинского РАПО, главный экономист района Викторс Бирсанис так сказал:

— Наше РАПО призвано помочь хозяйствам ответить на четыре человеческих запроса. Первый — размер и стабильность заработка. Второй — жилье. Обязательно с городскими условиями. И для многих — возможность вести приусадебное хозяйство. Затем — детский сад как обязательное условие на первые десять лет жизни новиков в хозяйстве. И, наконец, десятилетка как обязательное условие для остальных лет жизни в данном хозяйстве.

Так спрашивают люди, желающие остаться в селе. Если хозяйство ответит на эти четыре вопроса — останутся, будут работать с удовольствием.

...Большинство хозяйств, к сожалению, еще не могут ответить положительно на четыре этих глав-

ных запроса. Вот почему в Риге сочли мои впечатления от специализации и строительных лесов «радужными». Но Карл Рутенбергс и Вилнис Клейнбергс повторяют: постепенность, постепенность!

Плодородие, урожайность, надо, привези? Да, трижды да! Они, безусловно, должны расти. Но не только сразу, сегодня же. Спешка не оправдана, недаром и программа развития района разработана учеными и активом Талсинского РАПО до 1990 года.

Симптоматично, что из четырех запросов, сформулированных Викторсом, только один чисто экономический: каков реальный заработок? А три запроса скорее социального плана; из них два выдают тревогу нынешних взрослых селян за судьбу детей, следующего поколения. И в этом еще один урок Талсинского РАПО: кому работать в деревне послезавтра? Не все хозяйства в этом районе могут предоставить достойное жилье (хутора-то пошли на слом!), обеспечить младших граждан благами детского сада и дошкольного воспитания, а старшеньких — современными классами и лабораториями десяти- или одиннадцатилеток.

Когда приезжие в Талсы жаждут услышать о впечатляющем прибавлении урожая и надоев, ими движет совершенно очевидное ожидание «чуда» от перестановки мест слагаемых. В Талсах же приведена в действие долгосрочная программа повышения качества всей жизни. Ради ее осуществления уже построены за два года десятки коттеджей, дома, но еще лишь в единичных случаях детские сады, школы, один Дворец культуры. А рядом строятся теплицы, склады для семян, для сена и сенажа, корпуса для откорма.

Дело в том, что государственные капиталовложения имеют целевое назначение, хотя их направляют вроде бы в РАПО. В результате многие объекты так называемого «соцкульту» и жилье хозяйства возводят собственными силами, за свой счет («возводят» — громко сказано, это не всем по карману). Стендская селекционно-опытная станция «золотила» элитными семенами лучших сортов многие поля района, но в поселке нет... школы и нет средств, чтобы ее начать строить. Значит, и РАПО бессильно против старых недугов?

7.

Мнение о РАПО такого хозяина, как коммунист Имант Брауэрс, мне особенно дорого, тем более что он избран коллегами на весьма важный пост заместителя Вилниса Клейнбергса, председателя правления РАПО. Конечно, я сразу заметил, что Имант не очень-то охотно отвечал на вопросы. «Так, так, конечно...» Потом прямо сказал:

— Нужно посмотреть... РАПО рождено жизнью: таким хозяйством, как «Дундага» или «Тиньчире», самостоятельно из отстающих не подняться... Конечно, кооперация с селекционной станцией, с разными промышленными предприятиями, с нами тоже, такая кооперация для них выход... Выводы делать нельзя, потому что рано. В нашем деле нужно не менее семи — десяти лет, чтобы осуществить все необходимое для набора экономической высоты. Нет, сейчас было бы странно делать выводы... Еще многое в нашей модели не сработывает так, как мы думали в семьдесят шестом или даже в семьдесят девятом году. Председатель сказал еще:

— Выравнивание экономики хо-

зяйств-пайщиков — цель благородная. Но я, весь наш колхоз должны теперь так работать, чтобы нас не уравнили. Шутка, конечно...

Конечно, шутка, но она дает понять, где болевые точки в молодом организме РАПО. Перераспределение внутрирайонных ресурсов — ох, как не любят этого в тех колхозах, где давно набрали высокий темп развития. Выход один: побыстрее, эффективнее помочь слабым членам районной кооперации.

А еще одну «шутку» услышать пришлось в совхозе «Вирби»:

— Наша специализация? Записывайте, мы специализируемся на откорме мясного скота, на производстве молока, зеленого горошка, картофеля... И сады есть, много сотен яблонь — не рубить же, если в зените их пора плодоношения!

И эту шутку надо понимать так, что, мол, модель РАПО действует, но старые привязанности передовых хозяйств крепки. Однако продолжайте случаться и такое: вот району по старинке добавили план по мясу, не считаясь с экспериментом. И пришлось колхозу имени Ленина «навязать» новую свиноферму, хотя специализация хозяйства — семеноводство. Более того, здесь же прекрасный молочный комплекс. Одна отрасль исключает другую. Но — надо. И разместили это «допмясо» в Вандзене: Имант Брауэрс не подведет!

Так что и Рутенбергс и Брауэрс правы: подводить итоги рано. Пять лет — слишком невелик срок для становления крупного, интересно задуманного аграрно-промышленного объединения. Здорово тормозит дело медленное строительство жилья и производственных объектов. Совхоз «Вирби» в состоянии довести откорм до семи тысяч бычков, нужны новые площадки и фермы, но в совхозе вот уже десять лет ничего не строят. Да, совхоз — не колхоз, и «Вирби» только завидует строительному буму в «Драудзибе», ее большей свободе маневра, большей хозяйственной независимости. Но эту сложность пока не может решить даже РАПО, для которого вроде бы нет двух форм собственности, а все хозяйства одинаково дороги, как дети в большой семье.

Более того, председатель правления РАПО Вилнис Клейнбергс, рассказывая о перспективе развития района, оговорился, что он и его единомышленники видят объединение именно как кооперацию, как единое районное хозяйство, имеющее, грубо говоря, статус макроколхоза. И эта его мысль естественна. Принцип кооперации открывает более широкие возможности перед каждым из самостоятельных юридически хозяйств-пайщиков.

8.

И тут на пути РАПО серьезные препятствия. Вилнис Клейнбергс счел необходимым обратить внимание на то, что в деле финансирования объединения встречается помеха. Например, из года в год на селе не осваиваются полностью капиталовложения. Почему? Их направляют целевым порядком в адрес определенной отрасли. В жизни же все отрасли одновременно не растут — это не грибы под ровным дождем. Давно пора бы денежные средства направлять в РАПО. Его правление вполне разумно распорядилось бы капиталом, вложило бы в самые необходимые объекты и в отрасли быстрой отдачи. Например, огромные средства идут много лет на мелиорацию, а сейчас эта отрасль не испытывает серьезных затруднений...

Беда со штатами, их утвердили более пятнадцати лет назад, а Министерство финансов СССР ни шагу не сделало навстречу РАПО, не желает считаться с его кооперативной сущностью, видит в РАПО не что иное, как прежние сельхозуправления в новой одежке.

На всех уровнях идет по стране

разговор о несовершенстве планирования. Когда есть РАПО ему и план, казалось бы, давно пора решиться спускать (то есть в адрес правления районного объединения), а не верстать культуры по площадям для каждого хозяйства: столько-то сейте зерновых, столько-то трав, столько-то вам паров оставляется, а скотину держите такую-то... Иногда в одном хозяйстве сталкиваются виды животных или птицы, не соответствующие растениеводству, кормовой базе. РАПО выправляет это положение, разглаживает морщины на карте района. Но принцип планового давления, принцип «всем сестрам по серьгам» остается. Потому и сеют в «Дундаге» те культуры, которые там, на торфяниках, не дают урожая: была бы заплаточка на карте землепользования заштрихована к сроку!

Сейчас производители мяса и молока, зерна и фруктов отлучены от живой реализации продукции сельского хозяйства, от прямых связей с внутренним рынком страны, с покупателями. Есть, живет и работает РАПО, но живучи и лимиты на внутреннюю реализацию сельскохозяйственной продукции. Здешние потребители да покупатели так и не почувствовали, что существует РАПО. А вот тот же Иммант Брауэрс предложил:

— Нашему колхозу посилено обеспечить всех жителей района всеми необходимыми продуктами питания. Мы готовы кормить вкусно и дешево. А остальные тринадцать хозяйств (без селекционной станции) пусть выполняют контракты с государством, продают ему хлеб, мясо, молоко, овощи, те же цветы... По рукам!

Он молодо улынулся, Иммант Брауэрс, азарт хозяйственника смелого и умного, расчетливого и деятельного, можно сказать, рискованного мне показался естественным, подходящим для времени широкого поиска в области укрепления экономики рядового сельского района.

Слово «контракт» — новое слово, оно знаменует тенденцию к упрочению отношений хозяйств на селе с государством. План хорош, да не всегда он помогает правильно строить отношения между производителями и оптовым потребителем. РАПО, как я понял в Талсах, готово строить свои отношения на договорных началах, это подтвердил и экономист Викторс Бирксанис. Контракт взаимобязателен для обеих сторон. РАПО готово взять на себя производство и продажу государству самых различных продуктов сельского хозяйства. Но и государственные организации в этом случае строжайшим образом обязались бы поставлять на село необходимые разные материалы, металл, лес, машины, удобрения, химикаты, горючее в том объеме, какой необходим для районной кооперации. Хозрасчет расцвел бы, и тогда посмотрим, кто платил бы неустойку в случае нарушения условий контракта. Деловые отношения святы, а пока растут взаимные упреки, мол, как уборочная или посевная, так с горючим перебои; или другое — яблоч навалом, а дальний пицеторг от своих весенних намерений отказался...

У РАПО есть трудности, и не может не быть, дело-то новое, ни на что пока не похожее. То, что в Латвии будет теперь восемнадцать районных аграрно-промышленных объединений, показывает, что в республике модель подобной кооперации достаточно апробирована. И пришлось руководителям восемнадцати районов по душе. Предстоит отработать механизм межхозяйственных связей, убедить такие вышестоящие организации, как Госплан СССР, Министерство финансов СССР и Министерство сельского хозяйства СССР, в эффективности объединения такого масштаба. Оно вправе ожидать всемерной себе поддержки и конструктивного решения многих нерешенных вопросов. В ряде случаев потребуются создать новые предприятия, дабы улучшить агросервис РАПО.

Ведомственные барьеры — бич, их вот-вот сломит, отбросит энергия жизни, подчиненной только законам экономическим. Но пока еще многие предприятия и организации далеки и в прямом и в переносном смысле от полей и ферм, их интересы слабо, а то и вовсе никак не связаны с конечным продуктом нашего сельского хозяйства, его удешевлением. Между тем в Латвии через год-два все двадцать шесть районов республики предстанут как двадцать шесть новых юридических лиц, дотеле неизвестных народному хозяйству страны. И тогда, несомненно, будет осуществлена новая программа — создание республиканского аграрно-промышленного комплекса.

В Институте экономики Академии наук Латвийской ССР разработаны основные принципы организации РеАПК. Так снова прорывается тоска людей здравомыслящих, экономически образованных по согласованной работе всех заинтересованных в росте благосостояния страны и людей, в интеграции экономики города и села. Родятся новые системы финансирования, планирования, уйдет в прошлое многое, что сейчас мешает селянам проявить себя полнее. Я слышу голос Карла Рутенбергса: «Постепенность!» Да, наломать дров легче всего, ломать — не строить. Сделать жизнь значительно трудней — так сказал поэт, и он прав.

...Колхоз «Драудзиба» расстался с живой продукцией — с телочками, выращенными для хозяйств своего же района. Когда-то их приняли маленькими, двадцатидневными. И вот они будто «на выдании». Рослые, волоокие, спокойные. На каждую телочку заполнен паспорт. Я взял паспорт Миты, родившейся в День космонавтики — 12 апреля прошлого года. Порода — латвийская бурая, чистопородная, родилась в Гибульском сельсовете, выращена в колхозе «Драудзиба», возраст 1 год 5 месяцев, вес 260 килограммов. Оценка в баллах — 4,3. Высшая. Класс — элита-рекорд.

Ах, какая анкета!.. Ни одного зряшного пункта, все по делу, все, чтобы покупатель сразу видел: документ достойной особы! Элита-рекорд. Не о каждом человеке такое скажешь. Когда-нибудь о Талсинском РАПО напишут: элитарная экономика. Но путь к рекордным показателям лежит через преодоления.

АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМОВ

А. КИБАЛЬНИКОВ,
народный художник СССР,
член президиума Академии художеств СССР

Вспоминаю далекое время... Саратов, двадцатые годы. В ту пору я был студентом живописного факультета художественного училища. На волжские берега пришли великие перемены, которые принес Октябрь. Да, у нас в российской глубинке все кипело, бурлило. Растревоженная тишина была полна новых созвучий. Мы, молодежь, пристально следили за теми явлениями, которые происходили в мире, пытались осмыслить сложные и не всегда нам понятные процессы в становлении нового в искусстве, трепетно ощущали борьбу реалистических традиций с «новациями» отрицателей богатого наследия русской и мировой культуры.

Естественно, что сама жизнь не позволяла оставаться в стороне. В училище кипели горячие споры, диспуты. Кто-то из наиболее горластых (впрочем, не всегда самых талантливых) ребят пытался перечеркнуть все то святое, что дорого было душе каждого по-настоящему любящего прекрасное. Помогало, что в Саратове была художественная галерея, где экспонировались великолепные полотна Александра Иванова, Репина и Валентина Серова, Врубеля, Борисова-Мусатова — нашего земляка, глубоко поэтического живописца, лирика. Я частенько проводил там долгие часы, как бы проверяя себя, словно советуясь с этими замечательными мастерами.

...Атмосфера становления советского искусства навсегда останется в памяти как пора жарких споров, раздумий, поисков — всего того, что несет с собою молодость, желание постичь всю сложность бытия. Листая страницы газет, журналов, книг, мы пристально следили за теми художественными процессами, которые происходили в Москве, Ленинграде, других городах нашей необъятной Родины. Ничто не оставляло молодежь равнодушной. Имена замечательных художников, отдавших свой талант революции, народу, Родине, принесших с собою великую культуру, выработанную веками, особо волновали меня. Я чувствовал тогда всей душой, что не пустое формотворчество, не крикливые манифесты, а реалистическая станковая живопись есть настоящая школа искусства, которая была мне сродни, задевала и трогала струны сердца.

Как иногда в суете будней, в круговерти забот мы теряем живое ощущение значительности наших современников. Перестаем придавать достойное значение оригинальности личности художника, с которым мы почти ежедневно общаемся. Только потом, через много лет, поймешь по-настоящему, какой цельный и своеобразный, крупный человек ушел от нас. Такими выдающимися деятелями культуры были Иван Шадр, Александр Дейнека, Вера Мухина, Борис Иогансон, Сергей Меркуров. Среди таких вот корифеев мне хочется сегодня вспомнить и настоящего русского самородка — народного художника СССР Александра Михайловича Герасимова.

Как сейчас вижу его небольшую плотную фигуру в свободно сшитом костюме-тройке, с неизменной трубкой во рту. Кудрявый, с острыми, чуть прищуренными озорными глазами, живой, подвижный, с особым своим говорком, он с первого взгляда был замечен как личность недюжинная. Стоило с ним побеседовать, поговорить по душам, как раскрывалась бездна знания жизни, можно было только поражаться его народной хватке, жизненному опыту, своеобразной, незаемной мудрости. Александр Михайлович был замечательным рассказчиком, он любил общество и охотно делился с друзьями своими воспоминаниями о старом житье-бытье, о встречах с большими мастерами прошлого — классиками русской живописи. Конечно, время много стерло из тех бесед, которые мы много раз вели с А. М. Герасимовым у него в гостеприимном доме на улице Левитана, в котором жил какой-то особый дух хлебосошества, где можно было встретить и замечательную певицу Марию Максакову, и великолепного баса Максима Дормидонтовича Михайлова, и танцовщицу Тамару Ханум, крупнейших мастеров изобразительного искусства. Порою свет в оконцах особнячка горел далеко за полночь. Дом был всегда открыт. Большой длинный деревянный стол, такие же немудреные стулья.

Какие там бывали интересные беседы! Сколько нового я узнавал за эти встречи о становлении русского искусства в начале века. Рассказы Герасимова бесценны. Чего таить, становление нашей советской реалистической школы и ее развитие несколько не походило на парадный марш. Это были годы борьбы, борьбы непримиримой. Вот тут и ковался боевой характер Александра Михайловича, его непримиримость к формализму всех видов и модификаций. И когда АХР — ассоциация художников-революционеров — была создана, это был надежный оплот бойцов за реализм. Александр Герасимов — страст-

ный полемист, остроумный и талантливый оратор. Ведь пролеткультовские идеологи были совсем не ягнята — это были весьма теоретически подкованные демагоги, для которых опрокинуть Рембрандта или Репина было не только счастьем, но и методом борьбы.

В то время в Саратове я только чувствовал отголоски тех фронтальных схваток, которые вели Александр Герасимов и его соратники. Конечно, в пылу полемического запала «леваки» награждали нелестными эпитетами творчество прекрасных наших художников — Кустодиева, Касаткина, Архипова, Юона, объявляя их «консерваторами», «рутинерами», воспевающими старую Русь, не зовущими вперед. Знаменем модернизма был «Черный квадрат» Казимира Малевича, отрицавший все и вся, ставивший крест на предыдущем развитии культуры. Битва кипела, и Александр Михайлович, тогда еще молодой и полный сил, только появился на столичном небосводе. Окончив в свое время Училище живописи, ваяния и зодчества и пройдя прекрасную школу у блестящих мастеров-станковистов — Касаткина, Архипова, Константина Коровина, — он сам, обладая незаурядным талантом мастера-станковиста, писал чудесные портреты, натюрморты, пейзажи, картины. В них, как в яркой радуге, переливалась сама жизнь — многоцветная, мажорная, народная. И, конечно, уже на первых порах своей деятельности Александр Герасимов обрел врагов непримиримых из стана эстетов, поклонников западных изысков.

Никогда не забуду выставки тех времен, когда зримо была видна битва формалистических и реалистических течений в советском искусстве. И все же реализм победил! Победил бесповоротно.

Безусловно, так называемые «служители Аполлона» не были довольны случившимся. Ведь наступление и победа станковой реалистической живописи означали для них уход с ключевых позиций культуры. Это был крах... Путь формализму в советском искусстве был прегражден. Уже выставка «15 лет искусства РСФСР» показала заметный поворот к реализму. На этой экспозиции был представлен холст Александра Герасимова «Ленин на трибуне», остающийся до сих пор непревзойденным в Лениниане. Не могу не отметить взволнованную, широкую манеру письма живописца. Прекрасен вдохновенный образ вождя революции, который отражен в этом полотне. Таков шедевр советской живописи, оставшийся вечно новым и для наших дней, хотя он написан полвека тому назад.

Эпос эпохи, грандиозность движения миллионов людей к свободе, вихревой порыв революции — все это будто слилось воедино в сердце талантливого художника, нашло ярчайшее пластическое выражение.

Особо важно, что этот глубоко современный сюжет написан А. М. Герасимовым в духе русской школы. В холсте чувствуется кисть ученика Константина Коровина — в широкой манере письма, в звучности и богатстве колорита. Но особая сила живописи картины «Ленин на трибуне» заключается в том, что, несмотря на традиционную по форме станковую живопись, произведение Герасимова новаторское, ибо в нем нашло выражение время, в которое жил мастер, — героическое, насыщенное романтикой, поэзией борьбы.

Все лучшие портреты, пейзажи А. М. Герасимова по блеску живописного языка всегда носят на себе следы глубокого проникновения и освоения классического наследия мировой и русской культуры.

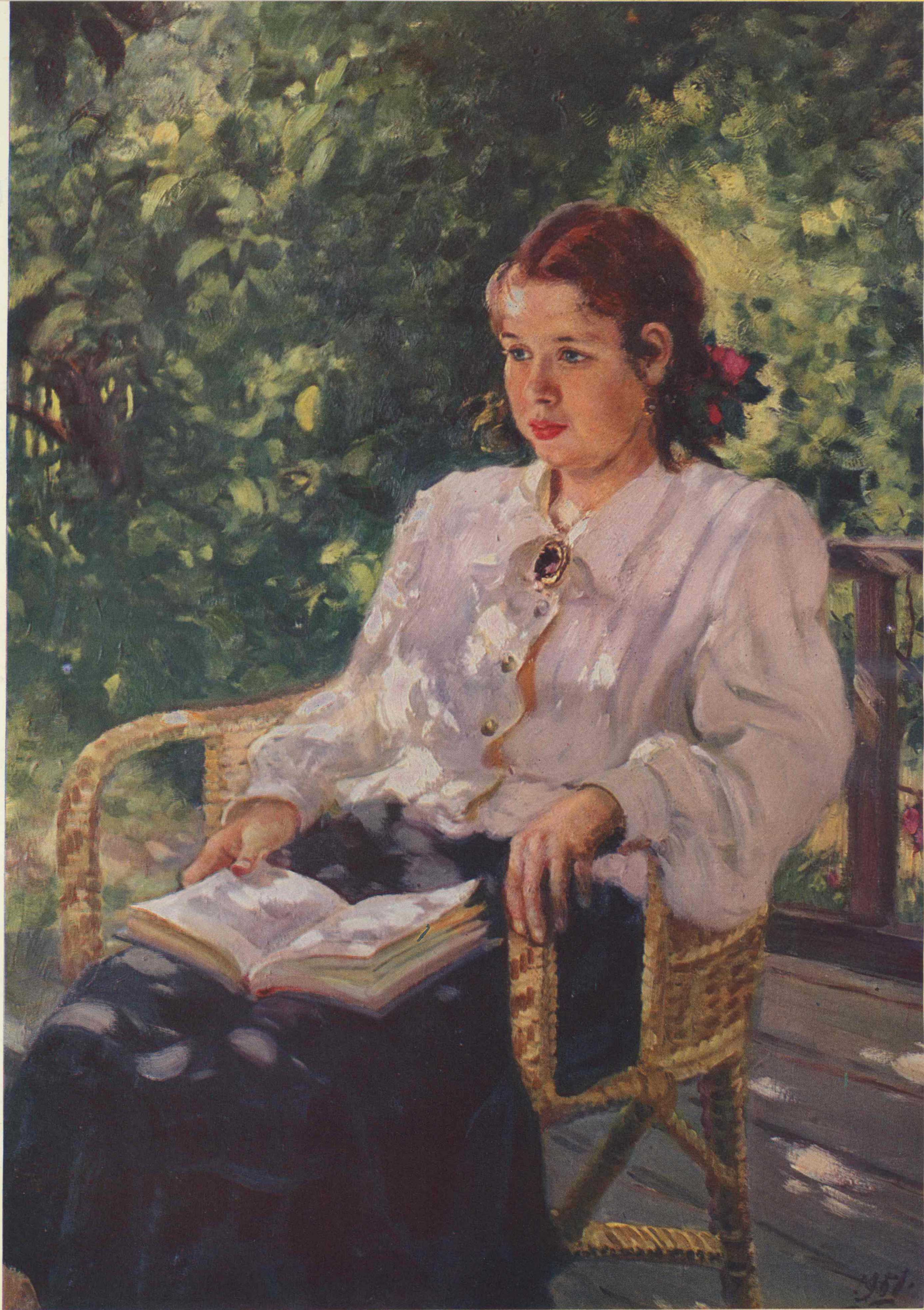
Не раз мы посещали Третьяковку, и всегда Александр Михайлович с особой охотой и любовью обходил залы, посвященные творчеству Сурикова, Репина, Васнецова, Серова, Левитана, Коровина, Архипова, Касаткина.

— Это ведь наши учителя, — говорил Герасимов и любил вспоминать слова Ильи Ефимовича Репина об искусстве: «Оно хорошо и вполне понятно только на своей почве, только выросшее из самых недр страны... Тогда всякий молодой талант смело и свободно станет отвечать духу и вкусу своего времени».

Кстати, о вкусах. Не могу не припомнить маленькую историю, рассказанную мне Александром Михайловичем.

— Стою я как-то в зале Виктора Васнецова, — начал рассказ Герасимов своим особым мягким говорком, — стою и любуюсь картиной «Богатыри». Ее великанским размахом, богатством колорита. Образами былинных героев — Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича. Меня всегда чаровала сокровенная патриотическая музыкальность этого гениального полотна. Мне казалось, что, глядя на этот холст, я слышу звуки «Богатырской симфонии» Бородина. Вдруг меня кто-то трогает за плечо. Гляжу — глумливые лица двух дружков, боль-

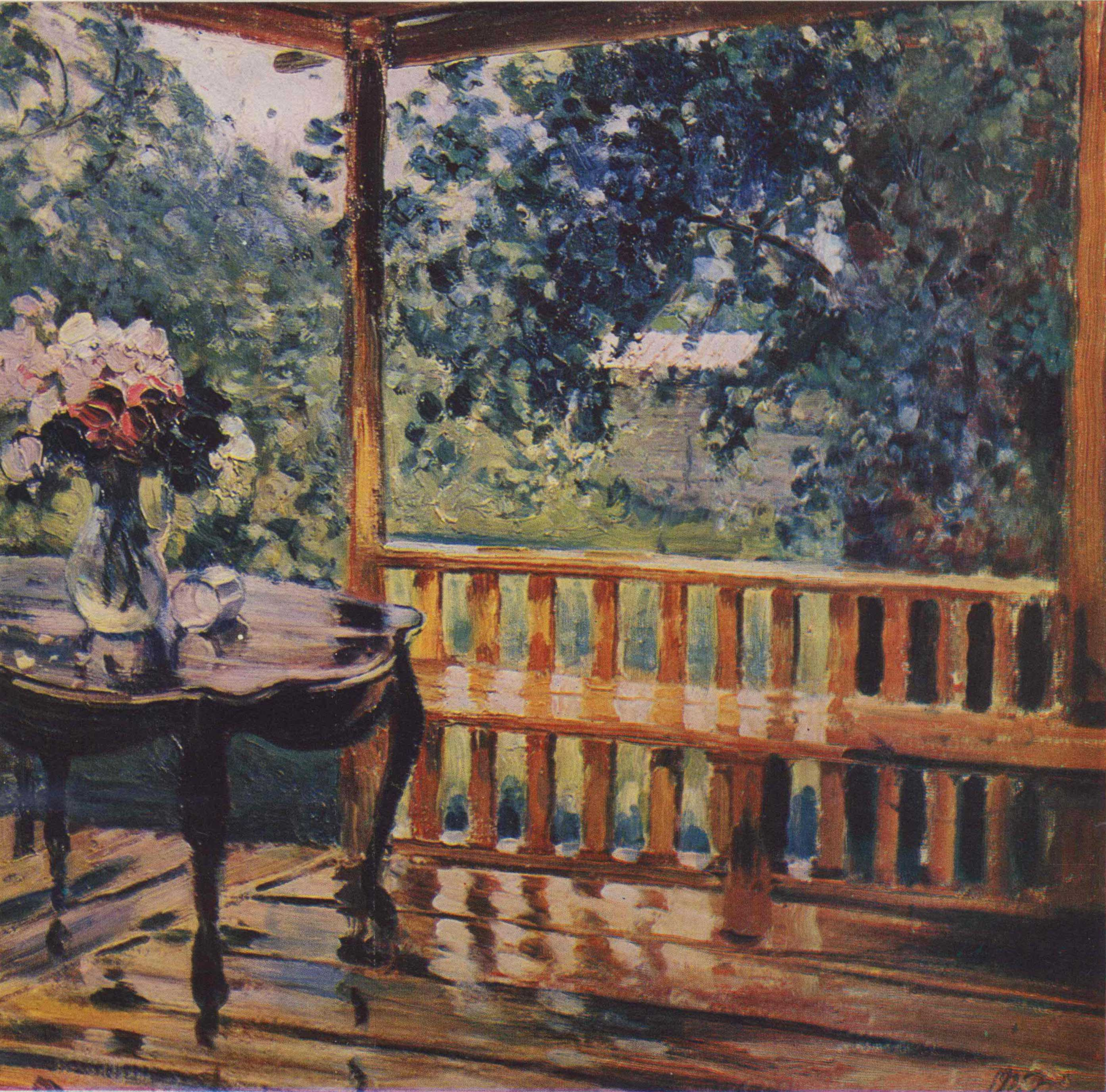
А. Герасимов, 1881—1963. ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ. 1951.

А. Герасимов. ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ СТАРЕЙШИХ ХУДОЖНИКОВ (слева направо): И. Н. ПАВЛОВ, В. Н. БАКШЕЕВ, В. К. БЯЛЫНИЦКИЙ-БИРУЛЯ,
В. Н. МЕШКОВ). 1944.

А. Герасимов. ПОСЛЕ ДОЖДЯ. 1935.

ших любителей западных модернистических изысков. «Александр Михайлович», — обратился ко мне один из подошедших, высокий с курчавой гривой волос, тонкой шеей с большим кадыком, перехваченной шелковым лиловым кашне, в черной бархатной блузе. — Что вы как художник в этой картине видите? Это же лубок, в ней же воздух, пленэру нету». Я ему и сказал: «Друзья мои хорошие, было бы по-вашему — может быть, пленэра было бы и побольше. И вроде краска голубая стала бы погуще. Только богатырей русских стало бы пожире».

— Ну, а они что? — спросил я.

— Помялись, поежились да ушли, — ответил Герасимов. — Ведь я сам не против пленэра, люблю Клода Моне, Сислея, Писсарро, но я против бездумного копирования западных образцов. Надо всегда помнить, что мы представляем огромную страну с большой своеобразной историей и культурой, со своей живой необычной душой.

Не раз Александр Михайлович с особым теплым чувством рассказывал мне, как он писал свой ставший ныне хрестоматийным групповой портрет старейших художников — И. Н. Павлова, В. Н. Бакшеева, В. К. Бялыницкого-Бируля и В. Н. Мешкова. Да как не припоминать их. Ведь они были его истинными друзьями, эти корифеи отечественной школы живописи и графики. Сколько прекрасных творений подарили они людям, сколько счастливых мгновений дали благодарным зрителям! Стоит только припомнить, какие яркие по характеру это были люди и какие шедевры они создавали.

Бялыницкий-Бируля... Вспомните его пейзажи. Поэтичные, мерцающие, будто прикрытые серебряной вуалью, дышащие свежестью полотна. Зимы и весны, с проталинами снега и темными водами ручьев, с тающими в голубоватой дымке нежными березовыми рощами. А великолепные эстампы Ивана Павлова? Ведь его гравюры стали классикой этого благородного искусства, требующего особо острого глаза и твердой руки... Василий Никитич Мешков — блестящий художник. Его портреты, рисованные сангиной и углем, — образец совершенства. Мастер, как никто, виртуозно владел техникой и мог самыми скупыми средствами передавать все богатство характера, красоту натуры. К сожалению, в наши дни это редчайшее мастерство рисунка во многом утеряно... Василий Николаевич Бакшеев. Ныне понапрасну почти забыли этого редчайшего пейзажиста — певца родной природы. А ведь он умел выразить тончайшие нюансы, почти неуловимые состояния перемен времен года, столь характерные для нашего ландшафта. Его полотна, глубоко сокровенные по духу и приверженности Отчизне, чаруют меня искренностью и прелестью своих нехитрых, но душевных, песенных и лиричных картин. Ведь иной пейзаж Бакшеева можно рассматривать часами — столько в нем сердечного тепла.

Александр Михайлович любил вспоминать ту пору, когда он писал этот групповой портрет. Лето 1944 года. Уже приближается финал грандиозной битвы с фашистскими захватчиками. Все, все предвещало неотвратимый крах нацистской Германии. Кто может забыть ежедневные победные сводки Совинформбюро, вызывающие светлую веру в грядущую победу! Какое состояние приподнятости и ликования вызывали эти скупые строки! Все чаще и чаще в московском вечернем небе горели яркие огни салютов в честь доблестных побед воинов Советской Армии, гнавшей гитлеровцев с родной земли.

Большой холст писался А. М. Герасимовым не скоро. Вспомните внимательно в каждый персонаж этого группового портрета — это целая повесть о непростых, замечательно прожитых жизнях, отданных творчеству, благородному труду во имя искусства.

Может быть, кому-нибудь мои слова покажутся старомодными, но я не боюсь этого. Я считаю, что портрет — это прежде всего характер, сходство, глубина... Я не могу признать, что можно решить образ человека при помощи схемы, надуманного приема, — это обеднение, огрубление и прежде всего обольванивание натуры. Подобные портреты похожи скорее друг на друга, а не на модель...

А. М. Герасимов писал в своих воспоминаниях:

«Время — лучшая проверка достоинств произведения искусства. Часто бывает так, что сначала та или иная работа тебе очень нравится, считаешь ее удачнее других. А проходит год-два или больше, и она встает перед тобой в обнажении многих недостатков. Значит, первое впечатление обмануло. Когда я смотрю сейчас групповой портрет старейших художников, я не испытываю чувства разочарования. И это не вследствие того, что эта вещь заставляет с благодарностью вспоминать дорожки для меня годы и дорогих людей. Я вижу в ней свое творческое волнение, живую мысль и чувство. А самое главное: я чувствую в ней правду жизни и убеждающее сходство. Ведь когда пишешь портрет, прежде всего мечтаешь о том, чтобы изображенный человек как живой глядел из рамы.

Если молодые поколения будут воспринимать мой портрет старейших художников как искреннюю и правдивую повесть о лучших представителях русского советского искусства, значит, мой труд не пропал даром».

Меня всегда поражала высокая образованность Александра Михайловича. Ведь он свободно владел французским, английским, немецким языками, читал в подлинниках замечательные книги мастеров европейской культуры.

Как-то мы поздно засиделись на улице Левитана. Гости разошлись. Дом притих. Хозяин подошел к большому книжному шкафу и достал с полки старый томик в красивом кожаном переплете, тисненном золотом. Это было французское издание «Дневников Делакруа». Не торопясь, он раскрыл книгу. Водрузил очки на нос и стал неспешно переводить мне текст. Не помню точно, буквально слово в слово, но смысл его таков: «То, что делает людей гениальными, или, вернее, то, что они делают, заключается в одной ими овладевшей мысли, что все сказанное до сих пор в искусстве недостаточно сильно выражено...»

Свет лампы падал на страницы толстой книги, озарял маленькие, крепкие руки мастера, положившего их на раскрытый томик, блеснул в стеклах очков.

— Как, Саша, — спросил Герасимов, — ты осознал невероятную глубину этих слов? Вот послушай дальше: «Если же ты как художник почувствовал, узнал что-то истинно новое, покажи его людям, дай им увидеть то, что они не заметили. Заставь их услышать пение соловья и шум открытого моря... Словом, то, что, может быть, они до этого не слышали и не сумели познать...»

Александр Михайлович закрыл книгу и задумчиво, как бы повторяя слова Эжена Делакруа, сказал:

— А ты, мастер, помоги раскрыть прелесть природы, возьми на себя труд рассказать зрителю о чуде бытия, красоте жизни. Тогда народ скажет тебе спасибо. А труд твой останется на века.

...За окном стояла ночь. Шумела листва молодого сада.

Александр Михайлович вздохнул.

— Ведь как у нас в начале века некоторые понимали «новое» в живописи? Кто сильнее прокричит, на шумит, прогремит. Поэтому искусство гениальных классиков их не устраивало. Ведь они, великие мастера, писали — будто пели, как птицы. Но для этого нужна огромная школа и труд, а главное — природный голос.

Герасимов взял трубочку и, набив ее табаком, закурил. Ароматный, душистый запах табака вместе с клубами сизого дыма создал особый уют в тихой комнате. Слышно было лишь, как тикали старые часы.

— Ведь ты подумай, что такое бельканто. Это значит по-итальянски «прекрасное пение». Это, милый, означает, что у тебя не только дивный природный голос, чудесно поставленное дыхание, абсолютный слух. За всеми этими данными огромный труд бесчисленных репетиций — школа! А для того, чтобы взять барабан и обрушить на слушателя хаос звуков, лишь бы его оглушить, — школы, труда не надо. Вот в этой вседоступности грохота, крика в искусстве — разгадка массовости движения «авангарда». Ведь в него полезли, как тараканы, все, у кого не клеилось дело с истинной живописью. Вот для них-то Рафаэль и Леонардо стали сразу лютыми врагами. Да что там Рафаэль. Даже такие милые, знакомые нам всем люди, как Исаак Левитан или его друг, мой учитель Константин Коровин, были объявлены рутинерами и старьем. «На свалку», — визжали мазилы, которые иногда не умели нарисовать спичечную коробку. Что был им Карл Брюллов? Пустое место. А ведь Брюллов, хоть и был гениальный артист, все же в молодости, в Академии двадцать раз, запомни, двадцать раз рисовал до тошноты, до седьмого пота, античную скульптуру Лаокоона... Вот так, мой дорогой, и получается в искусстве бельканто. Это далеко не всем дано... Я ведь знаю, что на меня вешают всех собак, что я, такой-сякой, не люблю формалистов. Каюсь. Не люблю. Но свежесть, яркость языка в искусстве ценю. Разве у нас не в почете такие разные живописцы, как Петр Кончаловский, Сарьян, Дейнека?.. Ну, а если бы мы не закрыли двери западным авангардистам да малость не утихомирили своих «леваков» — что бы было? Помяни мое слово, когда-нибудь все же разберутся в истинной цене всех этих абстракций, супрематизма, сюрреализма и прочих-прочих «измов». Думаю, придет пора, когда все это надоест людям, как горькая редька, и им вновь захочется увидеть красоту природы и Человека. Верю, что придет этот час.

Прошло примерно четверть века с той достопамятной беседы, и ныне вспоминаю бесконечные пустые залы, виденные мною за последние годы не раз во многих странах на Западе. Пустуют шикарные, современные салоны. Действительно, «авангард» отжил свой пустозвонный век. И многие, многие художники, наверное, сегодня с грустью вспоминают о зря прожитых годах, когда они, увлеченные модой, порою прельстившись легким заработком, кривили душой. Иным ведь уже и поздно переучиваться. Это трагедия...

Страницы прошлого, связанные с Александром Герасимовым, особо ярко предстали передо мной на отчине художника. Наконец я увидел его родину, дом в Мичуринске, где жил и писал мастер.

Да, вот она, знаменитая терраса... Только со дня написания «После дождя» прошло сорок шесть лет. Уже давно ушел от нас автор. И сегодня мы зрим его в бронзе памятника, окруженного массой земляков и гостей, приехавших отметить столетие со дня рождения живописца. Любовно ухожен дом, на клумбах пионы, георгины, розы, которые навечно запечатлены в его натюрмортах. Александр Михайлович сам примечал цветы, ухаживал за ними.

Стою на террасе и вспоминаю любимое мною полотно. Прошел летний дождь. Прозрачная свежесть словно окутала сверкающий зеленый мир. Серая дымка летящих обрывков туч еще заслоняет солнце, но блеск его лучей на всем: на мокрых досках террасы, деревянных простых перилах, трепещущих от легкого порыва ветра листьях деревьев и распустившихся дивным букетом розах, стоящих в вазе на столике с изогнутыми ножками. «После дождя». Так называется пейзаж Александра Герасимова, написанный в 1935 году. В этом холсте лучшие традиции русской школы: ощущение любви к природе, мощная, яркая манера письма.

Мы проходим по комнатам дома художника. Атмосфера русской глубинки — старинный рояль, буфет, массивная мебель, — все здесь говорит о быте неспешном, своеобразном. Трогают те тшание и забота, с которыми земляки и представители Академии художеств СССР восстановили обстановку этого дома. Хочется отметить большую работу, проделанную Александром Михайловичем Шабельниковым, вложившим много души и сердечности в формирование музея.

...Шелестит листва старых деревьев... Нет только самого мастера. Не слышны его своеобразный говорок, шутки, сокровенные рассказы. Но жив навек этот художник, который смог отразить свое время, пору, в которой он жил, свою Отчизну, земляков, родной город. Это сделал Александр Михайлович Герасимов. Потому его так любят в Мичуринске. Гордятся им. И невольно торжественность и радость его сограждан передаются нам, его старым друзьям.

Незабываемые, яркие дни празднования юбилейных дней в Мичуринске показали живую связь истинно реалистического искусства с народом, еще раз подтвердили великую правду ленинских слов: «Искусство принадлежит народу».

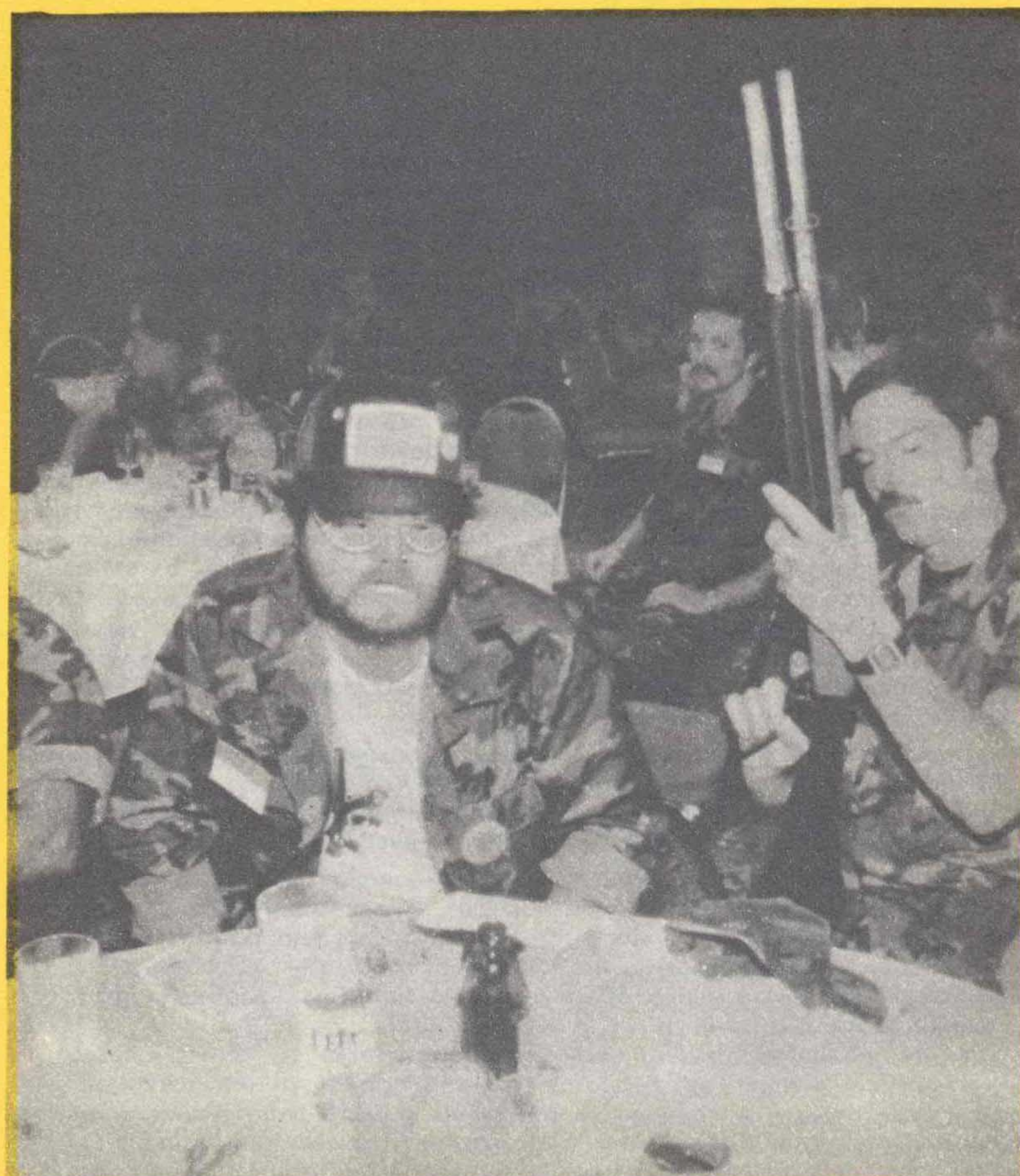
1

КОНГРЕСС НАЕМНЫХ УБИЙЦ

2

3

1

Наемники (на переднем плане),
захваченные в плен.

2

Обмен опытом...

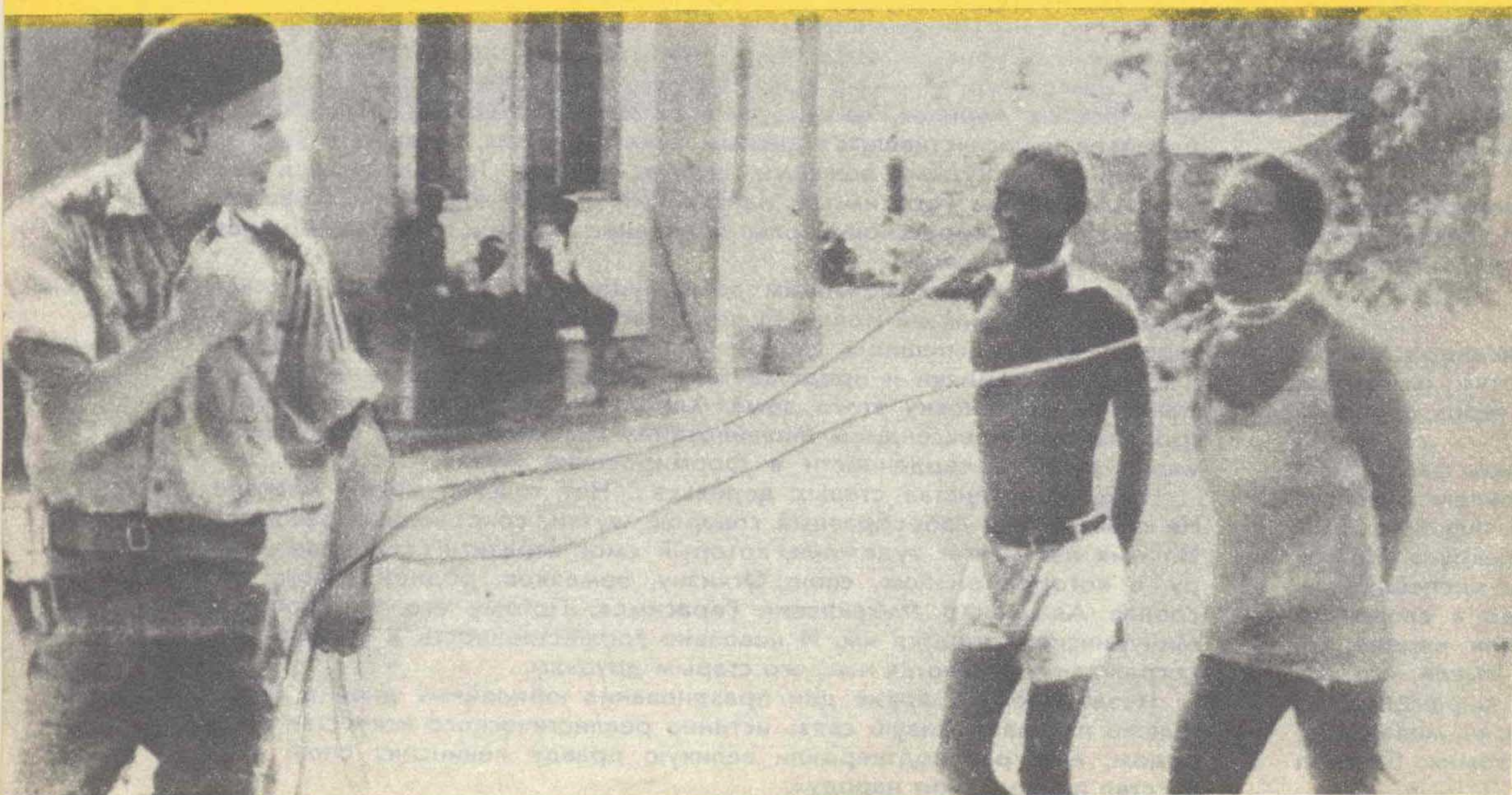
3

Сегодня он позирует фотогра-
фу. Кого отправится убивать
завтра!

4

Так «работают» они в Африке.

Фото из «Журналь дю диманш»,
«Фигаро-магазин»
и «Юманите-диманш»

4

Да-да, не удивляйтесь, дорогой читатель, взглянув на этот заголовок. Это отнюдь не ироническая фраза, вовсе не хлесткий эпитет журналиста. Речь идет о самом настоящем конгрессе наемных убийц, которые за деньги готовы вонзить нож в спину кому угодно, изрешетить пулями из автомата любого политического деятеля, помочь свергнуть любое правительство развивающейся страны, которое придется не по нраву тем, кто оплачивает кровавые услуги этих «солдат удачи», как они сами именуют себя.

28 сентября французское телевидение передало репортаж с конгресса наемников в американском городе Финикс (штат Аризона). Участники этого конгресса, как сообщалось в передаче, объявили о своей готовности отправиться воевать «против коммунизма» в Анголе, Афганистане, Южной Америке и Сальвадоре. Один из организаторов собрания наемников в Финиксе «конфиденциально» (!) заявил журналистам, что в США проводится сбор средств для «антикоммунистической борьбы». Разумеется, львиная доля этих средств пойдет в карманы наемных убийц.

Система наемных войск существует уже давно. Классическим примером ее применения служит французский Иностранский легион, в рядах которого всегда находилось место для сорвиголов, готовых воевать где угодно и когда угодно. Ряды этого «легиона» после второй мировой войны пополнялись в значительной мере за счет бывших эсэсовцев, страшившихся возмездия правосудия за свои преступления и готовых пойти воевать хоть на край света, лишь бы уйти от суда. Они зверствовали во Вьетнаме и в Северной Африке, участвуя в «грязной войне», которую вели там правительства четвертой французской республики, пытаясь подавить национально-освободительную борьбу.

Дальше, в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов, когда Франция прекратила эту «грязную войну», началась новая, еще более постыдная глава истории наемников. Они шли на участие в любых военных авантюрах, лишь бы им платили за это деньги. Дело доходило до того, что банды наемников сражались друг против друга, как это было, например, в бывшем Бельгийском Конго, ныне именуемом Заиром: одни были завербованы правительством Мобуту, другие авантюристом Чомбе, который состоял в услужении у колонизаторов и по их указке пытался отделить от этой страны провинцию Катангу, в недрах которой находятся богатейшие природные запасы ценных минералов, в частности медной руды...

Прочитав информацию агентства Франс Пресс о конгрессе наемников в США, я достал из своего архива газеты и журналы той поры, весьма щедро освещавшие скандальные деяния «страшных» или «ужасных», как хвастливо именовали себя щедро рекламировавшиеся в ту пору западной прессой наемники — бывшие солдаты и офицеры гитлеровского вермахта, американские, английские, бельгийские и прочие искатели приключений, без лишней скромности присваивавшие себе высокие воинские звания. Бандиты Боб Денар и Майкл Хор называли себя полковниками, Тьерри де Боннэ, вербовавший наемников для подставной американской компании «Американ энд Травел сервис», стал самозванным генералом.

Приведу лишь заголовки огромных статей французской прессы о действиях наемников той поры:

«Жизнь внаем за 300 000 старых франков в месяц. Я видел, как сражаются в Конго те, кого именуют «ужасными», — люди, ищущие приключений, охваченные мечтой об идеале или же просто желающие — наконец! — сколотить капитал» («Журнал дю диманш», 25 сентября 1966 года).

«Исповедь наемника: Алжир, тюрьма. Конго» [журнал «Пари-матч», 1 октября 1966 года].

«Работа для наемников» (журнал «Нувель обсерватер», 6 июля 1970 года).

«Стайнер, или любовь к войне. Двадцать лет тюрьмы для бывшего легионера, который не переставал сражаться всюду — от Кореи до Судана, путь к которому лежал через Алжир и Биафру» (газета «Франс-суар», 15 ноября 1971 года).

«Злоключения французских «ужасных» («Котидьен де Пари», 15 марта 1976 года).

«Ужасные» на Коморских островах» (журнал «Нувель обсерватер», 19 июня 1978 года).

И так далее и так далее...

Пожалуй, наиболее типична для «ужасных» история Рольфа Стайнера. Этот наемный убийца, родившийся в Мюнхене и воспитанный фашистской молодежной организацией «гитлерюгенд», успел, еще будучи несовершеннолетним, поехать против Советской Армии. Потом он сражался в Корею под американским знаменем, затем в Индокитае под французским, — там он попал в плен к вьетнамцам после разгрома войск колонизаторов в Дьен Бьен Фу. Далее воевал в Алжире — опять под французским знаменем, потом — в районе Суэцкого канала — под знаменами Израиля, Англии и Франции.

В 1967 году Стайнер оказался в Нигерии — помогал авантюристам из провинции Биафра, выступавшим против нигерийского правительства. Он там командовал 4-й бригадой «коммандос» численностью в 3500 человек, созданной им по образцу французского Иностранного легиона.

Потерпев и в Нигерии поражение, Стайнер в 1969 году подрядился воевать в Судане — помогал, — разумеется, за деньги! — вождям южных племен поднять восстание против центрального правительства. Восстание было подавлено, Стайнер попал в плен. Его судили и приговорили к смертной казни, но потом заменили казнь тюремным заключением. Через каких-нибудь три года его освободили, и в марте 1974 года он был репатриирован в ФРГ.

Заметьте: не было ни одного случая, когда бы военная авантюра платных наемников закончилась успехом. Но вот, поди ж ты, снова и снова находятся люди с толстой мошной, готовые платить этим бандитам огромные деньги в надежде на то, что им все-таки удастся когда-нибудь где-нибудь добиться победы!

Во второй половине семидесятых годов основным центром вербовки «солдат удачи» стали Соединенные Штаты. В эту деятельность включилось ЦРУ. С типично американским размахом была поставлена реклама найма профессиональных убийц. Организаторы вербовки начали издавать свой журнал, который так и называется — «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»). Бывшие эсэсовцы уже постарели, ушли на пенсию, и теперь предпочтение отдается бывшим солдатам и офицерам американских вооруженных сил, главным образом тем, кто служил в «специальных войсках» США, зверствовавших во Вьетнаме.

Правда, и американские наемники отнюдь не блещут военными успехами, у всех в памяти, к примеру, скандальный провал авантюры, предпринятой ими в Анголе, куда они вторглись со стороны Заира. Однако «солдат удачи» снова и снова посылают в самые различные «горячие точки» планеты, где требуется подавление национально-освободительной борьбы.

Но вернемся к конгрессу наемников, состоявшемуся уже в 1981 году в США. Перед мной сейчас лежит парижский журнал «Фигаро-магазин», посвятивший этому собранию шесть страниц, на которых размещены репортаж специального корреспондента Жака Бономо и иллюстрирующие его красноречивые фотографии. Они раскрывают грязную суть усердно рекламируемой буржуазной прессой «борьбы за свободу, против коммунизма», которую ведут эти наемные подонки. Давайте же обратимся к тексту репортажа.

Жак Бономо рассказывает о том, что две тысячи наемников, прибывших в столицу штата Аризона — город Финикс, «в течение четы-

рех дней, надев военную форму, прочесали (!) окрестности, провели конкурсы меткой стрельбы, прыгали с парашютом, практиковались в приемах борьбы, обменивались сувенирами, сравнивали свое оружие, которым они владеют вполне легально».

Далее он многозначительно сообщает, что наемники, как свободные и сознательные (!) граждане, изучали «внутренние проблемы страны», говорили «о проблемах безопасности в городе и в сельской местности», «высказывали свое мнение о внешней политике и о развитии событий во всем мире». Они выразили свою «озабоченность советско-кубинской подрывной (!!) деятельностью в Никарагуа, в Сальвадоре, в Гватемале, в Анголе, в Эфиопии и в районе Карибского моря».

«Местное население, — продолжает специальный корреспондент, — приветливо и радушно, с интересом, если не дружелюбно, воспринимало их действия. Многие любопытствующие люди, в том числе молодежь, принимали «солдат удачи» в семьях, расспрашивали об их бывших боевых делах, которые в свое время описывались как постыдные. Ведь это происходило в демократической стране, где свобода слова священна. Все это было далеко отсюда (то есть от Парижа. — Ю. Ж.) — в Соединенных Штатах. Это был второй ежегодный конгресс, организованный американским ежемесячным журналом «Солдат удачи». Тема его была обозначена так: **«Почет ветеранам Вьетнама»**.

«Еще недавно такой конгресс был бы немислим, — подчеркивает Жак Бономо. — Но избрание Рейгана на пост президента было многозначительно, американцы взяли себя в руки, пересмотрели свое отношение к прошлому и к сегодняшним проблемам. Америка больше не испытывает стыда, она освобождается от угрызений совести и от сомнений. Студенчество образумилось. Щеголявшие левой фразой технократы из клана Кеннеди вернулись к заботам о высокой зарплате в частной промышленности. И вот те, кто воевал во Вьетнаме, осмеливаются поднять голос, чтобы сказать, что их война не была «грязной войной»...»

Тон корреспондента становится патетическим. Он восклицает:

«Они здесь, солдаты 101-й дивизии парашютистов, сражавшейся в Куангчи, 173-й бригады парашютистов, воевавшей в Дакто, 1-й кавалерийской дивизии, морские пехотинцы из 5-й дивизии, которые отскакивали базу Кхесань, зеленые береты специальных частей, «рейнджеры», красные береты «коммандос», летчики, моряки. Но здесь присутствуют также одетые в маскировочную одежду канадцы, новозеландцы, родезийцы, французы, португальцы, англичане, южноафриканцы».

Почему они здесь? Жак Бономо дает на этот вопрос такой ответ: «Солдаты удачи» (красивая французская формула XVI века) — это элегантное выражение означает то самое, что другие именуют словом **«наемники»**. Боб, Брюс и Брайан (вместе взятые они весят 350 килограммов, двое белых, один черный) предпочитают, чтобы их звали «солдатами удачи», а не наемниками. «Наемник — это полицейский, — говорит Брюс, — он должен защищать систему, которую, быть может, не одобряет. А мы боремся лишь против коммунизма...» «Они предпочитают умалчивать о том, что делали в качестве «технических советников» в Родезии, Анголе, в Ливане и в других местах. Но они без ложной скромности признают, что готовы принять любое предложение (!) и что — так же как ветераны Вьетнама — могут продемонстрировать свою высокую квалификацию».

Наемные убийцы охотно предлагают свои услуги кому угодно, публикуя в журнале «Солдат удачи» такие объявления:

«Наемник готов к услугам. Служил в специальных военных силах. Готов действовать в группе или в одиночку. Предпочтительно в Южной Америке, Соединенных Штатах или в Афганистане. Гарантирует, что им будут довольны. Гонорар требуется очень высоким».

«Два норвежца ищут работу в Африке. Те, кого это предложение заинтересует, могут писать по такому адресу...»

«Пока еще не нашел невозможную (!) работу. Ищет ее. Обладает необходимым материалом. Писать по следующему адресу...»

«Как всякий уважающий себя конгресс,— продолжает Жак Бономо,— этот слет, созданный редакцией журнала «Солдат удачи», создал комиссии, проводились пресс-конференции, рабочие заседания. Вот взятые из его программы некоторые темы, обсуждавшиеся здесь: «Как выжить на улицах» или «Как надлежит действовать перед лицом преступности в городах» — доклад сержанта Ивэна Маршалла из полиции Детройта (сопровождается показом стрельбы по движущимся фигурам); «Как выжить в пустыне» — доклад Дэва Гэнси, инструктора университета Аризоны (здесь можно погибнуть от жажды, если вдруг спустит шина вашего автомобиля); японский мэтр Кузан Ода демонстрирует использование самурайского меча.

Рэнди Вэннер показывает технику метания ножей. Ред Тэйлор демонстрирует, как человек, вооруженный кинжалом, может одолеть людей, вооруженных револьверами. Джон Сэттеруайт, обладающий олимпийской медалью, полученной за меткую стрельбу, показывает, что можно сделать, имея охотничье ружье, которое может быть использовано как оружие ближнего боя. Джим Лезервуд демонстрирует новый пистолет-пулемет, который он создал, — это оружие по размеру не больше, чем крупнокалиберный пистолет.

Подполковник (в отставке) Филипс, из специальных вооруженных сил, приглашает желающих стать «солдатами удачи» в созданном им учебном центре в штате Джорджия, где проводится обучение «элиты стрелков». Холл гостиницы «Шератон» превратился в самый настоящий арсенал, где пуленепробиваемые жилеты соседствуют с военными значками и штурмовыми винтовками (правда, пока что автоматы не находятся в свободной продаже).

«Тем временем, — повествует специальный корреспондент, — проводятся конкурсы метких стрелков. Из каньонов, расположенных неподалеку, доносится непрерывный грохот стрельбы из пистолетов «кольт-45», револьверов «357-магнум», ружей «ремингтон-12», американских солдатских винтовок «М-16» и русских «АК-47». Слово заключительный фейерверк, пальба из легких пулеметов «брен» и «МС-44», которые соседствуют с тяжелым пулеметом «М2-50» и достопочтенным «виккерс-303», ствол которого охлаждается водой».

«В США, — почтительно напоминает корреспондент, — обладание оружием представляет собой неотъемлемое право каждого гражданина. Оно рассматривается как возможность для слабого сопротивляться несправедливой силе. В пригородах Финикса, где живут 7500 пенсионеров, шерифы обучают стрельбе шестидесятилетних старушек...»

Что можно сказать по поводу этого репортажа? Читатель, которого я познакомил с его текстом, без труда разберется в тех ухищрениях, к которым прибегнул автор, чтобы придать конгрессу наемных убийц видимость респектабельности.

Послушать его — так получается, что «солдаты удачи» заняты чуть ли не благородным и уж, во всяком случае, полезным делом: если вы их наймете, они будут защищать вас силой оружия от бандитов. Что же касается подлинной роли наемников, оставивших свои кровавые следы всюду, где они побывали, то об этом Жак Бономо умалчивает, ссылаясь на их «неразговорчивость».

Но мы хорошо помним нашу вшивую варварские действия наемников в Заире, в Анголе, в Родезии, на Ближнем Востоке — всюду, где побывали эти молодчики, овладевшие техникой убийства в «специальных вооруженных силах» США и их союзников по НАТО и затем применившие эту технику в тех странах, куда их посылали уже как «частных лиц».

И сенсационная подача на страницах журнала уже второго по счету конгресса наемных убийц явно имеет целью рекламу этих «диких гусей», как они сами себя частенько именуют. Однако сия рекламная затея срывается как бумеранг, невольно раскрывая всю низость и мерзость социального строя, при котором становится возможным и даже обыденным наем потерявших всякий стыд и совесть человекоподобных существ для использования их в качестве террористов.

В литературу Вячеслав Горбачев пришел, имея за плечами достаточный жизненный опыт: работал печатником в типографии, кокегаром и крановщиком в речных портах Уфы, Архангельска и на Дальнем Востоке. Окончил Горьковское речное училище имени И. П. Кулибина и Литературный институт имени А. М. Горького. Работал литературным редактором, много ездил по стране. Естественно, с годами научился распоряжаться обилием своих наблюдений как художник, подниматься над ними, отличая главное, злободневное, нужное современному читателю.

В литературе Вячеслав Горбачев проявил себя своеобразно и оригинально и в жанре романа, и в публицистике, и в критике. Писатель умеет отобрать ценное, незаемное, высмотренное зорким, пытливым взглядом. Годы наделили его мудростью ответственности за все, что совершается вокруг, ответственностью хозяина земли.

— Помню, — рассказывает Горбачев, — как мой отец посадил яблоню рядом с межей соседа. Когда она выросла, зацвела, дала хороший урожай, на нее обратил внимание и сосед: в одну из весен взял ножовку и пошел к дереву. Отец возмущался! А у соседа было свое мнение: «Яблоня твоя, да ветви нависли над моей землей!» И ножовкой — по живому дереву. Мне кажется, нужно спасать все, над чем нависают подобные ножовки...

Именно в истории с отцовской яблонькой

РУБЕЖИ ЛЮДСКИХ СУДЕБ

впервые и проглянуло лицо настоящего художника, сделав зарубку на его сердце: «Не забудь!»

Мы повседневно говорим о гуманизме как отличительной черте советских людей. Герои Вячеслава Горбачева привлекают жизнелюбием, оптимизмом, как правило, это сильные, энергичные люди, увлеченные интересным и трудным делом. Зная труд гидростроителей не понаслышке, автор с любовью показывает, как в реальных конфликтах, в преодолении трудностей происходит становление характеров его главных героев.

— Мы — послевоенные дети, — говорит писатель, — и на наши плечи пало тяжелое бремя. Современному писателю нелегко. Эпоха непростая, непрост человек. Героическое в простых земных делах не тускнеет и в наши дни. Но это героическое нужно уметь воплотить в слове.

В жизни человека поджидают и трудности, и огорчения, и откровенные неудачи, так же как героя романа Горбачева «За далью непогоды» — начальника управления стройки Виктора Сергеевича Гатилина, возводившего электростанцию в суровых условиях Заполярья, в зоне вечной мерзлоты.

«Он упустил момент, когда должен был подвести итоги, сверить, как говорят штурманы, заданный курс с действительным, внести поправки... Ведь отчего жизнь у людей складывается неодинаково, отчего один доволен, а другой нет? Не оттого ли, что смысл определяется тем, насколько реальную ты поставил себе цель? Редко бывает, чтобы путь до нее был короток и прям, идешь не один день, а годы, и приходится отворачивать и отступать, и может статься, что ты заблудился. Может, ты и не идешь никуда, а топчешься на месте или, еще хуже, несешь тебя, точно щепку по течению. Не отсюда ль рождается угнетающее чувство бессилия перед будущим и равнодушие, что хуже, чем есть, уже не будет?»

Сложные хитросплетения судьбы Гатилина, его мужание, его постижение основных истин общественной и личной жизни — это и озарения и убеждения самого автора.

А рядом — наука, открытия в трудах акаде-

мика Тихона Светозаровича Малышева, в его желании украшать родную землю.

Именно движение пытливого мысли ученых привело людей на берега Анивы, где проживает древний северный народ иганасаны, о которых так тепло и со знанием дела пишет Вячеслав Горбачев в романе, передавая быт, традиции, историю этого далекого от цивилизации края. Обыкновенные люди здесь делают прекрасное, творят чудо в краю вечной мерзлоты.

И, как просверк луча в зеленой листве, опять авторская мысль находит воплощение своих духовных поисков в живых людях, в их делах и откровениях.

Образы Анки Одарченко, Клавдии — жены рабочего Дрыля, Варвары Гатилиной, Елены Басовой, Дарьи Малышевой прописаны подробно, даны изнутри, удивляют тонким знанием женской психологии.

В основе произведений Горбачева лежит документальность. Вместе с тем писатель художественно повествует героическую и правдивую историю Севера.

В Якутии, где некогда работал автор, друзья в шутку или всерьез называли одно из местных возвышений «сопкой Горбачева». По ней легко узнавалась погода без всяких метеорологических сообщений: пасмурна сопка — быть непогоде, солнечна — в природе благодать. Горбачев, где-то и сам «лапмусовая бумажка» времени, проявляет судьбы окружающих людей, притягивая, как магнит, одних и отталкивая других.

Вячеслав Горбачев хорошо помнит уроки старших: Всеволода Кочетова, Анатолия Ива-

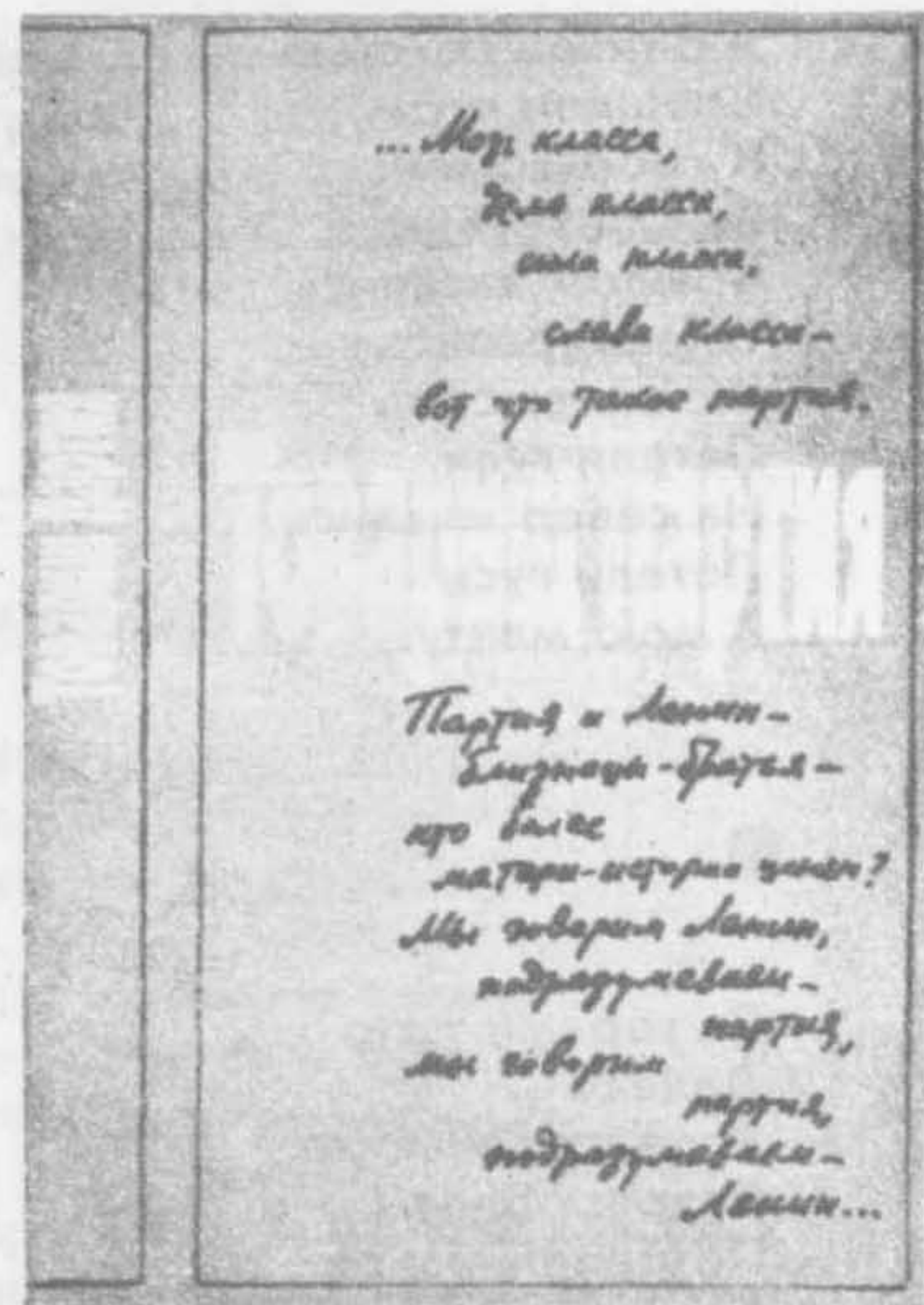
нова, Владимира Фирсова, Вадима Кожевникова, Алексея Югова. Он оценил их творческую индивидуальность, пропустил через свою. Это обогатило его духовный мир, укрепило позиции писателя.

Прочитав роман В. Горбачева «За далью непогоды» и его публицистику «Тобою пройден пережат», посвященные труду гидростроителей, невольно приходишь к мысли, что, кроме «материальных ценностей, стройка создает и формирует духовный облик человека, его богатый внутренний мир», будит его инициативу, героическое начало, а грандиозная значимость стройки будит идею, творчество самого обыкновенного работника, потому что в нем присутствует уважение к себе и к своему рабочему месту. И в таком случае его «пытливая мысль не знает предела».

...По подсчетам специалистов, перекрытие Енисея в октябре 1975 года было почти невозможным. Но «запасы ума, природной сметливости неистощимы в народе, занятом благородным трудом». Гидротехники выискали на одной из скал небольшую площадку, с которой можно было, не ожидая выхода туннеля, начать выемку врезки. Но на такую высоту невозможно было затащить экскаватор. Нет, затащили своим ходом. А чтоб облегчить экскаватору работу, чтоб преодолел он теоретически непреодолимый угол подъема, на себе затащили наверх и поставили в помощь ему пару лебедок... «Тобою пройден пережат» Вячеслава Горбачева передает горячую атмосферу строительства, его масштабы, полные творческого напряжения рабочие будни.

У каждого человека должен быть нравственный порог в жизни. И эти рубежи человеческих судеб фиксируются и утверждаются героями произведений Вячеслава Горбачева. Привлекают и статьи писателя о своих коллегах по перу, мастерах слова, таких, как Л. Леонов, А. Иванов, В. Сидоров, о писателях малых народов и народностей.

Тамара ПОНОМАРЕВА

ТОВАРИЩ ПАРТИЯ

тора. Каждый представлен только одним стихотворением.

В основу построения сборника положен простой и ясный признак — хронология. Все стихи расположены в книге по датам их написания. Именно написания, а не публикации. Оговорка существенная, если вспомнить, что нередко бывали случаи, когда по разным причинам произведения публиковались с существенным опозданием, но ведь для истории литературы время написания важнее, нежели время издания.

Последнее особенно характерно для поэтов времен Великой Отечественной. В сборнике им посвящен раздел под названием «Коммунисты, вперед!». Здесь к некоторым стихам сделаны краткие, весьма выразительные примечания. Например: «В ноябре 1941 года подводная лодка, на которой служил штурманом офицер коммунист Алексей Лебедев, при выполнении боевого задания подорвалась на mine в Финском заливе. Поэт погиб вместе со своим боевым кораблем». Стихотворение Лебедева «Возвращение из похода» написано глубоко искренне, с подлинным чувством. И получается так, что скромные эти строки в отсвете трагического пояснения оказываются не броским, но достойным памятником великой эпохи, даже самые недостатки литературного мастерства становятся не извинительной — нет, выразительной приметой своего времени.

В сборнике «Товарищ партия» проявлена тщательность в подборе поэтических имен и необходимая в подобных случаях полнота. Тут классика советской поэзии: Владимир Маяковский, Валерий Брюсов, Сергей Есенин, Николай Тихонов, Александр Твардовский, Александр Прокофьев и многие другие крупные художники. Представлены именитые, известные поэты, давно и поныне много работающие в жанре гражданской, политической поэзии. Получили слово на страницах сборника и поэты сравнительно молодые.

Высоко оценивая работу составителя и редактора, нельзя все же не сделать несколько

замечаний о подборе имен и отдельных произведений. Достоин удивления, например, что в сборнике нет знаменитейшей «Варшавянки», написанной Глебом Кржижановским еще в 1896 году и остающейся по сей день популярнейшей революционной песней. Не вошли в томик произведения известных поэтов старшего поколения, авторов многих гражданских стихов: С. Подделкова, А. Решетова, Мустая Карима и некоторых других.

В книге собраны стихи поэтов всех союзных республик. Здесь можно отметить звучные и строгие стихи Сильвы Капутикян и Максима Рыльского, Петруся Бровки и Раима Фархади, а также многих иных. География сборника столь же обширна, как и сама наша многонациональная страна.

Заслуживает похвал культура издания этой книги, оформленной строго и с хорошим вкусом: обложка, расположение стихов, шрифты — все соразмерно и гармонично. Жаль только, что не помещены фотографии авторов, это было бы не так сложно сделать, а еще лучше, если бы фотография соответствовала бы по времени (хотя бы приблизительно) написанию стихотворения.

Книга завершается алфавитным списком всех авторов, приведены даты их жизни и дата публикации стихотворения, в необходимых случаях — фамилия переводчика. Стоит лишь пожалеть, что здесь не указано, какие стихи положены на музыку, не названы имена композиторов. Между тем песни на слова Л. Радина, В. Лебедева-Кумача, С. Михалкова и других пользуются широкой популярностью.

Издательство «Художественная литература» выпустило во всех отношениях хорошую книгу. Тема партийности и борьбы за чистоту партийных идеалов никогда не теряет своего значения. Борьба, начатая Лениным и большевиками за освобождение народов от гнета капитала, продолжается. Советские литераторы занимают важное место в этой борьбе, о чем ярко свидетельствует сборник «Товарищ партия».

С. СЕМАНОВ

К XXVI съезду КПСС издан под таким названием поэтический сборник. Туда вошли стихи о партии всех поколений советских поэтов.

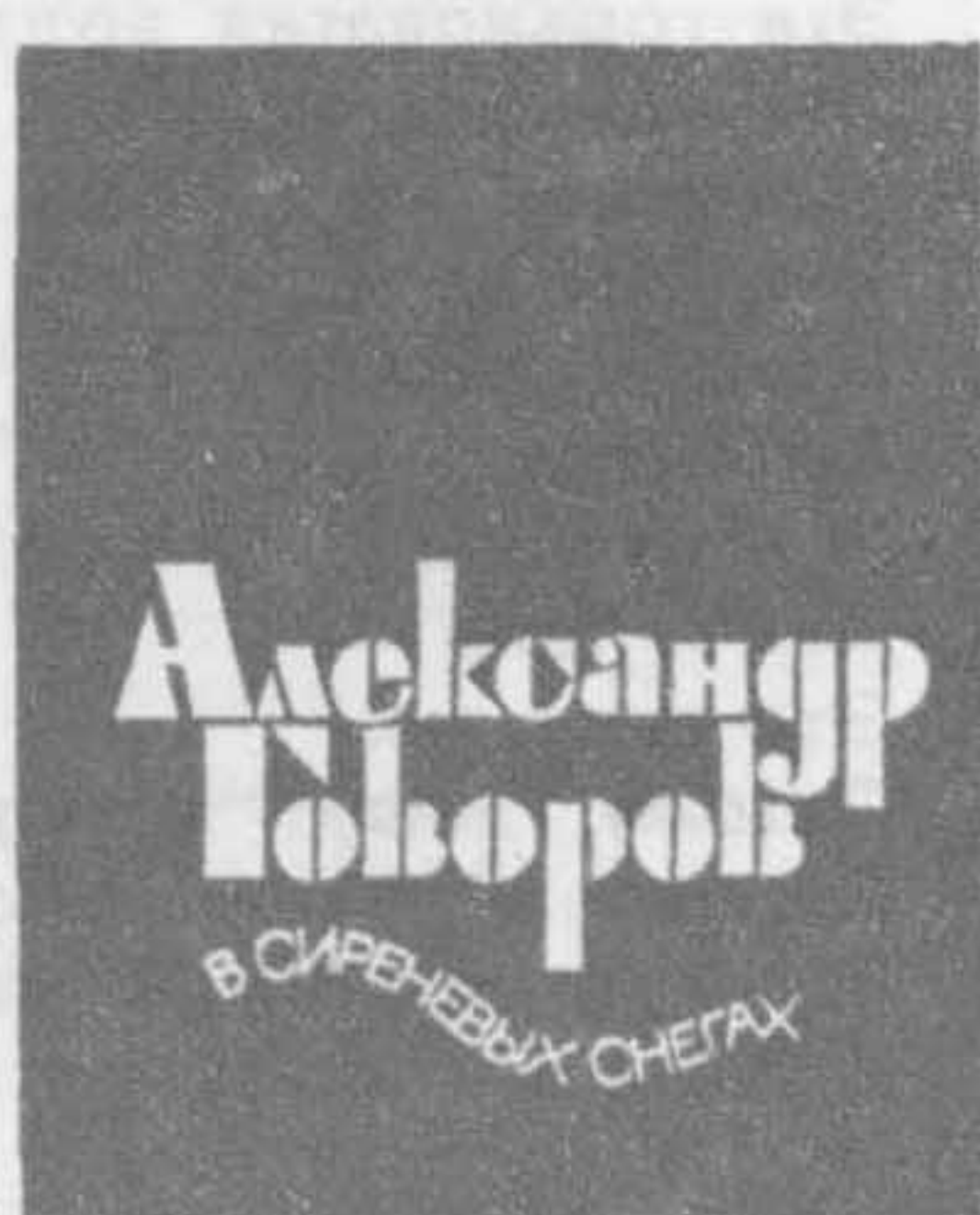
Подготовка антологий на столь крупную и претяжную в историко-литературном смысле тему — дело сложное; чтобы отобрать нужные произведения, должно хорошо изучить предмет, весь круг источников. Причем главное тут — соразмерно и с должным вкусом и тактом отобрать произведения таким образом, чтобы они образовали не только собрание частных, хотя бы и хороших в каждом случае, но и гармоническое целое.

Следует сразу же и со всей определенностью подчеркнуть, что рецензируемый сборник как раз является именно такого рода работой — добротной и цельной во всех отношениях, в известной мере образцом для подобного рода изданий. Составитель, редактор, художник — все выказали в данной работе необходимые требовательность, взыскательность и вкус.

Можно, безусловно, одобрить проделанную работу. В сборнике собраны, как мы подсчитали, в общей сложности произведения 81 ав-

Товарищ партия. Страницы поэтической хроники. Сост. Г. Серебряков. М., «Художественная литература», 1981, 350 с.

КАК В КАПЛЕ РОСЫ...

Трое юных удэге в сопровождении прадедушки-охотника отправляются по бурной дальневосточной реке в тайгу на поиски женьшеня. И если двоих ребят в этот поход поманила просто жажда знаменательных приключений, то третьего, впечатлительного и мечтательного Димку, влечет туда заветная цель: найти чудо-корень и с его помощью исцелить ослепшую бабушку.

Такова экспозиция повести «Женьшень», открывающей книгу прозы «В сиреневых снегах». Автор книги — поэт Александр Говоров. На счету поэта не один добрый стихотворный для детворы, книги лирики, поэм... Но, видимо, не все занимавшее ум и сердце его смогло облечься в стихотворную форму. Отсюда и новая грань в творчестве поэта — проза.

Повести в понимании Говорова-прозаика — не столько жанровое определение рассказываемых им историй, сколько житейское.

К примеру, романтическая история повести, давшей название книге, оттеняется

трагикомичными сценками жизни героя в коммунальной квартире, что делает ее вполне достоверной... В полуфантастической повести «Пират» дворянские объединения в стаю и, движимые инстинктом справедливости, в конце концов выживают из поселка нехорошего человека. «Не люди, так дворянские нашли на него управу», — резюмирует один из персонажей.

Особое место занимает повесть «Чехарда». Сам автор называет ее антидетективом. В ней полный набор аксессуаров приключенческой литературы и классическая для данного жанра неожиданная развязка. Можно было бы сказать, что перед нами пусть занимательная, но все-таки пародия на детектив, если бы... Если бы не образ Степаниды-нежной, на мой взгляд, один из самых интересных во всей книге Говорова. Чувствуется, автор пытался изобразить Степаниду в одном ряду комичных фигур. А та — таковы уж парадоксы настоящей литературы! — взяла да и вышла из повиновения автору, зажила на страницах повести вполне самостоятельно — жизнью женщины, беззаветно и безответно любящей, всепрощающей и потому несчастливой. И через призму этого своего привлекательного образа шуточный рассказ приобретает другие краски, иную тональность, наводит на серьезные размышления.

В лирических отступлениях, описаниях природы — будь то августовская дальневосточная тайга, ночь «посреди звонкой, просторной, открытой Средне-Русской возвышенности» или московские зимние сумерки — постоянно чувствуется поэтический настрой. «В воздухе, как распушенные зверьки, сновали снежинки», — начинается одна из повестей. «Морошка до того налита солнцем, что кажется, лежит и попискивает от удовольствия», — читаем в другом месте...

Читатели, уверен, легко продолжат ряд подобных примеров, свидетельствующих о том, что Александр Говоров и в прозе остался поэтом.

Иван ИСАЕВ

УРОКИ ИСТОРИИ

Победная весна 45-го... А затем — сокрушительный разгром с ходу, в считанные недели полуторамиллионной Квантунской армии. Маньчжурия, Мукден, Харбин...

В составе группы наших военных переводчиков-востоковедов более двух лет проработала тогда в Японии автор документальной повести «Гадание на иероглифах» Мария Колесникова. Много довелось ей увидеть и пережить на чужой, далекой земле, с разными примечательными людьми свела молодую женщину фронтовой судьба. И все это нашло отражение на страницах повести.

Взгляд с высоты прошедших десятилетий не затуманивает конкретного восприятия очевидца и участника памятных событий, не стирает живых красок созданной им картины, но придает повествованию объем и перспективу, помогая читателю разобраться в хитросплетениях политической ситуации на Дальнем Востоке в 1946 году, уяснить основные тенденции последующего развития этого региона.

Рассказывая о работе героини повести в штабе Объединенной демократической армии Маньчжурии, куда она была откомандирована советским военным командованием, М. Колесникова знакомит нас с простой японкой Эйко, потерявшей на войне мужа, с бойцами Народно-революционной армии Китая, хорошо помнящими, как в трудные годы молодая Страна Советов помогала им.

Завершает «репортаж из прошлого» рассказ о суде над военными преступниками в Токио. Возвращая нас к тем далеким дням, повесть М. Колесниковой осмысливает уроки истории, которые никому не дано забывать.

Юрий ОСИПОВ

М. Колесникова. Гадание на иероглифах. «Знамя» №№ 11—12, 1980.

А. Говоров. В сиреневых снегах. Повесть и рассказы. «Современник». 1980. 256 с.

Евгений АНТОШКИН

ЯБЛОКО

Под тяжестью дождя
Вниз яблоко упало,
С качнувшихся ветвей
Неспешно сорвалось.
И горькое вино,
Что до поры дремало,
Вмиг вспыхнувшей звездой
На землю пролилось.
Попробуй отыскать...
Упрятанное садом,
Прогнув земную твердь,
Оно в траве лежит.
И не о чем жалеть.
Искать его не надо,
Оно уже не нам
принадлежит.
Вчера дразнило нас.
И вот его не стало...
Разгадка всего сущего проста:
Где дерево цвело —
Там яблоко упало.
Где ликовала жизнь —
Там взорвалась звезда.

Нагих кустов хитросплетенья,
Замшелый столб,
тропа,
родник.

Две даты:
Смерти и рожденья,
Как холодающий душу крик.
Уже недвижны эти годы.
Не им отныне суждена
И смена вечная погоды
И звезд немая тишина.
В обидах дружеских покаясь,
Их вспомним с горечью подчас.
И незаметно привыкаем,
Что нет кого-то среди нас.
А были молоды когда-то
И пили светлое вино.
Неужто горестные даты
Всем нам изведать суждено?
Под той плитой заледенелой
Смиримся со своей судьбой,
Как этот столб в кустах
замшелый —
Что было некогда тобой.

ГОРЫ

Чем вы, мест полдневных
великаны,
Будите то робость,
То мечту,—
Заслонив собой моря и страны,
Гребнями нацелясь на звезду?
В этот день торжественный,
осенний
Тропку проторю к вам по росе.
Сколько поменялось поколений —
Вы в своей незыблемы красе.
Близко ты идешь,
Издали ли,
Все в снегах они перед тобой.
И стоят в раздумии
Веками
Над своей изломанной судьбой.

И недр владетель и окраин,
Всего живого естества.
Неужто я —
Земли хозяин,
Иван, не помнящий родства.
Вхожу ли под лесные своды,
Все ощущаю чей-то взгляд.
Мне кажется,
Глаза природы
За мною пристально следят.
Среди своих лугов растила
И, как доверчивая мать,
Однажды робко отпустила —
Теперь со мной не совладать.
В тревожный мир открыла двери,
И я вошел в него шутя.
Она сама теперь не верит,
Что я, гордец,
Ее дитя.

Здравствуй, лес!
Опять тебя я слышу
В трепете разбуженных ветвей.
Потому так и свободно дышит
В пышных кронах
странник-соловей.
Потому так радостно цветенье
И звучанье вешнего ручья.
Потому опять волнует пенье
Сказочника детства —
Соловья.
Кто-то в первый раз еще,
Счастливцев,
Меж твоих заблудится ветвей...
Здравствуй, лес,
Кормилец и поилец
Юности безрадостной моей.

Расскажет о том луна
И дремлющий водоем,
О чем шептала волна,
Когда мы плыли вдвоем.
И вечный творящий свет
В ничто превращал лучи.
Лампады живых планет
Кому-то светили в ночи.
И небо вставало в рост —
Непознанная высота.
На мириады звезд
Дробилась моя мечта.
Был Млечный и бел и строг.
Шагнешь —
Навсегда шагнешь.
Какую из звездных дорог

Ты, смертный,
Себе избереешь?..
А что мне сулила судьба?..
Я небу глядел в глаза.
Испариною со лба
Летела в траву роса.
И, как указующий перст,
Катилась звезда с высоты.
Я понял,
Что чудо чудес —
Рождение красоты.
И то,
Что мы снова вдвоем.
И то,
Что вдвоем влюблены.
И — звезды,
И — водоем,
И — желтая чаша луны.

Поэтов настоящих мало,
Иные шепчут мудрецы.
Ушли творцы и запевалы,
Ушли великие певцы.
Казалось,
Петь и петь им вечно
О днях грядущих,
О былом.
Казалось,
Нам сидеть беспечно,
Устроившись под их крылом.
А их стихов взрывная сила
Вставала против силы зла.
А их поэзия вершила,
На подвиги людей звала.
Мы, может, сами виноваты,
Снуем все больше по тылам.
И неудачи —
Как расплата
За неродившийся талант.

ОСЕНЬ

Картины осени печальной,
Лесов уже не летний вид.
И их наряд первоначальный
Вновь поменять она спешит.
И всех экзаменует строго,
Охочих до ее даров.
Пошлет кому-то боль в дорогу,
Кому-то — радость вечеров.
В наряд крикливо разодета,
Она и сборщик и купец.
И если щедрым было лето,
Богатым будет и венец.
И заморозков отблеск ранний
Повиснет на кустах лозы.
И вдруг заговорит громами:
То самолета,
То грозы.
Стоит, вся словно золотая,
В преддверии самой зимы.
Она как будто что-то знает,
Чего еще не знаем мы.

Летели гуси.
Летели низко.
Летели близко —
Подать рукой.
Над городами,
И над садами,
И над прудами,
И над водой.
Летели гуси
Над Беларусью.
Цепочкой длинной
Шли над Москвой.
Глядел вослед им

Я с тихой грустью —
Спешили гуси
К себе домой.
Земли весенней
Крылом касались,
То забирались
В синь-высоту.
Летели гуси,
На север мчались,
Летели гуси
В мою мечту.

За горами уже,
Далеко
Возраст Пушкина,
Возраст Блока,
Поторапливайся,
Спеши.
Повести не успеешь оком,
И минуют заветные сроки
Для раздумий
И для души.
Словно отблеск зари прощальный,
Этот трепет исповедальный...
Срок приходит середнячков,
Срок гудящих шмелей
И сверчков,
Срок брыкающихся и скандальных,
Улыбающихся старичков.
В тихих волнах
Несуетной Леты,
Словно тени,
Плывут поэты,
Что там выпадет:
Чет, нечет?
Жди не жди,
Не дождешься ответа,
У нее по своим приметам
Время огненное течет.

Что звучало в этом странном хоре,
За волной гналась когда волна?..
Я в твоих глазах увидел море
И веков ушедших письмен.
Что сулил нам этот гул гортанный,
Весть неся сквозь долгие года?..
О какой рассказывала тайне
Эта горьковатая вода,
Знаешь ли?..
Наверное, не знаешь.
Все твоё здесь:
Горы и сады.
Ты идешь
И мир преображаешь.
Лес и поле —
Это тоже ты.
Потому живут в нерасторженье,
Словно заведенные с утра,
Волн неукротимое движение,
Красок эта звездная игра.

Напрасно не зови.
Зря умолять не надо...
В миг сладостный любви
И боль поет
И радость.
Напрасно не зови,
С холодным сердцем —
Мимо.
В миг сладостный любви
Оно неукротимо.

СЛЕД ПРОШЕД

Напрасно не зови,
Когда все стало ясно...
В миг сладостный любви
Не надо звать напрасно.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Причастный к звездной тайне
В живом кольце планет
Горит над мирозданием,
Как след прошедших лет.
Седая прядь по крепу,
К познанию завиток.
Натянут он вполне,
Как пуховой платок.
Собравшись в путь однажды,
Попробуй ввысь взглянуть —
Тебе подскажет каждый:

Так вот же
Млечный Путь.
Ну, что ж, саврасый,
Трогай,
Шагай,
Шагай,
Битюг, —
Утоптана дорога
От севера на юг.
Не зря по ней извечно
Уходят птицы вдаль.
Безлунной ночью
Млечный
Пылит, как магистраль.
Под ним моря и горы,
Трамваи, поезда,
Дворцы и светофоры,
Проспекты, города.
И мы —
Земные люди —
Властители всего,
Гадать по звездам любим,
Увидев свет его.
Оцениваем скопом
Свечение,

возраст,
блеск,
Пока за телескопом
Сидит студент-балбес.
Молчат пока таланты,
Вкусив познания зуд,
Шуруют дилетанты
С моноклями в глазу.
Чтоб род свой человеческий
Повсюду утвердить,
И мы,
Расправив плечи,
Спешим за ним следовать.
По замкнутым орбитам
Вдоль звездного шоссе
Несемся с важным видом,
Как белки в колесе.

И по пути считаем
Скопления ярких звезд.
А что о них мы знаем?
Вопрос,
Вопрос,
Вопрос.
Ты в звездный мир открытый
Попробуй-ка войти, —
Протянутся орбиты
Вдоль Млечного Пути.
Пусть кто-то там спросонок
Зря голову дерет,
Лети,
Как тот утенок,
Тропой наоборот.
Пока живешь на свете,
Тщись спину разогнуть,
В расставленные сети —
В межзвездье —
В Млечный Путь.

Вот и время пришло отдавать долги.

Не спешило оно,
Не спешило.
Не одни успел износить сапоги,
Но не все, что хотел,
Свершилось.
Было: сила—в тебе,
И сноровка дана,
Все казалось
Никчемно и мало.
И, как лодку безвесельную,
По волнам
И крутило тебя и бросало.
Бред любовных страстей
Принимал за игру,
Не желая рассудок слушать.
Я не знал
Что усталость накапливается,

как груз,
Леденит и сжимает душу.
И не вспомнишь теперь,
Обронил где весло,
Если ищешь никчемную малость.
Незаметно то время былое

прошло,
О большом когда только мечталось.
Смотришь:
Рядом лихач молодой пролетит,
Где-то скроется за поворотом...
И никто и ни в чем тебя
Не обвинит,
Только горько в душе отчего-то.

Я к полям твоим, Украина,
тянусь,
Я спешу к твоим тополям.
Колыбельных твоих безысходная грусть
И по русским звучала полям.
Потому мне и дороги долы твои,
Незакатное небо твое,
Что в моей вековой
славянской крови
Есть и твой голубой ручеек.
Я люблю твоих песен и радость и боль,
В них дыхание и думы земли.
Потому мне и дороги
Хлеб твой и соль,
Что друзья мне преподнесли.

В этот мир
Постучались мы робко с тобой.
Шел к тебе я,
А ты
Шла ко мне...
— Я твоя, —
Ты сказала.
Ответил:
— Я твой!
И забылись мы
В радостном сне.
И тогда пробудилась в ночи
Тишина,
Где-то звякнуло робко весло.
Солью брызг окатила морская волна,

По волнам нас с тобой понесло.
Ты на запад плывешь,
Я плыву на восток.
Подчиняясь веселой игре,
Я луну оседлал,

Как безумный седок,
Не боясь в ее чреве сгореть.
Между звезд она шла
Горяча,
Горяча.
Но, свою утверждая власть,
Вот она у меня на послушных плечах

Белым всполохом занялась.
И в ответ
Заплескалась вода, солоня:
Вновь в морскую стихию вхожу.
И я вижу,
Что это совсем не луна —
Я тебя на руках держу...
Влажным ртом
Ты уткнулась в предплечье мне,
В волшебство погрузившись сна.
Вновь, измучась погоней,
Мелькнула в окне
И в туманы ушла луна.

— Чтоб стих звенел, —
Так говорил поэт.
Чтоб стих летел,
Упругий,
Тверже стали.
Чтоб стих восстал
Над сонмами планет,
Чтоб звездные миры
Ему внимали.
Пусть правит миром всюду

красота,
И светлыми встают его восходы,
Как вечно говорящие уста
Нетленной и всевидящей природы.
Я над стихом неспешно хлопочу.
Да будут им дела людей воспеты.
Откройся, тайна слов,
Я знать хочу —
Таят в себе что строки и сонеты.
Пусть стороной проходит слог пустой,

Мгновением,
Как ветреная мода.
И будет речь великой и простой
В гармонии единой,
Как природа.

ДЕВОЧКА РИСУЕТ НА АСФАЛЬТЕ

Рисуют дети на асфальте.
В. Шлёнский.

Не в граните вечном
и не в смальте,
Этот детский штрих из-под руки...
Девочка рисует на асфальте —
Пляшут разноцветные мелки.
За своей привычной работой
Позабыла обо всем она.
И не замечает пешеходов,
Так она сейчас увлечена.
Нет в ее рисунке краски черной.
Солнце в ярком золоте встает.
Мир ее,
Ничем не омраченный,
Светится, играет и поет.
Все мелок послушный нацарапал, —
Вдруг не так что, взрослые, пойдем:

Это солнце.
Это мама с папой.
Это мы с подружкой вдвоем...
На планете,
Гневом опаленной,
Злу и темным силам вопреки
Мир встает огромный и зеленый,
Пляшут разноцветные мелки.

ЖДЕМ ОТВЕТА МИНИСТЕРСТВА

Председатель правления Центрального союза А. А. Смирнов в интервью, опубликованном в «Огоньке» (№ 27 за 1981 год), высказал ряд замечаний в адрес промышленности. В частности, он указывал, что Артинский механический завод, всего один завод на всю страну, занимающийся производством кос и серпов, оснащен старым оборудованием, допотопной технологией. В редакцию пришло письмо секретаря парткома Артинского механического завода Н. П. Тетерева. Он пишет: «В 1981 году Артинский механический завод выпустил 6,9 млн. сельскохозяйственных кос. ...Но следует отметить, что в производстве кос и серпов много еще ручного, тяжелого труда, низкая механизация производства. Заводу необходима реконструкция, что позволило бы механизировать и автоматизировать технологические процессы изготовления кос и серпов и повысить культуру производства в целом. Однако, несмотря на многочисленные письма и просьбы руководства завода, в Министерстве машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР положительно не решается вопрос реконструкции завода. Это создает большие трудности в выполнении производственного плана, а следовательно, и в своевременной поставке кос и серпов в торгующие организации».

Итак: что скажет Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР? Редакция ждет его ответа на письмо секретаря заводского парткома Н. П. Тетерева.

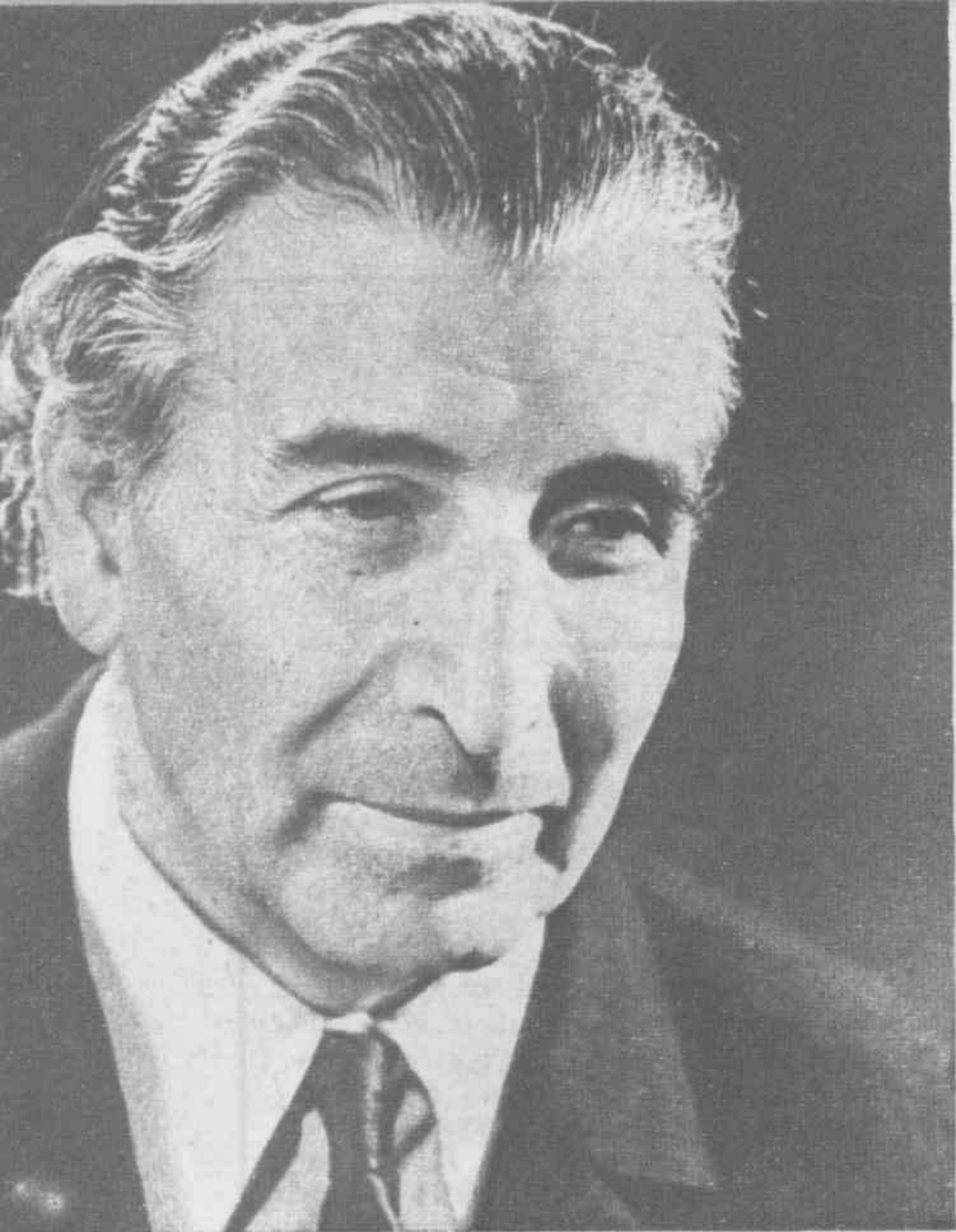
ДЛЯ УДОБСТВА НАСЕЛЕНИЯ

«История с географией» — под таким заголовком в № 27 журнала «Огонек» был опубликован репортаж о недостатках в организации ремонта бытовой техники. Разговор на эту тему был продолжен в № 42. Редакция получила письмо заместителя министра бытового обслуживания населения РСФСР тов. Л. В. Бахметкова. Он пишет: «Министерство рассматривало на коллегии справедливые критические замечания, изложенные в статье «История с географией» в журнале «Огонек» № 27, и отметило, что руководство Управления бытового обслуживания населения Мосгорисполкома недостаточно проводит организаторскую работу по выполнению решений министерства, направленных на создание сети комплексных приемных пунктов, в которых население столицы могло бы сдать в ремонт многие виды бытовой техники в одном месте, с минимальной затратой личного времени, а ремонт осуществлять в специализированных предприятиях, оснащенных необходимой диагностической техникой и специализированным инструментом».

Коллегия министерства поручила Управлению бытового обслуживания населения Мосгорисполкома разработать и согласовать в исполкоме Моссовета меры по организации комплексных приемных пунктов в г. Москве на 1981—1985 годы.

Министерство одновременно просило исполком Моссовета рассмотреть сложившееся положение с организацией бытового обслуживания в Москве в связи с высказанными в статье критическими замечаниями.

Исполком Моссовета на своем заседании дал оценку изложенным фактам и за серьезные недостатки в организации обслуживания населения объявил взыскание руководству УБОН Мосгорисполкома. Намечены меры по совершенствованию форм и методов обслуживания москвичей и гостей столицы».

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИРЗЫ ИБРАГИМОВА

ЧЕЛОВЕК ОТКРЫТОГО СЕРДЦА

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Выдающемуся азербайджанскому писателю Мирзе Ибрагимову 70 лет. Годы берут свое, но как молодо он выглядит, с какой неумолимой энергией продолжает работать! Опыт жизни и мастерства обогатил его талант, еще мощнее стало дарование писателя, еще стремительнее творческий разбег.

В своих романах он открывает всеобщему читателю большой самобытный мир мыслей и чувств азербайджанского народа — главного героя всех его произведений. Талант Ибрагимова многогранен, творчество его остропроблемно, с завидной убедительностью и художественной яркостью повествует он и о зарождении революционного движения в Азербайджане и о современной колхозной деревне.

Я давно знаю и высоко ценю Мирзу Ибрагимову как известного писателя, как большого общественного деятеля, ученого, литературоведа и критика.

Мало писателей, которые так глубоко наслаждаются своей работой, как мой друг Мирза. Замечая все новое в литературе, он помогает молодым. Сколько дарований выпорхнуло из-под его щедрого крыла!

Я привык его видеть в Москве, в Баку, в Ташкенте, за границей. Я видел его на писательских форумах и на сессиях Верховного Совета СССР, на официальной трибуне и в простой домашней обстановке. И всегда он остается самим собой: добрым, честным, мудрым. Многие запомнили его речь на последнем, седьмом съезде писателей СССР, речь, пронизанную заботой о нашей современной литературе. Он всегда умеет находить для людей нужные слова. Быть может, те самые единственные, какие необходимы человеку, думающему о судьбах своего времени.

Мы знаем, что он дружил с великим узбекским поэтом Гафуром Гулямом, мы знаем, что он в оригинале, а не в переводе читает Алишера Навои и Рудаки, Фирдоуси и Джами.

Пятьдесят лет назад пришел он в литературу. За эти годы М. Ибрагимов внес огромный вклад в азербайджанскую романистику, литературную критику, обогатил многонациональную советскую литературу замечательными произведениями, открывая читателю судьбы своего народа. На многих языках изданы его романы. «На-

ступит день» удостоен Государственной премии СССР, а «Слияние вод» стало крупным полотном о современной деревне. Заметным явлением в литературе была трилогия «Новые времена» о большевике-ленинце Наримане Нариманове.

М. Ибрагимов — один из создателей современной азербайджанской драматургии, автор пьес, вошедших в активный фонд театров республики. Здесь и социальная драма «Хаят» и комедия «Деревенщина», «Хороший человек», историко-революционная драма «Огни негасимые».

Действительный член Академии наук АзССР Мирза Ибрагимов известен фундаментальными исследованиями по азербайджанской культуре, выступлениями по теоретическим проблемам социалистического реализма, статьями о положительном герое наших дней. Романист и новеллист, драматург и критик, публицист и переводчик, М. Ибрагимов сказал свое весомое слово во всех жанрах. Он стал народным писателем Азербайджана.

Все его книги обращены к людям, к насущным проблемам современности.

В биографии Ибрагимову много интересного. В 1934 году, например, он возглавлял газету «Темп» политотдела Нахичеванской МТС. Как рассказывал один из его друзей, днем Мирза разъезжал по колхозам, тогда только создававшимся, а вечером неутомимо читал азербайджанскую и русскую классику. И пользовался малейшей возможностью писать. Однажды он сказал своему другу Али Велиеву: «Пишу пьесу о начальнике политотдела». Так появилась на свет знаменитая его пьеса «Хаят». Для национального азербайджанского театра это принципиальная работа. Дело в том, что после смерти родоначальника азербайджанской советской драматургии Джафара Джабарлы в 1934 году в азербайджанской драматургии наступил период некоторого затишья. Не хватало хороших пьес на современную тему. Нужна была сильная пьеса, достойная продолжить традиции Джабарлы. И такая пьеса появилась, ее написал двадцатичетырехлетний драматург Мирза Ибрагимов. Пьеса «Хаят» создана была по свежим следам событий, участником которых был сам автор. Пьеса нашла теплый прием у зрителя и послужила толчком для создания новых произведений азербайджанских драматургов.

В своей автобиографии Мирза Ибрагимов пишет: «Как и все крестьянские дети, мы с ранних лет начинали трудиться. Помнится мне, весной и летом, когда крестьяне работали в поле и садах, на уборке урожая, отец водил на косовицу меня и старшего брата Рзу. Он поручал брату вязать снопы, собирать солому на стерне, а мне — носить в небольшом кувшине воду из родника, собирать колосья. Но больше всего мне нравилось во время молотбы сидеть на плоской доске и понукать буйвола.

До 1918 года мы жили сносно... Но к восемнадцатому году положение крайне ухудшилось. Взрослые были в тревоге. Остыли печи для выпечки хлеба, вышла в домах мука. Еще до наступления зимы многие из работоспособных мужчин покинули село и отправились на заработки в Баку... Село голодало. На кладбище появилось много свежих могил. И в нашем доме умер дед, потом младшая сестра. Однажды на рассвете отец разбудил нас.

— Вставайте, дети, мать умирает, попрощайтесь с ней, — сказал он и отвернулся в сторону...

И еще один эпизод. После того как маленький Мирза стал свидетелем дикого самосуда над беззащитной женщиной, «отец сказал:

— Больше в этом селе оставаться нельзя.

Он свернул узел из старой постели, запер двери на замок, поднялся на крышу, бросил в отверстие ключ и обратился к нам:

— Это ваш отчий дом. Если вдруг со мной что-нибудь случится, не бросайте друг друга. Когда вырастаете и вернетесь в село, спуститесь через отверстие в комнату, возьмите ключ, пусть наш домик не стоит во мраке!

И как десятки тысяч южных азербайджанцев, отец пустился в путь...

Вот какие яркие подробности в одном только отрывке из автобиографии выдающегося сына азербайджанского народа. В них, в этих подробностях, штрихах биографии Мирзы Ибрагимов, судьба, схожая с судьбой многих азербайджанцев — его земляков, сородичей. Тяжелая жизнь, беспротестная нужда, горькая участь. И только очистительный Октябрь сделал счастливой жизнь многих людей.

28 апреля 1920 года в Баку была провозглашена Советская власть. Она многое изменила в жизни девятилетнего батрака-сироты Мирзы. Он пошел в школу, потом окончил фабрично-заводское училище, потом учился в нефтепромысловом техникуме. В 19 лет он становится членом Коммунистической партии.

В 1930 году на страницах газет и журналов начали появляться его стихи, рассказы, очерки. Он пишет о хорошо знакомых вещах: о жизни бакинских нефтяников, о раскрепощении женщины, о борьбе Советской власти с пережитками прошлого. Писатель начинает постигать новую жизнь своего родного народа, много ездит, размышляет, обдумывает, во все вникает. А после поездки по Донбассу пишет свою первую книгу — «Страна гигантов».

Одним из наиболее значительных произведений Мирзы Ибрагимов является роман «Великая опора», названный автором в русском переводе «Слияние вод». Читателя волнует в этом произведении судьба председателя колхоза «Новая жизнь» Рустама, человека, по своей натуре и характеру весьма сложного, противоречивого. На посту председателя он добивается больших успехов, его имя на виду, о нем пишут в газетах, и вот Рустам заблуждается культом собственной непогрешимости. Он всерьез верит в исключительность своей судьбы. Рустам не замечает, что и в собственном доме и в колхозе он начинает морально уродовать людей, тянуть их назад к домострою. Но в судьбу Рустама верят и подхалимники — ему всяческие льстецы и проходимцы. Рустам теряет чувство ориентации и забывает, кто выбрал его председателем, во имя кого он работает, живет, строит новую жизнь. Связь председателя колхоза с рядовыми колхозниками, которые облекли его своим доверием, порывается, отныне между ним и народом стена.

Сложный роман написан Ибрагимовым, он интересен живым изо-

бражением ярких национальных характеров, картинами родной природы.

В свое время много писали и говорили об этом произведении Ибрагимов, и я думаю, что роман «Слияние вод» еще долго будет волновать читателя.

Его книги «Заметки о литературе», «Книга моей жизни» привлекли внимание всеобщей литературной общественности. В них и теоретические статьи о реализме, и очерки об азербайджанской и русской литературах, об известных писателях родной республики — Дж. Джабарлы, Самеде Вургуне, Мехти Гусейне, Сабите Рахмане. Мирза Ибрагимов показывает, как изменились за годы Советской власти Азербайджан, Северный Кавказ, Молдавия, Узбекистан. В книги вошли и увлекательные воспоминания о поездках по свету, по странам Азии, Африки, Европы.

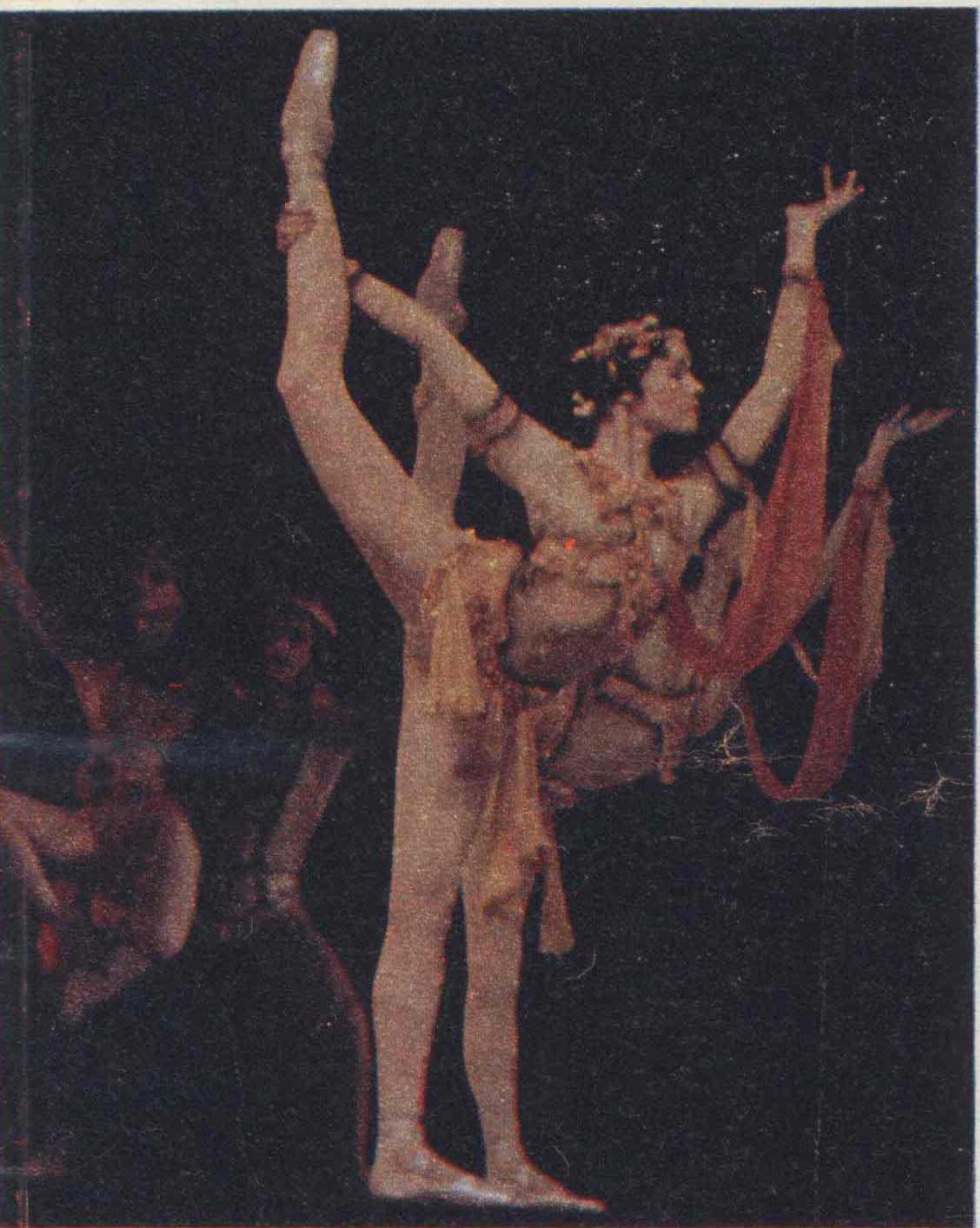
М. Ибрагимов плодотворно работал и в жанре перевода. Еще в 1939 году он перевел трагедию Шекспира «Король Лир», а спустя пять лет — «Двенадцатую ночь» Шекспира и «Три сестры» Чехова. Произведения великого английского драматурга впервые были поставлены на сцене азербайджанского театра в переводе М. Ибрагимов.

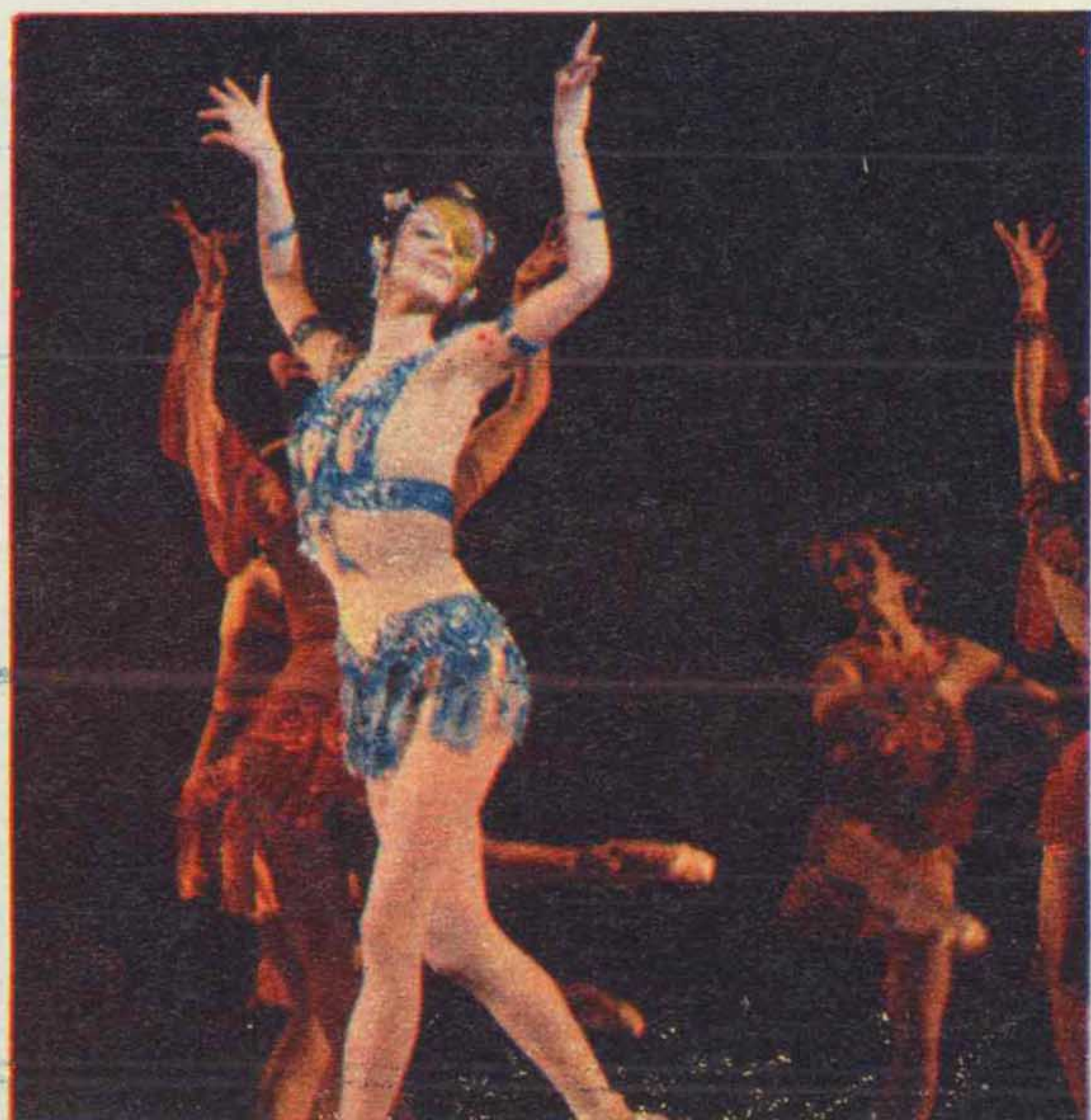
Однажды Мирза Ибрагимов сказал: «Мне еще неясны многие тайны сложного писательского труда. Ясно, что предстоит еще длительная большая работа». Слова эти были сказаны не начинающим литератором, а известным на всю страну мастером слова. И эти слова свидетельствуют о многом, и прежде всего о чувстве скромности, присущем Ибрагимову, о большом понимании им ответственности писательского труда, о стремлении к идеалу, к совершенству в своей работе. Мирза Ибрагимов считает, что только социалистический реализм открывает самый верный путь для воплощения художнического таланта.

Что еще можно сказать о замечательном человеке, великом труженике, прекрасном писателе Мирзе Ибрагимове? Что он долгие годы возглавлял Союз писателей республики, был министром, Председателем Президиума Верховного Совета Азербайджана, что и сегодня он весь в делах и заботах: поездки по линии Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, работа в Академии наук, огромная общественная нагрузка, выступления, встречи, беседы и, пожалуй, самое главное для него — работа в литературе. И всему этому Мирза Аждарович отдает себя до конца. Он не ведает покоя, он всегда на посту.

Все, кто знает Мирзу Ибрагимову, радуются тому, что недавно ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Когда я в дни празднования встречаюсь со своим другом и другом моих друзей дорогим Мирзой, я скажу этому человеку с открытой душой и сердцем: «Так держать!»

Сцены из балета ГАБТа «Индийская поэма». Роль Наргис исполняет Алла Михальченко.

ПОЭЗИЯ ТАНЦА

Юрий ГРИГОРОВИЧ,
главный балетмейстер ГАБТа

Пластика танца способна показать зрителю извечную борьбу добра и зла, мрака и света. Таков балет сегодня. В этом его неуываемое очарование, порою трудно достижимая простота, трепетная условность... Вся эта сложная лексика современного балета — результат многолетних раздумий, труда, озарений, творческого горения артистов, балетмейстеров, репетиторов, педагогов.

Человеку свойственно извечное стремление к полету, к красоте раскованного движения. Это желание миллионов людей, как в зеркале, отразилось в русской классической школе балета, необычайно наполненного духовно и устремленного к вершинам прекрасного.

Великий Пушкин сказал об отечественной хореографии: «Душой исполненный полет». Ныне эти строки стали как бы метафорой нашего Большого Балета, признанного всем миром.

Для нас, советских балетмейстеров, нет более высокой, желанной и ответственной задачи, чем создание спектаклей, утверждающих на сцене театра высокие идеалы нашего общества, раскрывающих влечение всех добрых людей к миру, красоте, счастью. Каждая новая постановка Большого театра — зримая картина непрерывной эстафеты мастерства, вдохновенного поиска в искусстве танца, раскрытие широких горизонтов новаторства, опирающегося на мудрые традиции классического балета.

Танцевальному спектаклю органично близки сюжеты с романтической, лирической, опозитированной тканью. В этом смысле многонациональный фольклор, восходящий к глубокой древности и несущий в себе черты народных легенд, старинного эпоса, — поистине бездонный клад для репертуара, для художников театра, композиторов, артистов.

«Жизнь и любовь могут преодолеть тысячи препятствий, устоять против всех испытаний, принести сотни и тысячи жертв и все же достигать цели, победить в борьбе, одолеть черную силу зла и смерти. Есть лишения и горести в борьбе, но есть и радость победы. Жизнь непобедима — это плод борьбы...»

Эти строки о легендарной судьбе, великой любви и несомненной верности Наргис и Бамбура — героев индийского сказания — поведал мне автор «Кашмирской песни» Шараф Рашидович Рашидов.

Встреча в Ташкенте с известным узбекским писателем, крупным политическим деятелем стала для меня незабываемой. Я почувствовал искренность его слов, раскрывающих волшебную мозаику индийского эпоса, «чистого, как горный ручей». Почувствовал непобедимость высоких этических начал людского духа. И, когда я услышал из его уст восточную пословицу «человек крепче камня, нежнее розы», вспыхнули искры ассоциаций: вмиг я ощутил родство Ромео и Джульетты, Лейлы и Меджнуна, Руслана и Людмилы, Наргис и Бамбура... Перед глазами будто предстали вечные символы Любви, Весны, Солнца, патетика и радость всепобеждающих сил света и добра.

Но беседы с Шарафом Рашидовичем, крупнейшим знатоком культуры Востока, означали для меня и моих коллег Юламей Скотт и Юрия Папко, что истинно органичное ощущение красоты, пластики индийского классического танца мы можем почувствовать, лишь побывав на родине Наргис и Бамбура.

Прикоснувшись к ней, увидев сложный, своеобразный колорит искусства этой великой страны, мы ощути дивную прелесть ее архитектурных ансамблей, древних храмов, скульптур и рельефов, живописи... И действительно, счастье, радость приобщения к культуре Индии — этой жемчужины Востока — помогли нам совершенно по-новому, свежо, первично осмыслить очарование чеканной графики индийского танца, словно впитавшего в себя жар тропического солнца, музыку могучих рек и горных потоков, мудрость тысячелетней истории этого прекрасного народа, удивительную духовную щедрость и чистоту его старинных легенд...

Среди всех этих красочных дней хочется вспомнить о встрече с замечательной старейшей танцовщицей (ныне она руководит хореографической академией в Мадрасе) Рикмини Деви. История, которую она нам поведала, кажется легендой. Но это было.

...Много, много лет тому назад маленькая Рикмини увидела на родной сцене выступление великой русской балерины Анны Павловой. Затаив дыхание, следила индийская девочка за каждым движением, каждым па изумительной танцовщицы. После этого первого вечера Рикмини сделала все, чтобы не пропустить ни одного концерта. Впечатление было неотразимо. И она решила стать балериной. Анна Павлова любезно приняла маленькую Рикмини и пообещала взять ее к себе в школу. Счастье малытки было безмерно. Но судьба распорядилась по-иному — жестоко. Вскоре — перед самым отъездом из Индии — Рикмини узнала о безвременной кончине своего кумира. Анны Павловой не стало. Но девочка жила мечтой о балете. И она победила... Так сильно влияние гениального искусства на души людей.

Вспоминаю тот вечер в Мадрасе. Тенистый сад. Широкие, раскид-

стые ветви тропических деревьев. Небольшие коттеджи, где живут и учатся последователи «академии танца» Рикмини Деви.

Мы беседовали о дружбе наших народов, об искусстве танца, когда внезапно на землю упали сумерки. Зажглись яркие звезды, и в мерцающем свете молодой луны Рикмини Деви вдруг исчезла. Наступил миг тишины и ожидания. И так же внезапно перед нами предстала старая танцовщица. Она протянула нам маленькую статуэтку балерины.

— Это работа самой Анны Павловой. Вы, конечно, знаете, что она была еще и замечательный скульптор.

Свет луны озарил миниатюрную фигурку балерины, дрожащую в руке Рикмини Деви. На глазах ее блеснули слезы. Так иногда сама жизнь преподает нам уроки самого высокого смысла.

Россия и Индия... Глубоки, нерасторжимы давние узы дружбы двух великих стран. Крепнут связи этих народов в дружелюбии, стремлении к миру и добрососедству, духовной близости, общей неприязни к насилию, к войне. Это особо ощутимо сегодня, когда каждый день дает нам факты жестокости, агрессивности империалистов.

Поистине поразительное качество «Кашмирской песни» и поставленного на ее сюжет балета «Индийская поэма» — это остро ощутимая, непреходящая связь времен. Кажется, необъятен разрыв в веках, отделяющий нас от древней поры создания народного индийского мифа. И, однако, эта лирическая легенда волнует сегодня зрителя восьмидесятих годов двадцатого века, полного суровой прозы.

Когда опускается занавес спектакля «Индийской поэмы» в Кремлевском Дворце съездов, раздается гром аплодисментов.

Это означает, что огромный зал, полный людьми, почувствовал и будто увидел тот незримый духовный мост, который объединяет всех людей доброй воли нашей праматери Земли. Все народы равно жаждут мира, победы света и добра. Вот так получилось, что «фольклорный» спектакль, рассказывающий о драматической любви Цветка и Пчелы, образы которых были запечатлены еще на древнейших скульптурных рельефах индийских храмов, росписях узбекских художников и воспеты в устных сказаниях этих народов, оказался животворным и близким сердцам зрителей сегодня. Так неотступна и всемогуща мечта о гармонии человека и природы. Так всеильно ожидание Весны, соединяющей души влюбленных. Так победна вера в правду, и так нужен людям мир.

Естественно, язык балета условен. Но в назидание иным скептикам надо сказать, что самая широкая современная публика превосходно и легко воспринимает и осмысливает сложный язык символов.

Поток удивительных ассоциаций, вызываемых у зала поэтическими образами спектакля «Индийская поэма» — прелестной, обаятельной Наргис — цветка, как и могучего и смелого предводителя пчел богатыря Бамбура, светозарной, мудрой и победоносной птицы — Бахор, резко отличается от впечатления и эмоций, порождаемых злобным ликом коварного и ядовитого Дурмана.

Ясному прочтению сложного, полного метафорических построений языка спектакля помогает искусное использование индийского классического танца, обладающего поразительным, остро прочерченным рисунком, глубоко осмысленным движением... И вот синтез этого древнего танца с современной формой балета помог донести прелесть старинного, но вечно юного сказания — это заслуга балетмейстеров-постановщиков Ю. Скотт и Ю. Папко.

Традицией балета Большого театра было и есть самое широкое привлечение мастеров, представляющих нашу многонациональную культуру. «Индийская поэма» — премьера узбекского музыканта Улугбека Мусаева. И это дает еще одну, новую грань нашей хореографии.

Немало труда и вдохновения вложили в спектакль художник Николай Золотарев и дирижер Александр Копылов.

Выразительны сценические образы «Индийской поэмы», созданные великолепной балериной Ниной Тимофеевой и превосходными танцовщицами Светланой Адырхаевой и Борисом Акимовым. Широкое претворение национальной стихии индийского классического танца в сочетании с языком современного балета талантливо продемонстрировали Алла Михальченко и Нина Семизорова, Алексей Лазарев и Валерий Анисимов, Николай Дорохов и Виктор Барыкин, Татьяна Бессмертнова и Юлия Левина. Особо хочется отметить беспрестанный заинтересованный труд наших замечательных балетмейстеров-репетиторов — Г. С. Улановой, М. Т. Семеновой, Р. С. Стручковой, Р. К. Карельской и других мастеров.

Поиски новой широкой палитры танцевальных средств, непреклонное и верное следование светлым традициям Большого Балета, выработанным за долгие годы немалой группой выдающихся советских балетмейстеров, танцовщиков и танцовщиц, прославивших своим мастерством и талантом наш театр — все это в высшей степени присуще творчески богатому и блистательному ансамблю дарований, которому под силу любые новые интересные задачи и яркие творческие решения.

А ДУШУ ТВОЮ ЛЮБЛЮ...

Агния КУЗНЕЦОВА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Многое в жизни Пушкина было не так, как у всех. Умная Долли Фикельмон отлично понимала это, когда писала в своем дневнике о Наталье Николаевне: «Но и какую же трудную предстоит ей нести судьбу — быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин!»

...Девятнадцатилетняя Наталья Пушкина после вчерашней свадьбы проснулась, и глаза ее встретились с его восторженными глазами. Он стоял на коленях возле кровати все в том же костюме, что был в церкви. «Очевидно, так он простоял всю ночь», — подумала она, и ее охватило волнующее недоумение.

— Моя мадонна! — шепотом сказал он, складывая руки, как перед иконой.

Робкие слезы скатились у нее из глаз. Но она улыбнулась ему, стараясь понять эту необычную брачную ночь.

Она не раз в первые дни медового месяца горько плакала оттого, что Пушкин, наспех поцеловав ее, часто с утра и до вечера проводил время в разговорах с друзьями. В то лето Жуковский жил в Царском Селе при своем воспитанике — наследнике, будущем императоре Александре II. Приезжали Плетнев, Вяземский и часто бывали у Пушкиных.

А как-то раз, в холостой компании, на стороне, Пушкин всю ночь проспорил на литературные темы и, умоляя о прощении, честно сказал ей, что забыл вчера о том, что женат.

А потом Наталья Николаевна поняла, что муж ее совсем не такой, как другие. Приготовилась к своей трудной судьбе: «быть женою поэта, и такого поэта, как Пушкин». Сердцем поняла она его большую любовь к ней, которая проявлялась не всегда так, как у других. И успокоилась, насколько это было возможно.

Вспомнились ей месяцы, проведенные в Царском Селе. Она была счастлива. С утра Александр Сергеевич писал, закрывшись в кабинете, и с первых дней Наталья Николаевна поняла, что в эти священные для него минуты тревожить его нельзя. Она создавала в доме полную тишину, привыкала вести хозяйство, вышивала, читала книги и потихоньку от мужа сочиняла стихи, которые потом, когда он уезжал, посылала ему в письмах. Пушкин не оценил ее стихов и в одном из своих писем с присущим ему юмором попросил свою женку писать ему не стихами, а прозой.

Родные и друзья чувствовали, что брак этот счастливый.

«Четвертого дни воспользовался снятием карантина в Царском Селе, чтобы повидаться с Ташей, — писал 24 сентября 1831 года Дмитрий Николаевич Гончаров деду Афанасию Николаевичу. — Я видел также Александра Сергеевича; между ними царствует большая дружба и согласие; Таша обожает своего мужа, который также ее любит; дай бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушилось».

«А женка Пушкина очень милое творение. Лучше не скажешь, — писал Жуковский князю Вяземскому и А. И. Тургеневу, — и он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

«...Я уверен, что ты, несмотря на все ужасные перевороты, которые тебя окружают, еще

никогда не был так счастлив и покоен, как теперь», — писал Пушкину Нащокин 15 июля 1831 года.

«...Моя невестка совершенно очаровательна, мила, красива, умна и вместе с тем очень добродушна», — пишет сестра Пушкина Ольга Сергеевна Павлицева.

Пушкин часто читал свои стихи жене и своей приятельнице Александре Осиповне Россет. Наталья Николаевна видела, что ее мужа и эту женщину связывает обычная дружба, но все же ревновала его к ней, даже потому, что, ей казалось, к оценке Александры Осиповны его стихов он прислушивался больше, чем к высказываниям Натальи Николаевны. Возможно, это так и было. Она не принимала во внимание тогда, что была еще молода и неопытна в работе мужа, и только с годами приобрела этот опыт. Позднее Пушкин уже вполне доверял ее вкусу и пониманию литературных дел. В 1836 году, уезжая в Москву, он, по существу, жене поручил обязанности секретаря «Современника».

...Как трудно было тогда, — вспоминает Наталья Николаевна, — управлять хозяйством, воспитывать детей, быть при дворе и заниматься делами «Современника».

...Александр Сергеевич обычно зазывал дам в кабинет, где он любил писать лежа на кушетке, исписанные листы опускать прямо на пол. Около кушетки стоял круглый стол, заваленный книгами, бумагами, с чернильницей и перьями. На окнах не было гардин. Он любил солнце и жару. «Это у меня от предков», — усмехаясь, пояснял он.

Несмотря на вспыхивающее порой чувство ревности к Александре Осиповне, Наталья Николаевна любила эти уединенные часы, посвященные ей и Россет. Она наказывала горничной не беспокоить их. Обе дамы удобно устраивались в креслах. Окна были открыты на дорогу, но изредка проезжающие экипажи не беспокоили их.

Пушкин садился на стул, высоко закидывал ногу на ногу, и это движение его, эта поза была аристократически изысканна. Но не нарочита. Это было дано ему от рождения. Он читал увлеченно, звонко. Как любила Наталья Николаевна его голос! Как представляет его даже сейчас. Помнит, как загоралось его лицо, сверкали проникновенным блеском голубые глаза и, казалось, видел невысказанное, говорили о том, что умел он по-особому воспринимать все, что происходило вокруг, заглядывать в будущее, задумываться и беспокоиться о том, что еще никого не интересовало. Наталья Николаевна в эти минуты он казался неотразимо красивым.

Однажды, когда Пушкин закончил чтение стиха и обратился к дамам:

— Ну как?

Александра Осиповна вместо ответа сказала, кивая хорошенькой головкой на открытые окна:

— Мимо проехал император. Ехал медленно, поглядывал в окна.

Близорукая Наталья Николаевна не заметила этого.

На следующий раз, когда в то же время Пушкин вновь читал свои стихи, мимо дома опять медленно проехала карета императора. Александра Осиповна не удержалась, и, перебив Пушкина, показывая рукой, униженной кольцами и браслетом, со смехом сказала:

— Снова император!

Пушкин скомкал в руке лист со стихами и уже не возобновлял чтение. Он не переносил, когда его перебивали, да и прогулки царя мимо его дома поэту не нравились.

Через несколько дней Александр Сергеевич отошел и снова читал свои стихи дамам, но уже в столовой, где Наталья Николаевна предвзвительно задернула шторы.

По этому поводу однажды при встрече император с улыбкой спросил ее:

— А почему в ваших окнах всегда опущены шторы?

И все же Наталья Николаевна ревновала Пушкина к ней. Умом все понимала. А сердце сжималось. Так не в ладу было сердце с разумом, когда однажды Пушкин в магазине на Невском купил альбом для Александры Осиповны. Вместе с Натальей Николаевной они неожиданно пришли к ней с коротким визитом. Она вышла к ним наспех причесанная, в домашнем туалете, но, как всегда, свежая, красивая, жизнерадостная и приветливая.

— А я к вам с подарком, — сказал Александр Сергеевич и положил на стол альбом. Она заинтересованно открыла его. На первой странице рукою Пушкина было написано:

«Исторические записки А. О. С.».

— Вы так хорошо рассказываете, — сказал Александр Сергеевич, — что должны писать свои записки. А вместо эпиграфа в этом альбоме я напишу следующее...

Он сел за стол, попросил чернила и перо. И написал, видимо, заранее сочиненные стихи:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

Александра Осиповна была до слез расстроена. Крепко пожала руку Пушкина и расцеловала Наталью Николаевну.

Все встречи с Россет здесь, в Царском Селе, проходили в присутствии Натальи Николаевны. Она взвешивала каждое слово, сказанное Пушкиным Александре Осиповне. Ловила их взгляды, и ничего, ничего не было во всем этом оскорбительного для нее. Друзья, связанные взаимным пониманием. И все.

Но вот прошлое Пушкина!.. О нем страшно было думать. Как плакала и отчаивалась она, когда он, как всегда честно, рассказал обо всем, что было до встречи с ней.

...Анна Петровна Керн. Она еще жива. Овдовев, она вторично вышла замуж за Маркова-Виноградского. Еще при жизни Пушкина она занималась переводами. Переводила Жорж Санд. Когда Пушкин женился, встречи с ней почти прекратились. Иногда он заставлял ее у своих родителей, иногда у сестры, с которой она всегда была в самых дружеских отношениях.

Наталья Николаевна впервые увидела Анну Петровну Керн у Ольги Сергеевны. Даже по тому необычно заинтересованному и далеко не равнодушному взгляду, которым та быстро, как умеют это делать только женщины, окинула Наталью Николаевну с ног до головы, можно было понять все: и то, чем когда-то был для нее Пушкин, и гордость тогдашнюю и теперешнюю гордость, что среди лучших его стихов есть одно, которое ей — Анне Керн — дало вечную жизнь, вечное причастие к великому поэту!

Дома, вспоминая Керн, Наталья Николаевна мысленно повторила стих Пушкина, посвященный ей, который знала она еще до замужества, и, совершенно успокаиваясь, сказала Александ-

Окончание. См. «Огонек» № 43.

Наталья Николаевна Пушкина. Акварель Гау.

Наталья Николаевна Пушкина [во втором замужестве Ланская]. 1849 год.

ру Сергеевичу: «Ты просто в михайловском затворничестве отвык от женской красоты. Лицо ее слишком простовато, особенно губы...»

Пушкин ничего не ответил, только мысленно улыбнулся. Ему нравилось, что она ревнует его даже к прошлому.

Ревновала она его и к балерине Евдокии Ильиничне Истоминой, которая танцевала роли черкешенки из «Кавказского пленника» и Людмилы из «Руслана и Людмилы».

— Я знаю, что когда-то ты волочился за нею,—говорила Наталья Николаевна, сердито грозя пальчиком.

Ревновала к Воронцовой, которую второй раз в жизни увидела она, уже будучи замужем за Ланским.

Та вначале и не поняла, что за красавица перед ней, и только потом ей сказали, что это бывшая жена Пушкина.

Воронцова и в молодые-то годы была хороша не красотой, а обаянием молодости, которое горело жгучим огнем в глазах, заливало румянцем щеки, зажигало темперамент.

А теперь все ушло. Перед Натальей Николаевной сидела длинноногая, некрасивая, стареющая женщина, не привлекающая ни одной черточкой лица, ни движением, ни фигурой.

Она ревновала Пушкина даже к Прасковье Александровне Осиповой — помещице Тригорского, маленькой, расплывчатой пожилой женщине, верному другу поэта и даже дальней родственнице. Ее сестра Вындомская была замужем за двоюродным братом матери Пушкина — Ганнибалом.

Ревновала к ее дочери Евпраксии Николаевне Вревской, которая, как говорили Наталья Николаевна, знала о дуэли Пушкина еще накануне. Ей поэт посвящал стихи «Если жизнь тебя обманет», «Вот, Зина, вам совет, играйте».

В 1835 году она приезжала в Петербург, останавливалась у родителей Пушкина. Наталья Николаевна видела ее и так же, как после встречи с Керн, успокоилась: круглолицая мешаночка,—определила она ее для себя, и простила мужу то, что в те давние времена у нее и Пушкина была первая молодость, первая, большая и нежная дружба, которую сохранил он к ней до смерти.

Она ревновала Пушкина и к другой — старшей сестре — Анне Николаевне Вульф. Ей то-

же осталась пожизненная память великого поэта: «Я был свидетелем златой твоей весны», «Хотя стишки на именины», «Увы! напрасно деве гордой».

Наталья Николаевна, несмотря ни на что, не могла не уважать Анну Николаевну за то, что с времен Михайловский ссылки Пушкина и до смерти своей (она умерла в 1857 году) она любила поэта самоотверженно, не напоминая о себе, и даже не вышла замуж. Знала она и то, что Пушкин всегда был к ней равнодушен.

Часто было не по себе Наталье Николаевне из-за дружбы Пушкина с Верой Федоровной Вяземской, которую в общем-то она любила.

С болью вспоминала Наталья Николаевна дочь президента Академии художеств Анну Алексеевну Оленину, которой Пушкин посвятил не одно стихотворение. Пушкин сватался к ней, но почему-то все расстроилось. Он и сам не мог объяснить почему: верно, не очень любил ее, задумчиво говорил он, вспоминая прошлое.

Но особенно Наталья Николаевна ревновала Пушкина к Марии Николаевне Раевской — жене декабриста Волконского. И хотя та была невозвратно далеко от Пушкина, там, где «в глубине сибирских руд» вместе со всеми декабристами отбывал наказание ее муж, Наталья Николаевна, особенно теперь, уже в том возрасте, когда приходит жизненная мудрость, понимала, что Мария Волконская душевно Пушкину была ближе и дороже других женщин, с которыми как-то и в какой-то мере был он связан в жизни до женитьбы.

Она знала, что с Марией Волконской у Пушкина никогда ничего не было. Но он преклонялся перед ней. И она осталась рядом с ним навсегда в его стихах «Редеев облаков летучая гряда», «Таврида», «Буря» («Ты видел деву на скале»), «Не пой, красавица, при мне», «На холмах Грузии». И посвящение «Полтавы», и XVIII строфа первой главы «Евгения Онегина».

В сердце поэта, всецело отданном своей мадонне — она чувствовала, — все же остался маленький уголок для русской женщины, совершившей великий подвиг. Даже последняя квартира на Мойке, где жили Пушкины, была связана с Марией Николаевной. Там раньше жили Волконские. И часто горькие раздумья охватывали Наталью Николаевну.

Но, ревнуя Пушкина к прошлому, Наталья Николаевна сердцем чувствовала, что она была его первой, настоящей любовью, об этом говорило все, начиная от его «мадонны».

Исполнились мои желания. Творец

Тебя мне ниспослал, тебя, моя мадонна,

Чистейшей прелести чистейший образец.

...Мир Пушкина, которым он жил, думает Наталья Николаевна, был необычайно сложным. Его мир творчества — не доступный никому, кроме него — огромный и прекрасный. Она — его мадонна — несла в себе для него тоже целый мир. Мир семьи. Мир его друзей. И даже самый сложный мир его суеверий.

Друг Александра Сергеевича Даль писал в своих воспоминаниях:

«Пушкин, я думаю, был иногда и в некоторых отношениях суеверен; он говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих, по-видимому, нет ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смысла, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать».

Однажды еще в юные годы в присутствии друзей вдохновенная гадалка выбрала Пушкина для своих предсказаний. Он вначале отказывался, потому что в этот день проиграл в карты последние деньги и заплатил за гадание ему было нечем. Но гадалку это не убедило.

— Призайми у товарищей, — сказала она, — деньги ты вот-вот получишь. И неожиданно. А еще получишь ты такое же неожиданное предложение на новую службу...

Она гадала на картах и, долго разглядывая его руку с совершенно необычными линиями, показывая головой, недоуменно пожимая плечами, думала о чем-то, а потом сказала:

— Прославишься ты на все отечество. Будешь любим народом даже после смерти. — Затем, помолчав, снова глядя в линии руки Пушкина, продолжала: — Два раза ожидает тебя вынужденное одиночество, вроде бы как заключение, но не тюрьма. А жить будешь долго, если на тридцать седьмом году не погибнешь от белой лошади или от руки белого человека. Их особенно должно тебе опасаться.

Серафим СЕВЕРНЯК,
болгарский писатель

И

Интересно, который час? По высокому бледному небу плывут высокие перистые облака. Маслиновые воды Невы набегают на гранит набережных. Золотой шпиль Петропавловской крепости пронзает легкую дымку.

Был конец июня 1965 года. Я впервые приехал в Ленинград. На четыре дня. И вот тогда я познакомился с человеком, который интересовался Сотиром Чернезовым.

— Хочется побольше узнать об этом болгарине, авиаторе на заре воздухоплавания, — сказал мой собеседник. — Ведь он участвовал в революции, исполнял поручения Ленина.

Мне ли не знать этого: ведь я был среди тех немногих журналистов, которые интервьюировали Сотира Чернезова весной 1957 года. Я написал тогда об этом небольшой очерк, сохранилась и стенограмма беседы. Меня все время не покидает мысль о том, что необыкновенная биография этого человека заслуживает большего, нежели четыре страницы, увидевшие белый свет. Об этом человеке нужно написать повесть, драму, снять фильм...

После того как очерк был опубликован, я получил письмо от своего отца:

«Сотир Чернезов, о котором ты пишешь, родом из нашего села. Отец его — Петр Чернезов — был связан с повстанческим отрядом Филиппа Тотю, и ему пришлось переселиться в Свиштов, где и родился Сотир. Сотир мальчишкой приезжал в село. Родственники его рассказывают, как он забрался на крышу сеновала и прыгнул оттуда с зонтиком. Чуть было ног не переломал».

Вот как все было!

Тот крепкий и подвижный старик в серо-зеленой куртке, который приходил в редакцию и рассказывал о своем участии в революции и встречах с Лениным в Смольном, оказывается, вел свое происхождение не откуда-нибудь, а из села Горна-Липница, где по воле случая родился и я...

Когда он был мальчишкой, к ним иногда заходили старики по-

Первое предсказание сбылось в тот же вечер. Пушкин возвращался домой — на столе лежало письмо лицейского товарища Корсакова, который писал, что выслал ему свой давний карточный долг, о котором Пушкин давно забыл.

Через несколько дней в театре Алексей Федорович Орлов предложил ему службу в конной гвардии. Служба эта не состоялась. Вскоре ссылка на юг, позднее в Михайловское. Словом, сбывалось все, что предсказывала гадалка. Пушкин, и прежде будучи суеверным, стал присматриваться к каждой примете.

В декабре 1825 года ссыльный Пушкин решил тайно уехать из Михайловского, навестить своих друзей — будущих декабристов.

Кучер закладывает повозку. Пушкин едет в Тригорское проститься с Осиповыми. День ясный. Ослепительный снег лежит на просторах равнин. Дорогу перебегают заяц. На обратном пути — снова заяц. А в воротах своей усадьбы — это тоже издавна считалось дурным предзнаменованием — он встречает идущего к нему священника, заметающего снег своей длинной черной рясой.

Все эти плохие приметы беспокоят Пушкина, но еще не колеблют его намерение ехать в Петербург. Как вдруг кучер заболевает горячкой.

Поездку приходится отложить.

Если бы ничего не помешало, то, естественно, 25 декабря Пушкин был бы вместе с друзьями на Сенатской площади, о чем он прямо, как всегда, сказал императору, когда тот спросил, где был бы он 25 декабря, если бы находился в Петербурге.

...И вот началась новая жизнь. Наталья Николаевна обязана бывать при дворе, так же как и камер-юнкер Пушкин.

«Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится, да что мне делать?»

Пушкин. Дневник, 5 декабря 1834 г.

«Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдгегера, или Арндта (лейб-медика)».

Пушкин. Дневник, декабрь 1834 г.

Тетушка Екатерина Ивановна не считается с расходами, только бы ее красавица Наташа была наряднее, изящнее, блистательнее других фрейлин. Она не считается со временем и, когда Наталья Николаевна собирается на бал, сама приезжает к ней. Придирчиво смотрит, как горничная Лиза (которую, упаси бог, нельзя потерять из-за умения делать прекрасные прически!) мудрит над роскошными волосами Наташи, сооружая высокую, модную прическу, к которой так идет легкое украшение на лбу из мелких драгоценных камней. Осторожно надевается белое платье с широчайшими прозрачными рукавами, перехваченными над локтями и в запястьях. На талию, которой по-завидуется любая красавица, пришивается широкий пояс. Вот на маленькие ножки надеются новые бальные башмачки, а изящные руки обтянуты белыми перчатками.

Тетушка осторожно поворачивает Наташу вправо, влево. Ничто не остается не замеченным ее придирчивым взглядом. Затем удовлетворенно она садится в кресло и просит позвать Пушкина.

Тот входит мрачный, в мундире камер-юнкера и, взглянув на жену, на мгновение забывает все неприятности предстоящего бала. Он сейчас снова поэт, а не камер-юнкер, живет в этот миг только прелестью своей Наташи.

— Моя мадонна! — тихо говорит он, как всегда в такие минуты складывая руки, точно перед иконой.

Слуга докладывает:

— Экипаж подан.

Пушкин вдруг резко поворачивается, срысывает с рук перчатки, бросает их на стул и, расстегивая ворот мундира, словно он душит его, почти кричит:

— Я нездоров! Если кто спросит — я нездоров! Я остаюсь дома!

Екатерина Ивановна и Наталья Николаевна тихо выходят в прихожую. И Наталья Николаевна вздыхает, предполагая, что император, который обязательно пригласит ее на кадрили или мазурку, вновь будет высказывать недовольство, что Пушкина нет на балу.

...Вот рождается первый ребенок — девочка Мария. Никогда не забыть Наталье Николаевне, как плакал Пушкин во время ее родов, не в силах переносить страдания жены.

За шесть лет совместной жизни — четверо детей и один выкидыш.

Дети для Натальи Николаевны были бесконечно дороги. Она старалась как можно больше бывать дома, чтобы не оставлять детей без надзора. Она беспрерывно меняла няnek: одна казалась неласковой, другая небрежной, третья забывчивой. Наталья Николаевна дома перестала следить за собой, как прежде, и часто отказывала внезапным визитерам.

А семья все росла и росла. В доме поселились сестры.

Долги! Долги! Долги! Бесконечные долги и вечная боязнь, что потребуют их возврата. Она видела, как это угнетает мужа. Однажды, не совладав со своими чувствами, написала письмо брату Дмитрию, который вел гончаровский майорат:

«Теперь я хочу немного поговорить с тобой о моих личных делах. Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощью матери содержание равное тому, какое получают сестры, и, если это возможно, чтобы я начала получать его до января, то есть с будущего месяца. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна... Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение; по крайней мере содержание, которое ты мне назначишь, пойдет на детей, а это уже благородная цель. Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что, если бы он знал об этом, то, несмотря на стесненные обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать» (июль 1836 г.).

...Детей он тоже очень любил, — вспоминает Наталья Николаевна, — особенно Сашеньку. Он звал его Сашкой. Саша говорит, что помнит отца. Вряд ли.

Странно, Наталья Николаевна слышит, всегда слышит звонкий тенор Пушкина, его заразительный громкий смех. Но внешне, как ни слится, не может представить его живого, как других.

Только один раз, бессонной ночью, еще до болезни, он встал ясно в ее воображении: невысокий, смуглый, с сильным и легким телом, изящными, хотя и быстрыми движениями, которые, как считали многие, заменяли природную красоту. И в то же время были у него странные привычки — быстро и увлеченно грызть яблоко, необычайная ловкость прыгать с дивана через стул, бросаться на диван, поджимая ноги.

В. А. Нащокина в своих воспоминаниях писала о внешности Пушкина: «Своей наружностью и простыми манерами, в которых, однако, сказывался врожденный барин, Пушкин сразу расположил меня в свою пользу... Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно выщипанными волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика — особенно его удивительных глаз... Говорил он скоро, острит всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы».

РЬЕНЕРЖА ЛЕНИНА

встанцы, дождавшиеся свободы. Он повторял вслед за ними пламенные слова преданности и любви к России. Один из воздушных баллонов, которые он запускал с высокого берега, так и назывался: «Россия». Россия для него означала Свободу. Впоследствии, в 1910 году, когда приехавший в Болгарию Борис Мельников совершил показательный полет, Россия стала означать для Сотира и Небо. Крылья, на которых можно подняться ввысь и улететь далеко-далеко, к самому солнцу. В России он научился летать. Из России вернулся на родину и участвовал в Балканской войне. Потом опять уехал в Россию продолжать образование и в пятнадцатом году отправился на войну с немцами в качестве боевого летчика Четвертого авиатряда, который входил в состав VIII армейского корпуса (им командовал прославленный генерал Радко Дмитриев, болгарин-эмигрант). На фронте Черкезову в руки попали газеты и листовки русских социал-демократов. Они тоже были Россией. После первых неудач на фронте, когда начались аресты «подозрительных», его взяли прямо с аэродрома, и он шесть месяцев просидел под арестом. Затем ввиду отсутствия улики Сотир был освобожден и отправлен в тыл на полувоенную-полугражданскую работу — инструктором на казанский аэродром...

2 марта 1917 года в аппаратной аэродрома было принято известие об отречении императора Николая II.

Обстановка на аэродроме была тревожной. Офицеры открыто угрожали арестами и расстрелами во имя отечества. Для них все колеблющиеся были «красными пораженцами». Черкезов сошелся ближе кое с кем из механиков и помощников пилотов. Они уважали Черкезова как ветерана аэрошколы, высоко ценили его боевой опыт, сговорчивый характер и открытый нрав. С их помощью Черкезову удалось раздобыть документ о том, что его командируют в Петроград, и, стараясь не попадаться на глаза начальству, он покинул аэродром.

В Петрограде Черкезов поселился на квартире у путиловского рабочего Ивана Васильевича, социал-демократа из фракции большевиков. Поступил работать в сборочный отдел фирмы, на вывеске которой значилось: «И. И. Стеглау и К^о». Производство летательных аппаратов. Патенты во всех странах Европы. Ремонт бензиновых моторов».

Город трудно было узнать. Все,

казалось, было прежним — улицы, гранитные берега каналов, мосты, площади, магазины... И в то же время в самом воздухе витало нечто новое. С балконов свисали флаги. По мостовой проходили военные патрули с красными лентами на рукавах и отворотах шинелей. То и дело до слуха долетали странные, непривычные слова: «Советы», «солдатские депутаты», «сепаратный мир», «коалиция», «Временное правительство».

«Третьего апреля по всему Петрограду и пригородам разнеслась новость: вождь пролетариата возвращается из эмиграции... Я уже немало знал о Ленине, и мне было интересно увидеть его. Мой хозяин предложил пойти с ним на Финляндский вокзал», — вспоминал Сотир Черкезов. Над толпой металась лучи прожекторов. Их желтые жала лизали головы, вонзались в фасады зданий и крышу вокзала. Кто-то крикнул: «Поезд пришел!» — и толпа двинулась вперед.

Поезд подошел к перрону. Паровоз, который нынче все могут увидеть на вечной стоянке, выдохнул облако белого пара. Из распахнутой двери вагона вышел энергичный человек в черном пальто и кепке. В Россию вернулся Ленин.

Сотир Черкезов рассказывал: «Раздалось мощное «ура». Все подхватили. Я не мог как следует разглядеть лицо Ленина, почти не слышал его слов. Встреча была забываемой — букеты, поцелуи, слезы. Его подняли на руки и понесли на броневик, с которого он держал речь. Я был метрах в тридцати от него, в гуще народа. Громкоговорителей не было, он охрип от волнения. Шутка ли — в родную страну вернулся»...

События развивались быстро. В следующие две недели Сотир Черкезов активно включился в работу комитета большевиков на заводе Стеглау. Его приняли по письменной рекомендации Ивана Васильевича. Дежурный в комитете повертел ее в руках, глядя то на предъявителя, то на бумагу.

— Леонов, Иван Васильевич... — несколько раз повторил он. — Так это же тот самый Леонов с Путиловского завода, что заседает в Совете Выборгской стороны! Все ясно, милости просим, товарищ!

Сотир Петрович вздрогнул. Впервые его официально называли товарищем.

Жизнь Черкезова разделилась на две части: на дни, когда он летал, мечтая подняться как можно выше, и на дни, когда он приобщался к борьбе людей, с которыми жил и работал...

По воле случая он еще раз встретился с Лениным. Это было первого мая 1917 года. На Марсовом поле были выстроены отряды рабочих крупнейших петроградских заводов. Кто-то крикнул:

— Слово предоставляется товарищу Ленину!

Над Марсовым полем воцарилась тишина. Люди глазами передавали друг другу пароль: «Ленин, Ленин...» Ничего другого не было нужно. Ленин говорил мало. Его речь никем не записана. Отдельные куски сохранились в памяти присутствующих, в воспоминаниях.

Незаметно подошло лето, кровавое, бурное лето 1917 года.

Черкезов днем работал, а ночью на тайных квартирах Выборгского района обучал рабочих пользоваться винтовками и пистолетами, взятыми с оружейного склада Павловского полка.

Вот что он рассказывал о тех днях:

«Корнилов и Крымов, собрав тридцатитысячную армию, напали на революционную столицу. Весь революционный народ поднялся на защиту Петрограда... Рабочие и работницы, студенты и студентки строили заграждения из проволоки. Матросы, сняв легкие орудия с боевых кораблей Балтийского флота, отправились воевать с врагами революции на сухопутном фронте. Я тоже добровольно записался в красногвардейский отряд, пошел драться с Корниловым, защищать революционную столицу...»

Он вместе с отрядом путиловцев отбивал у юнкеров Николаевский вокзал, воевал с контрой под Пулковом.

И вот настал день, когда выстрел «Авроры» послужил сигналом к штурму Зимнего. «Всем! Всем! Всем! Временное правительство свергнуто... Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» Наступило 25 октября 1917 года. Никто еще не знал, что по новому стилю этот день будет седьмым ноября и что трудящиеся всего мира будут торжественно отмечать в этот день начало новой эры.

Вторично я поехал в Ленинград, охваченный навязчивой мыслью — мне хотелось, чтобы не кто-либо другой, а именно Сотир Черкезов в первые дни революции подал Владимиру Ильичу идею о необходимости создания красной авиации. В моем воображении возникали фантастические картины... Революция, война на два фронта, кругом вооруженные матросы и кавалеристы, пулеметные тачанки... Во все края необъятной русской земли мчатся курьеры революции. А один болгарин, попав в Смольный, во что бы то ни стало хочет встретиться с Лениным, чтобы ска-

зать ему: революции нужен большевистский авиаотряд!

В действительности дело было иначе.

Владимир Ильич Ленин, изучив расположение аэродромов, дал указание о немедленном формировании отряда летчиков и потребовал стянуть как можно больше самолетов на «корпусной аэродром» войск Петроградского гарнизона.

Пришлось мне расстаться со своей «великой идеей». На фоне всеобъемлющей прозорливости Ленина мое намерение приписать Сотир Черкезову инициативу создания красной авиации выглядело бессмысленным и нелепым.

В Смольный Сотира Черкезова провел Леонов. Сотир попытался разыскать матроса Дыбенку, с которым он познакомился в Пулковке в дни борьбы с корниловщиной. Ему сказали, что Дыбенко уехал. Черкезов разыскал Антонова-Овсеенко и попытался изложить ему свой план создания красной авиации, объяснив, чем может быть полезен он сам, Сотир Черкезов.

— Нам сейчас не до авиации! — резко оборвал он Сотира. — Сейчас надо защищать Питер!

Черкезову пришла в голову мысль поискать Орджоникидзе, с которым его свела судьба во время августовских боев под Пулковом. Орджоникидзе командовал бригадой, в состав которой входили представители народов Востока.

— А, вот еще один восточный человек! — воскликнул Орджоникидзе, узнав Черкезова. Выслушав Сотира, он сказал:

— Об этом надо потолковать с Подвойским. Только он сейчас очень занят.

По рекомендации Орджоникидзе Черкезова зачислили в штаб курьером.

Потом по распоряжению Подвойского Черкезова командировали в Гатчину — проверить, в каком состоянии находится освобожденный от белоказаков аэродром. Когда он вернулся, Подвойский, выслушав устный доклад Черкезова, попросил члена штаба Овсеенко проводить Черкезова на доклад к Председателю Совета Народных Комиссаров.

— Садитесь, товарищи! — пригласил Ленин.

«Я было хотел отдать честь, — вспоминал впоследствии Черкезов, — но Ленин махнул рукой, мол, не стоит. Мы сели».

По стенограмме рассказа Черкезова, сделанной в 1957 году, я представляю, что его встреча с Лениным проходила так.

Черкезов доложил, что аэродром в порядке, все постройки целы. А вот самолетов, годных к

полетам, нет — они повреждены белыми. Можно будет в короткое время поправить лишь три-четыре.

Ленин встал, прошелся по кабинету и снова сел.

— На первое время этого будет нам достаточно, — сказал он. — Что вы скажете, если эти самолеты мы используем для поддержания связи и особенно для распространения декретов революционного правительства и пропагандистских материалов?

Черкезов поднялся.

— Я готов выполнить любую задачу, — сказал он.

Ленин взглянул на него.

— Мы с товарищем Овсеевко в этом не сомневаемся... Где вы учились летать?

— Здесь, в Питере...

— Значит, вы наш... — И неожиданно добавил: — Болгары вообще хороший народ! Я имел возможность убедиться в этом в годы эмиграции. Смекалистый, обязательный, энергичный!.. Их отличает трезвость суждений и четкость взглядов. Молодцы, одним словом! Я даже одно время собирался изучать болгарский язык. Кажется, даже успел обзавестись словарем...

В записи рассказа Черкезова сказано: «Я поблагодарил за внимание и вышел... Эх, какой это был человек! Ради него можно было жить, работать и умереть!..»

Сотир Черкезова решили оставить при штабе. Покидая кабинет Ленина, Антонов-Овсеенко сказал:

— Курьеры в штабе есть всякие, только авиаторов еще не было.

Ленин заметил:

— Ну что ж — теперь будут!

Такой предстает в моем воображении эта встреча.

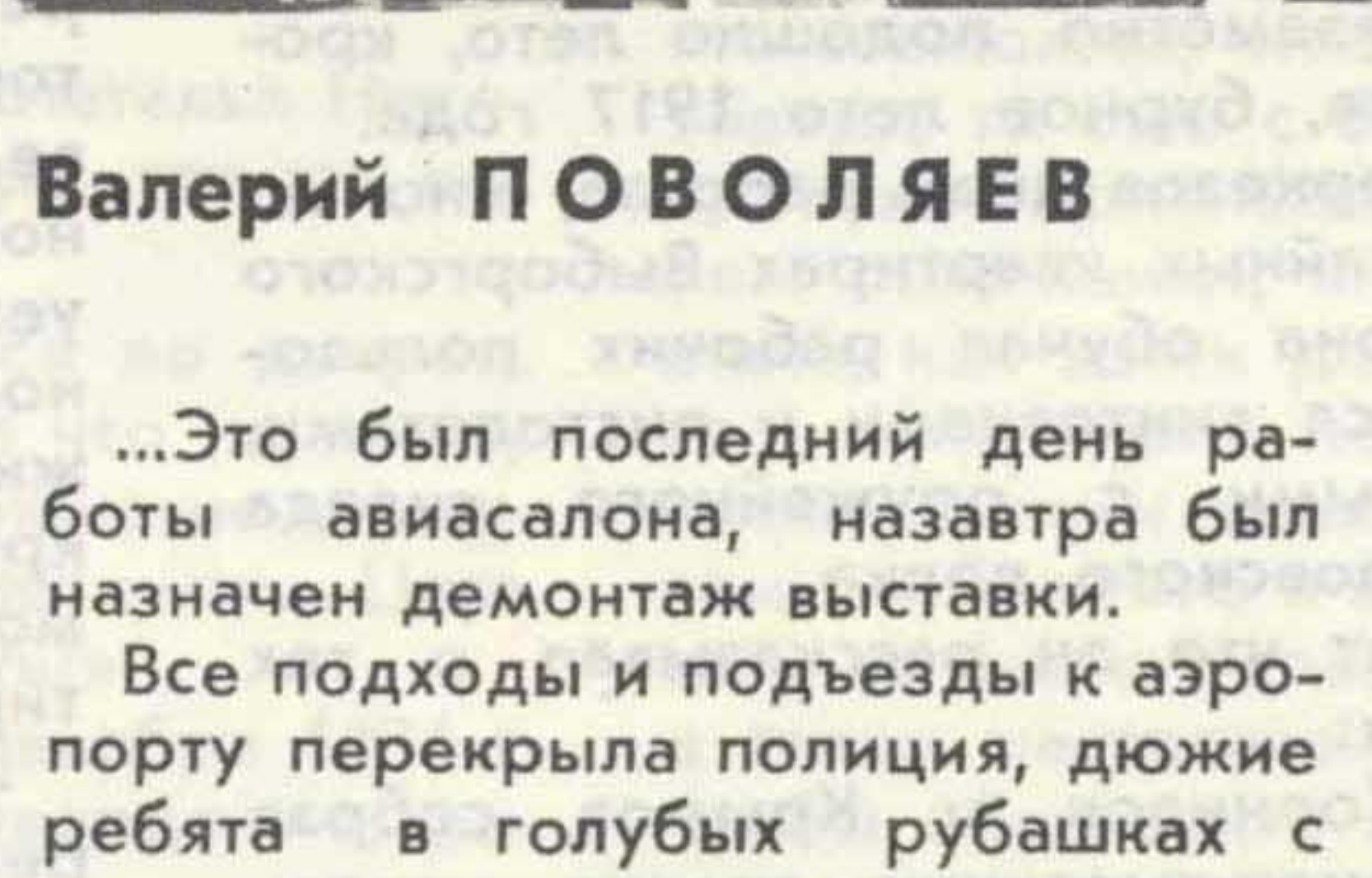
Черкезов остался в распоряжении Дыбенко. Сотир возникал как из-под земли, выслушивал поручение и, бросив любимое «порулил», устремлялся вниз по лестнице. Дыбенко провожал его взглядом, в котором светились сочувствие и строгость. Он питал расположение к этому коренастому проворному болгарину, который выполнял задания с необыкновенной быстротой и аккуратностью, не забывая каждый раз вставить «порулил» и «иду на посадку».

На этом сведения о работе Черкезова в Смольном обрываются. Сам он говорил следующее: «Потом я попал в отдел пропаганды. Мы доставляли на фронт агитационную литературу. Я ездил в Тамбов и Рязань. Потом нас перебросили в Москву»...

В Москве Сотир Черкезов работал инструктором сначала в отделе пропаганды ЦК, а потом в Народном комиссариате просвещения. Ему приходилось разъезжать в агитационных поездах, доставлять на фронт литературу. В эти дни он побывал в Воронеже, Ростове, Чернигове...

«Как-то раз, — рассказывал Черкезов, — на Арбате я повстречался с Александрой Михайловной Коллонтай. Она спросила, что я знаю о Болгарии. Я сказал, что мне известно только то, о чем пишут в газетах. Александра Михайловна сказала, что Владимир Ильич очень хотел бы получить верные сведения о подробностях событий и что ему нужен человек, который мог бы съездить в Болгарию... Я сказал, что готов отправиться в Болгарию, несмотря ни на какие опасности, раз это нужно Ленину».

БУРЖЕ: В НЕБЕ И

Валерий ПОВОЛЯЕВ

...Это был последний день работы авиасалона, завтра был назначен демонтаж выставки.

Все подходы и подъезды к аэропорту перекрыла полиция, дюжие ребята в голубых рубашках с черными погончиками и в черных, смахивающих на кастрюли кепи грозно покрикивали на водителей, поэтому мы не сразу попали в Бурже. Пришлось сделать несколько витков-виражей около, и лишь потом, продравшись сквозь полицейские кордоны, прижимаемые к земле тяжелым вязким грохотом авиационных двигателей, мы очутились в обнесенном «кроватной» решеткой загоном — паркинге прессы. Бурже, где каждые два года проходит авиасалон, — это старенький просторный аэропорт французской столицы, один из трех, места тут мало.

День, когда закрывался салон, был настоящим днем уик-энда — неподвижный, слепящий, с окостеневшим высоким небом и солнцем, зависшим над головой, обвораживающим все вокруг крутым кипляющим жаром, не оставляющим ни капли тени для спасения. Машина наша, только что приткнутая в один из узких зазоров журналистской стоянки, раскалывалась, как пустая кастрюля на газовом огне. Жара сдавливала горло, выбивала, словно в сильный мороз, озноб.

И, несмотря на это, в Бурже — не только на подъезде к аэропорту, а и в самом Бурже — не протолкнуться: настоящее массовое гулянье. Советский павильон, когдаходишь на выставку, стоит первым, следом идут англичане —

они возвели длинный ребристый ангар, в который можно загнать, наверное, целый полк самолетов, затем следует броско оформленный, с котелком дядюшки Сэма, поставленный у входа на попа самолетный фюзеляж, на котором нарисованы крупные белые звезды, — американский павильон.

За американским залом, несколько в отдалении, застыл печальный, вызывающий щемящую горечь и сочувствие памятник погибшим летчикам-испытателям — взметнувшееся ввысь самолетное крыло, врезанное корнем своим в бетонный постамент. Памятник безымянный, он в память всех погибших летчиков-испытателей, где бы они ни жили в свое время: во Франции, в США, в Советском Союзе или в Румынии...

В день закрытия авиасалона в Бурже нашей техники на поле почти не было — стоял только Як-42, а аэробус, главная наша новинка, и мощные, специализирующиеся на переброске тяжелых грузов вертолеты были уже отправлены на Родину.

— Вчера вечером они были в Риге, переночевали там и утром ушли в Москву, — пояснил Марк Галлай, писатель и пилот, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, — от выставки-то последний вздох остался.

В небольшой служебной комнате нашего павильона, туго обтянутой материей, было жарко: от духоты не спасал ни вентилятор, ни распахнутые двери.

— Но последний вздох последним вздохом, — Галлай сдернул со спинки стула пиджак, аккуратно сложив его, повесил на руку, — а выставка продолжает функционировать. Пошли смотреть!

В нашем павильоне было шумно и тесно, народ в основном толпился около «Салюта-6» (если быть точнее, это комплекс «Салют-6» — «Союз» — «Прогресс», летающая научная лаборатория), стремясь попасть в жилой отсек, очередь была длинной и какой-то радостно удивленной, шумела, неотрывно глядя под потолок, где светлела длинная тяжелая сигара космического корабля, таинственно мигали лампочки, высвечивались и гасли диски, из сумрака павильона возникали некие зеленоватые люминесцентные тени. Это были словно бы сигналы, посланные из космоса, таинственного и непонятного мира, который пытаются понять, познать, но до конца этого познания, до финиша еще ой-ой как далеко, и неизвестно даже, будет этот самый финиш или нет.

Рядом с огромным, мощным, невольно вызывающим уважение летающим космическим комплексом располагался крохотный, трогательно-простой шарик — горошина подле тяжелого древесного ствола — капсула корабля, на котором летал Юрий Гагарин. Бока шара обгорелые, в окалине, экспонат имеет щемяще-трогательный

вид — ничего лишнего, ни мишуры, ни выставочного блеска, неуютное нутро кабины спрятано за стеклом, в кабине неизвестно даже как — нет там места, совсем нет — смог расположиться человек. Что-то печальное, даже горькое возникает в каждом, кто подходит к гагаринской капсуле. Марку Галлаю хорошо понятно это ощущение — он много лет проработал с космонавтами.

— Тут народ тоже подолгу стоит, — говорит он тихим голосом, — хотя всех к себе тянет летательный комплекс. Но вот какая вещь, совершенно четко подмеченная: обычные посетители, не очень сведущие в небе и самолетах, задерживаются именно здесь, у «Союза» и гагаринского корабля. Сведущие собираются вон там, — он показал в противоположную сторону павильона, — у двигателей. Смотрят, изучают, пробуют. Но это частное замечание. Идем дальше, выставка очень большая.

На улице нас снова, как и на подъезде к Бурже, встречает тяжелый вязкий грохот, от которого ушам становится больно. Низко над полем проносится американский истребитель-бомбардировщик с подвешенными алетельными ракетами, стремительный, мощный, и буквально над нами, резко задрал нос, свечой уходит в голубую бездну, растворяется на глазах. Американцы в отличие от других каждый день демонстрируют свою технику — в основном ту, которая несет смерть, боевую. Летчики у них, надо заметить, опытные, пилотируют машины безукоризненно. Впрочем, неопытных летчиков на авиасалоне нет, посадить неопытного летчика за штурвал — значит проиграть дело, в чем фирмы совсем не заинтересованы: им ведь не только показывать технику надо, а и продавать.

Продается здесь и оружие. Открыто. Признаюсь, я никогда не видел столько торпед, бомб, зенитных пулеметов и пушек, авиационных скорострелок, ракет, снарядов, собранных вместе. Клок земли в Бурже, повторяю, в общем-то небольшой, за час можно одолеть весь аэропорт, из угла в угол пройти, а столько оружия тут собрано! Несмотря на жару и изнуряющее солнце, даже холодно становится. От оружия веет смертью.

Вот картинно расположился огромный штабель бомб — бомбы от мала до велика, продает их фирма «Самп», на любой вкус и вес: вон, например, греется на солнышке «невинная» штучка в пятнадцать килограммов — карманная, можно сказать, миниатюрная «детская игрушка», вон полцентнерный оковалок, бомбы весом сто двадцать пять килограммов, двести пятьдесят, четыреста, а вон грузная, похожая на неопоросившуюся хавронью бомба-однотонка. Все они окрашены в защитный военный цвет, но рекламная фанерка, установленная около

НА ЗЕМЛЕ

штабеля, называет их ласково «голубыми». «Голубые бомбы». А! Как звучит! Итальянская фирма «Аэреа» продает тяжелые пулеметы, которыми обычно вооружают вертолеты, — пулемет, поставленный в проеме, может бить с воздуха, может с земли: тяжелая вращающаяся штука имеет хорошую турель.

Брошюра, которую нам вручил представитель фирмы, весьма громко рекламирует это оружие, снабжена довольно убедительными чертежами, схемами; в сопроводительных текстах все сказано про пулемет, приведены все данные, ничто не скрыто, да и вообще у оружия, продающегося здесь, нет никаких секретов.

А вот самонаводящаяся зенитная скорострелка «эрликон».

— Знакомая фирма, — заметил Галлай, — в войну не раз сталкивался с этим оружием.

В воздухе в это время, выполняя несложные фигуры пилотажа, носился верткий одноместный самолетик — он сменил американца, по-стрекозы тархтел мотором, утюжил поджарым железным животом небо — безобидное воздушное насекомое, вызывающее добрую улыбку. Ствол «эрликона» неторопливо двинулся вслед за самолетиком, постоянно держа его в прицеле, и, хотя выстрелы не раздавались, было немного жутковато от этого безмолвного страшного движения, от неотвратимости смерти, оттого, что стоит стволу один раз озариться багровым всплеском, и мирный хлопотливый стрекот вмиг будет оборван, лазурь окрасится черным, скопанный, смятый, расплюснутый самолетик рухнет на землю. Вот ведь как: оружие, продававшееся на выставке, было нацелено на самолеты, также продававшиеся здесь, «эрликон» внимательно следил за каждым движением машин, находящихся в воздухе, ничто не уходило от холодного взгляда электронного ока, от длинных бездушных стволов скорострельных зенитных пушек.

За небольшой оградкой стоит хищноногая спарка — двухместный легкий штурмовик «Альфа-джет». Спарка, словно некая рождественская игрушка, увешана гирляндами флажков — просто праздничный интернациональный корабль, пустившийся в далекое плавание, хотя смысл у «праздничного» оформления зловещий: нарядные маленькие флажки извещают о том, сколько стран и какие именно купили этот самолет.

Есть, думаю, разные причины торговли оружием. Например, одно дело — вооружить народ, который старается высвободиться из-под гнета, прогнать шайку людей, накинувших на его шею веревку и давящих, давящих, давящих, глядя, как в конвульсиях корчится целое государство. Вооружить такой народ — дело правое. Другое дело — продать оружие убийце. В таком случае продать — значит подвергнуть опасности людей, и в том числе — может быть, даже в

первую очередь — самого себя...

В небе тем временем загрохотал очередной самолет — машины садятся и взлетают в Бурже беспрерывно, друг за другом.

Программа пилотажа, которую должен выполнить каждый летчик, в общем-то не очень сложная, фигуры ее знакомы, по-моему, даже школяру, но сложность все же имеется: пространство над Бурже узкое, замкнутое, и за пределы этого пространства машинам выходить не рекомендуется. Хорошо, если самолет маленький, он верткий, как блоха, а если в небе громоздкий, похожий на поднятый в воздух дом аэробуса? Тот если уж закладывает вираж, то чуть ли не через голову переворачивается, одним крылом по земле скребет, совершая невероятное, пытаясь удержаться в замкнутом пространстве. Набор фигур пилотажа следующий: взлет, несколько «бочек», петля, проход над Бурже на минимальной скорости, проход на максимальной скорости, виражи в одну сторону, виражи в другую, посадка. И все же почти на каждом салоне происходят трагедии, гибнут люди, горит техника, носятся по полю пожарные и санитарные машины, в небо взлетают столбы огня и дыма.

Многое случалось на глазах у зрителей, оставляя после себя горечь и печаль...

Одно из самых популярных мест на авиасалоне — космическая ракета «Ариана», слепяще-белая, видная буквально отовсюду, из любого угла. «Ариана» настолько популярна, что возле нее назначают свидания влюбленные, которых тут полным-полно, они сидят прямо на асфальте, целуются, заслоняясь от солнца газетой, воркуют, ссорятся. У «Арианы» находят своих потерявшихся отпрысков счастливые папаши и мамыши, совершаются знакомства и встречи, тут работают журналисты, сосредоточенно фиксирующие в блокнотах увиденное.

«Ариана» хоть и не побывала еще в космосе, а уже стала каким-то обжитым, бытовым, ведомым каждому, кто приходит в Бурже, местом, своеобразным символом авиасалона, возраст которого уже далеко не младенческий: семье сядет три года. Первые свои шаги салон сделал еще в 1908 году, но не в Бурже, а в Париже. Снимки того времени свидетельствуют, что под выставку было отведено внушительное крытое помещение с решетчатыми стеклянными потолками, главными экспонатами стали животастые воздушные шары, приковывавшие к себе взоры каждого посетителя: шары казались им техникой будущего, чем-то сверхъестественным. Не так уж много времени прошло с той поры, всего лишь краткий миг, вздох для истории, а о воздушных шарах уже давно забыли.

«Ариана» построена не одной Францией — несколькими странами, это совместный продукт. При чем «Ариана» — всего лишь раке-

та-носитель («Немного слабовата, чтобы вымахнуть с людьми на орбиту», — придирчиво осматривая ее опытным взором, констатировал Марк Галлай, — мощности бы ей добавить, и тогда все будет в порядке), построен и космический корабль, называется он «Спейс-леб».

Когда космический корабль был сооружен, то стали собирать заявки желающих побывать в космосе. Заявки подавали в основном летчики, инженеры. Одна заявка поступила от безработного: он, наивный, тоже считал, что имеет право прославиться. Из ста тридцати трех претендентов, подавших заявки, было отобрано пять человек. Среди них — одна женщина, Анни-Шанталь Левассер-Регур. Многие французы — особенно галантные мужчины, привыкшие всегда уступать дорогу женщине, — считали, что в космос должна полететь именно Анни-Шанталь, ей суждено прославить свою страну: ведь все-таки женщина — это символ самой Франции, женщина изображена и на самых ходовых монетах, наряженная во фригийскую шапочку, красивая и решительная, но произошло что-то непредвиденное, и Анни-Шанталь, тридцатипятилетняя преподавательница университета, «ведущая одновременно исследовательскую работу», как писали газеты, не прошла по конкурсу в космонавты: то ли ногу себе повредила, то ли еще что-то произошло. В общем, решение комиссии было горьким для Анни-Шанталь: нет.

Время индивидуального освоения космоса прошло — одиночки сейчас не летают, это бессмысленно, да и нерентабельно. Космос — дело коллективное, поэтому отбор претендентов в интернациональный экипаж «Арианы» продолжается. Трижды «Ариану» пробовали запустить на околоземную орбиту с искусственным спутником на борту, и трижды этот запуск был отложен: каждый раз находили неполадки в снабжении корабля горючим. Стартовая площадка Куру, где установлена действующая «Ариана», находится во Французской Гвиане. Уже перед самым моим отъездом из Парижа вся Франция прильнула к телевизорам: показывали четвертую попытку запустить «Ариану» с искусственным спутником. Четвертая попытка была удачной.

Что же касается запуска «Арианы» вместе со «Спейс-лебом», то он перенесен на 1983 год.

А в небе тем временем поднялся бокастый громоздкий аэробус А-300, машина добротная, хорошо разрекламированная, но которой, я уверен, нисколько не уступает наш, отечественный аэробус Ил-86. Между этими двумя машинами существует одно принципиальное отличие, связанное с географией: европейские страны небольшие по размеру, перелететь из одного государства в другое — все равно, что у нас переместиться из области в область, — вещь в общем-то пустяковая при нашем размахе в тысячи, а то и в десятки тысяч километров («Курица не птица, сто километров не расстояние»), поэтому аэробус А-300 рассчитан на короткие «плечи». Наш Ил-86 рассчитан на дальние полеты — в Сибирь, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Эта психологическая разница, естественно, была технически обоснована, разработана, воплощена в жизнь. По мнению специалистов,

Ил-86 принадлежит к числу лучших самолетов салона.

Мы выставили блестящие вертолеты, о которых писали почти все газеты, — я видел даже маленькую люксембургскую газетенку, очень похожую на заводскую многотиражку, и она, далекая от техники, тоже посвятила нашим вертолетам статью, занявшую чуть не половину печатной площади.

...А-300 сменил в небе итальянский военно-транспортный самолет — опять бог Марс, боевые дела, — не уступающий своими размерами аэробусу, натужно гудящий, пятнистый — раскрашен по всем правилам боевой маскировки, неуклюжий и страшноватый, старательно выполняющий обязательную программу воздушных фигур.

Пока он летал, до Бурже донеслась горестная весть: все-таки произошла трагедия. Дело в том, что в честь авиасалона был осуществлен трансатлантический перелет по маршруту Париж — Нью-Йорк — Париж, через океан, весьма беспокойный в эту пору года. Самолетики, отправившиеся в путь, были легкими, не совсем надежными, многие из них были ровесниками знаменитых «фарманов» и «нюпоров» времен первой мировой войны, но что такое сомнения, когда за штурвал садится энтузиаст: тут ведь, как пелось в песне, и на честном слове можно дотянуть и на одном крыле, — сколько раз в войну такое бывало! Были среди самолетов и такие машины, что принимали участие в боях второй мировой войны, — прошиты пулеметными очередями и старательно заштопаны.

Риск есть риск. Недаром говорят, что это не самое последнее, не самое худое дело на белом свете — тем более полету сопутствовала реклама, внимание печати, телевидения, — и шестьдесят пять машин-скорлупок отправилось в опасное путешествие. «Кто быстрее дотянет до Нью-Йорка и так же быстро вернется назад в Бурже, кто?» — спрашивали газеты читателей. Назад вернулось пятьдесят девять машин, шесть не дотянуло, и одна из них — самолет под номером 110 с двумя людьми на борту, пилотами Мас-сро и Рекуэном, — исчезла бесследно. Вполне возможно, что скорлупка, неисправная, опустилась на какой-нибудь атлантический островок или упала по дороге в воду, но никто этого приземления или приводнения не видел. Поиски, организованные воскресным утром (последние самолеты вернулись ночью в субботу), ни к чему не привели.

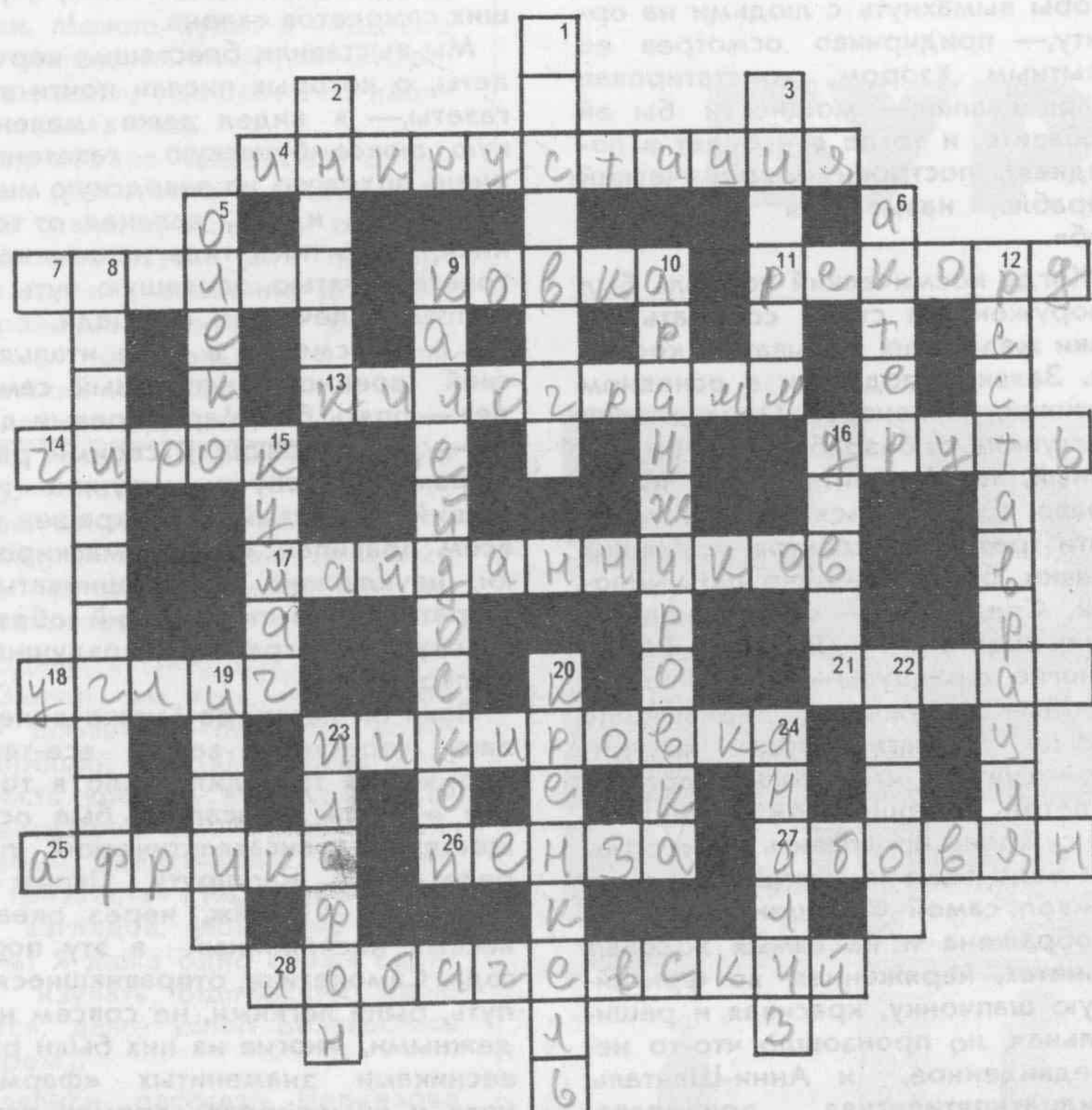
И замерли люди, славя пилотов, пустившихся в путешествие и погибших в дороге, славя смелость, мужество, сочувствуя им, оплакивая их. Что повело их в этот путь? Слава? Но это такая недолговечная штука... Деньги? Желание испытать себя, пощекотать нервы себе и другим? Что?

Как бы там ни было, жаль пилотов; никакая возможность заработать, никакие деньги не стоят человеческой жизни.

Буквально на следующий день печать уже не вспоминала о Мас-сро и Рекуэне.

Воскресным вечером слепящий, сияющий цветастыми огнями, шумный, радостный, как праздник, авиасалон закрылся. Чтобы через два года открыться вновь. В очередной, тридцать пятый, раз.

Париж — Москва.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Украшения, узоры из мрамора, перламутра, металла. 7. Животное семейства настоящих тюленей. 9. Способ обработки металла давлением. 11. Высшее достижение в спорте. 13. Единича веса. 14. Дикая утка. 16. Приток Днепра. 17. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 18. Старинный город в Ярославской области. 21. Денежная единица некоторых арабских стран. 23. Способ пересадки всходов растений. 25. Материк. 26. Областной центр в РСФСР. 27. Народный поэт Армении и Грузии. 28. Русский математик, создатель неевклидовой геометрии.

По вертикали: 1. Горный хребет на юго-западе Алтая. 2. Чешский композитор, музыкальный критик, дирижер. 3. Жаростойкий сплав. 5. Опера С. В. Рахманинова. 6. Исполнитель ролей в театре, кино. 8. Прибор для записи или визуального наблюдения изменений электрического тока. 9. Оптическая детская игрушка. 10. Переложение музыкального произведения для исполнения на другом инструменте. 12. Восстановление в первоначальном виде произведений искусства. 15. Яркая красная хлопчатобумажная ткань. 16. Французский живописец, представитель классицизма. 19. Река в Казахстане. 20. Полярник-радиотехник, Герой Советского Союза. 22. Лекарственное растение. 23. Арматура электрического светильника на потолке. 24. Метод научного исследования.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 7. «Шахтерка». 8. Обсидиан. 9. Чемпионат. 10. Хронометр. 12. Кашпо. 14. «Герника». 15. Арена. 19. Марковников. 20. Паруса. 21. Удокан. 24. Звездинцева. 25. Планк. 28. «Деревня». 29. Крага. 31. Константа. 32. Протектор. 33. Тасмания. 34. Серенада.

По вертикали: 1. Газета. 2. Щёкино. 3. Макаренко. 4. Коррекция. 5. «Сирота». 6. Каштан. 11. Университет. 13. Шотландка. 16. Елизавета. 17. Варсова. 18. Кордова. 22. Известняк. 23. Сценарист. 26. Лиотар. 27. Катран. 29. Кречет. 30. Гроздь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Командир Як-40 Мария Яровая. * Перед грозой. * До следующей недели. (См. в номере материал «Где голубые таймени».)

Фото И. Гаврилова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В советском павильоне авиасалона в Бурже всегда многолюдно. * Парижская улица. * У подножия Эйфелевой башни. * Дом инвалидов. Здесь находится гробница Наполеона. * В Париже встали новые дома, совсем необычные для французской столицы. (См. в номере материал «Бурже: в небе и на земле».)

Фото В. Поголева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.10.81. Подписано к печати 27.10.81. А 00450. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 2579. Заказ № 1329.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото В. ПЕТРУСОВОЙ

Как часто, рассказывая о той или иной актерской судьбе, мы пишем: ему повезло — он встретил такого-то режиссера. Или: ей повезло — она получила такую-то роль. И порой в наших статьях выходит так, будто судьба бросает бедного актера «на волю волн», и не тонет он только лишь потому, что откуда ни возьмись появляется добрый волшебник (чаще всего это режиссер) и выводит безвольную жертву стихии на золотой берег...

Но к описанию творческого пути народной артистки РСФСР Людмилы Шапошниковой менее всего подходит слово «везение». Последовательно и терпеливо преодолевала актриса все ступени мастерства, с самого начала пути рассчитывая прежде всего на свои силы, свое желание денно и нощно трудиться, на свою любовь к театру. Она никогда не напризначала и бралась за любые роли, даже за мужские — еще в школьном драмкружке, где ей, высокой и крупной девочке (к тому же, как она сама считала, некрасивой), не доставались лирические героини. В отличие от многих она быстро перестала мечтать о несбыточном, как, например, раньше — о роли Ларисы в «Бесприданнице». Она оказалась из тех, кто любит не мечтать, а действовать. Делать. И в том чувствовать себя необходимой людям.

Правда, Людмила Викторовна призналась мне: специфика профессии «актер», на ее взгляд, такова, что ему редко удается ощутить свою, так сказать, ценность — значимость, надобность кому-то другому. Самой Шапошниковой довелось в полной мере испытать это чувство во время войны, когда она, студентка ГИТИСа, в составе артистической бригады ездил из Москвы в прифронтовые части, в госпитали к раненым. Молодые артисты выступали по восемь-девять раз в день, замерзали страшно, уставали, но иначе не могли: они были очень нужны... «Вот то ощущение собственной необходимости людям я и стараюсь сохранить в себе по сей день. В любом труде очень важно это сознавать».

В Московском театре имени Моссовета, куда Шапошникову приняли в 1944 году, она сыграла более шестидесяти ролей.

Лирические, трагические, характерные... Кстати, характерные роли Людмила Викторовна всегда любила особенно. И особенно в пьесах Островского, с которого началась ее работа в театре. Среди первых ролей молодой актрисы была и вдовушка Лундышева в «Красавце-мужчине». Помните, по пьесе она переодевается в богатую невесту Обалдуеву? Шапошникова добивалась этого перевоплощения с таким самозабвением и пылом, что как-то после спектакля к ней заглянул Мордвинов и воскликнул: «Ну зачем же в такие годы так себя уродовать?»

Характерных ролей и сейчас много в репертуаре актрисы. Как

и прежде, Людмила Шапошниковая не боится показаться на сцене внешне комичной, иногда даже малопривлекательной. Но теперь за каждой из ее героинь, пусть совсем ненадолго появляющихся перед нами, стоит судьба; за несколькими скупыми словами угадывается целая книга прожитой жизни, точно поэтому в ее исполнении обретают осязаемую достоверность, узнаваемость любые, даже самые, казалось бы, нетипичные персонажи. Как, например, служанка Арлен из французской комедии «Двери хлопают». На первый взгляд героиня Шапошниковой просто ненормальна: не по возрасту короткое платье и распущенные по спине длинные белые волосы, неподвижный взор, тяжелая мужская походка. Эта горе-служанка позволяет себе кричать на хозяев и поучать их, не обращая внимания на приказания, сует свой нос в чужие дела и т. п. Но все это лишь на первый взгляд. Пройдет несколько минут, и мы поймем, что за грубостью этой, в прошлом деревенской, женщины скрывается трогательная преданность и привязанность к семье, в которой она живет; что ее сердце открыто доброте, а ум не лишен тонкой иронии. И в результате не хозяева над Арлен, а она над ними подсмеивается, ибо служанка оказывается, пожалуй, единственным человеком в этом «сумасшедшем» доме, кто как раз нормален, кто знает, чего он хочет от жизни.

Что же касается характеров, нередко встречающихся в нашей повседневности, таких, как, скажем, Буфетчица в «Превышении власти» или же инструментальщица Олимпиада в пьесе «День приезда — день отъезда» (обе пьесы написал В. Черных), то в каждом из них, несмотря на кажущуюся обычность, Шапошниковая умеет отыскать еще и яркую индивидуальность, особенные живые черточки.

Даже по маленьким ролям заметно, что актриса любит создавать образы противоречивые, неоднозначные, так сказать, со вторым планом. Любит играть героинь, производящих одно впечатление, но раскрывающихся впоследствии с самой неожиданной стороны. И в большинстве своем ее героини — характеры масштабные, эмоциональные, с обостренным чувством собственного достоинства. Такой была в свое время в исполнении Шапошниковой Соня («Леший» Чехова), Татьяна («Бранденбургские ворота» Светлова). Такой была ее трагическая героиня Танкабике в спектакле «В ночь лунного затмения» Мустая Карима. Актриса сыграла здесь «короля Лира в юбке», хозяйку рода, властную, волевою, опутанную старыми обычаями, но бесконечно любящую своего сына и в конце концов теряющую его.

Такой же я увидела недавно и Гизу в исполнении Шапошниковой (спектакль «Кожки-мышки» И. Эрнана). Эта роль парализованной венгерки, оказавшейся в конце своей жизни на чужбине, трудная хотя бы уже потому, что актриса, по замыслу постановщика, должна постоянно находиться на сцене. Все два часа она неподвижно сидит в кресле, являя собой, как в кино, «крупный план». Большое напряжение для актрисы. Но столь естественна и, повторяю, достоверна она на сцене, что вряд ли кому придет в голову задуматься о каких-либо профессиональных трудностях. В этой, по сути дела, мелодраме Шапошниковой сумела сыграть трагедию человека, лишённого родины. Вначале мы видим перед собой эдакую здравомыслящую, чопорную моралистку, строго и сдержанно наставляющую младшую сестру. Но постепенно перед нами разворачивается огромный мир одинокой души — мудрой, щедрой, гордой и чуткой. Гиза становится совестью, нравственной опорой всего происходящего.

В списке работ Людмилы Шапошниковой особое место занима-

С Л У Ж Е

ют десять — двенадцать ролей, сыгранных вслед за Верой Петровной Марецкой. И, скажем сразу, сыгранных прекрасно. Этот факт творческой биографии актрисы только подтверждает мысль, что слово «везение» не очень подходит к рассказу о ней. Здесь отнюдь не везение, а великое испытание выпало на долю Шапошниковой. Хотя был тут и большой плюс: роли все крупные, значительные. Но ведь и какое требовалось бесстрашие от актрисы! Концентрация и мобилизация всех сил. Людмила Викторовна с благодарностью вспоминает Марецкую, которая обязательно появлялась на первых спектаклях, где ее роль играла Шапошникова, и часто что-то писала в темноте на больших листах бумаги, а потом приходила с советом...

— Знаете, никогда у меня не было ролей, предназначенных или написанных специально для меня. Когда играла вслед за Марецкой, от иных коллег слышала: «И что ты все в поддужных ходишь?» Не помню, смогла ли тогда убедить их в том, что я просто очень люблю театр. Что все мои роли, большие и маленькие, всегда радовали меня. Я так люблю играть! И не считаю себя обиженной. Мне дорога любая работа в театре...

Действительно, любую работу можно доверить Людмиле Шапошниковой. И даже такую непростую, как быть — на протяжении многих лет — секретарем партбюро театра, ставшего инициатором творческого соревнования среди театров столицы. Шапошникова — депутат Моссовета, делегат XXVI съезда КПСС. И, кроме того, она принимает деятельное участие в укреплении творческих позиций театра как член президиума художественного совета.

— После смерти Юрия Александровича Завадского мы поняли, что невозможно кем-то заменить его, поэтому у нас образовался совет, на котором мы коллективно решаем все вопросы жизни театра, — рассказывает Людмила Викторовна. — Конечно, Юрий Александрович по-прежнему остается с нами! Он был удивителен: в нем никогда не чувствовалось режиссерского диктата. Актер думал, что сам доходит до каких-то открытий. Завадский умел будить в нем потайные струны, умел вдохнуть в него новую жизнь. Работать с таким режиссером легко и свободно. Сейчас многие рассуждают о том, какой театр лучше: актерский или режиссерский. Меня это немного удивляет. Пример Завадского доказывает: чем выше, талантливее, крупнее режиссер, тем определеннее его театр можно называть «актерским». Это настолько неотделимо одно от другого, что не нуждается в подробных разъяснениях. В этом я глубоко убеждена.

Мы уже говорили о том, что актриса Шапошникова не мечтает о несбыточном. Но сие вовсе не означает, что этому человеку вообще несвойственно мечтать. Людмила Викторовна мечтает о том, чтобы коллектив родного театра всегда был дружным, чтобы молодежи жилось в нем творчески интересно, чтобы на сцене шли только хорошие и умные пьесы, чтобы современные драматурги давали зрителю больше пищи для размышлений, чтобы театр активнее вторгался в жизнь, чтобы искусство служило нравственному совершенствованию человека...

И это все не громкие слова. И не абстрактные мечтания.

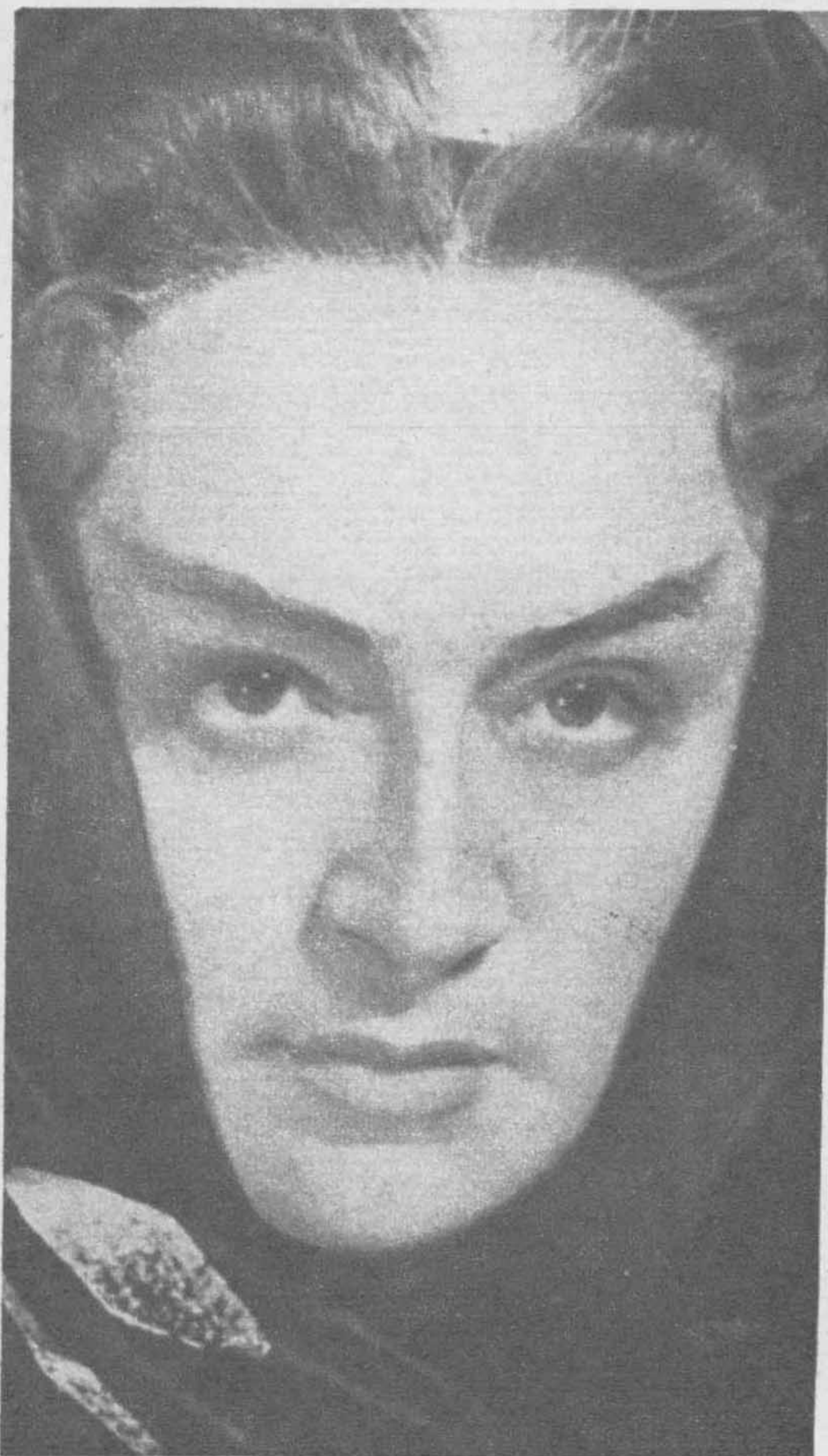
Людмила Шапошникова прилагает немало усилий, и притом самых конкретных — повседневных, продуманных, энергичных, — для того, чтобы эти ее мечты осуществились.

— Жаль только, — говорит она, — что совсем нет свободного времени. Но когда с тобой дело, к которому ты всегда стремишься и которое тебя не обмануло, хочется совершить во имя него как можно больше. И если что-то удастся, я счастлива.

«В ночь лунного затмения».

«Король Лир».

«Третьего не дано».

Н Ш Е Т Е А Т Р У

ISSN 0131—0097

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663